

АРТИКЛЫ

Израильский литературный
журнал

АРТИКЛЪ

№ 28

Тель-Авив

2024

מעלות
המרכז למורשת יהדות ברית המועצות

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Анна Михалевская. Проситель.....	4
Нелли Воскобойник. Четыре с половиной процента.....	11
Рита Грузман. Поэма о молоке.....	23
Тамара Нестеренко. Совсем другой роман.....	34
Велвл Чернин. Хазарин.....	40
Ефим Шуман. Шаргород	48
Михаил Гаузнер. На мой век дураков хватит.....	71
Аль Затуранский. Сорок пять минут одиночества.....	76
Марк Котлярский. Страсти роковые.....	81
Нурлан Токсанов. Домашний рай.....	94
Мехти Али. История о доблестном Ровшане и правдивой Сиддике.....	129
Яков Шехтер. Сердце Европы.....	173
Михаил Юдсон. Остатки.....	193

ИЗРАИЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ИВРИТЕ СЕГОДНЯ

Эфраим Кишон. Русские идут.....	197
Яков Шабтай. Итог.....	200

ПОЭЗИЯ

Катя Капович. Когда сирена за окном завывала.....	211
Дина Березовская. Осенний подшёрсток.....	215
Дина Меерсон. Косолапое время.....	219
Бахыт Кенжеев. Головой об стену.....	224
Игорь Иртеньев. Картинка мира.....	227
Михаил Сипер. Эра озверения.....	231
Леонид Линник. Несколько стихотворений.....	237
Владимир Гамеров. Жить с любовью.....	240

Максим Д.Шраер. Моя вязаная кипа.....	245
Семён Гринберг. Всё было и взаправду, и случайно.....	248
Настя Запоева. Огонёк памяти.....	251
Олег Фельдман. Памяти чужих слов.....	254
Евгений Богорад. Ключ единственный.....	259
Борис Суслович. Дрожь и вина.....	261
Игорь Губерман. По мере угасания либидо.....	263

НОН-ФИКШН

Нисан Мишгаль. Встречи с Моше Даяном.....	267
Александр Крюков. Недолгое эхо взрыва на бульваре Ротшильд.....	277
Михаил Черейский. «В Бабруйск!».....	284
Давид Шехтер. Кино и Щаранский.....	289

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

В ИЗРАИЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Роман Кацман. Стоболь	294
Осип Ксанин. Приключения «Нового Хронографа».....	301

БОНУС ТРЕК

Ася Анистратенко. Хищник.....	311
--------------------------------------	-----

*На титульной странице: Моше Даян с сыном
(к статье «Встречи с Моше Даяном» на стр. 267).*

ПРОЗА

Анна Михалевская

Проситель

Он приходил в самые тёмные дни. Когда вечер расплзался паутиной дурного настроения; и стены, пальто на вешалке, тарелки в буфете, накрест заклеенные скотчем окна – всё обрастало липким налётом безысходности. Звонил два раза – вроде как предупреждая о себе и воруя секунды надежды, что за дверью кто-то другой.

Была моя очередь встречать. Так случалось часто. Бабушке некогда. По выходным она танцевала в клубе греческой культуры, а остальное время репетировала дома. На маме всё держится. Та сидела перед компьютером и постоянно что-то обсуждала в зуме. Работа у неё такая. Брат и сестра десяти лет, Алик и Алиса, одевались под сериал «Уэнсдей»¹ и старательно не улыбались. А ещё – делали всё наоборот тому, что просишь. Папа писал роман, закрывшись в спальне. Уже года три как. И даже война особо не изменила его распорядок. Одна я без чёткой жизненной позиции. В пятнадцать мне просто нравилось смотреть по сторонам и видеть что-то своё.

Проситель, по обыкновению, топтался на пороге, оставляя лужицы непогоды на дощатом полу. Сегодня у гостя был особенно потрёпанный вид. Волосы топорщились, как неудачно свитое воронье гнездо. Отросшая щетина делала его старым, хотя стариком Проситель не был. Крючковатый нос стал ещё больше походить на клюв. В глазах тлело безумие. Но, может, там лишь отразилось моё?

– Уговор? – спросил он привычно, не вынимая рук из карманов плаща. Плащ был один и тот же много лет. В похожем Брюс Уиллис разгадывал тайну шестого чувства². Впрочем, время не оставило на плаще ни дыры, ни пятна.

¹ Американский сериал о взрослении в жанре комедии ужасов со сверхъестественными элементами, основанный на персонаже Уэнсдей Аддамс из «Семейки Аддамс».

² «Шестое чувство», 1999 г. – мистический фильм с Брюсом Уиллисом в главной роли; о психологе и его пациенте, мальчике, который видит призраков.

Я кивнула. Соглашались все. Отказаться невыносимо. Никто не знал, что тогда произойдет, но все этого боялись.

Он вынул руку из плаща и протянул, переворачивая ладонью вверх. Я мечтала, что однажды там окажутся... билеты в кино, конфеты, да хотя бы сто гривен. Когда рассказала об этом своим, бабушка рассмеялась. Мама сухо заметила, что мне нечем заняться. А папа похвалил – хороший ход, он использует идею в следующей главе. Десятилетки осудили: хэппи-энд для лузеров.

Его ладонь, как обычно, была пуста. Мы вкладывали в неё своё.

Я протянула заранее подготовленную свечу.

– Кто?

Язык прилип к нёбу. Я стояла и ждала, беспочвенно надеясь, что он уйдёт.

– Кто?

Взгляд прожигал и, казалось, без моего ведома доставал нужное имя. Пусть лучше сама.

– Я...

«Отдавай тех, кто тебе больше не нужен, – учила мама, следя одним глазом за строчками в компьютере. – Проситель знает, чем заменить пропажу». Тогда я и решилась, никому не сказав. Какая есть, я была себе не нужна.

– Уговор! – повторил Проситель, на сей раз утвердительно. Задул свечу и опустил огарок в безразмерный карман плаща. Была уверена: он общается минимум с соседней галактикой. Карман, не Проситель. Хотя иди знай.

Позвав меня, гость вышел в парадное. Я покорно побрела следом. Было страшно. И ещё – интересно.

Проситель заходил ко всем, но об этом не говорили. В окно я часто наблюдала, как он идёт по двору от дома к дому своей странной походкой, каждый раз отталкиваясь ногой от земли, будто для прыжка, но сам себя гася, возвращая вниз.

Он появился ещё до войны. Как самая любопытная, пошла открывать я. Проситель стоял, не произнося ни слова. Захлопнуть бы перед носом дверь, но безотчетное чувство вины склеило наши взгляды. За что? К кому? Я не знала.

Ещё секунду назад жизнь кипела. Брат и сестра дрались за Вещь¹ – рука с моторчиком только-только приехала в посылке из Китая. Бабушка разучивала сиртаки в коридоре. Папа с отсутствующим видом сидел тут же на табуретке – в одной руке отвёртка, в другой плоскогубцы; он шёл на кухню чинить стол, но по дороге его прихватила новая глава романа. Мама возмущалась, что, мол, посуду мойте сами, раз всё равно ничего не делаете.

Из карманов «брюс-уиллисовского» плаща, от растрёпанных волос и потухших глаз Просителя расплзался невидимый смог. Он заполнял все лакуны нашей квартиры, глушил мамин голос, папино молчание, стук каблучков бабушки, возню брата с сестрой. Мне сразу захотелось стащить с себя этот смог, как старый тесный свитер, и выбросить в мусор. Любой ценой.

– Что вам надо?

– Свет, – и он протянул руку.

Свет?! Я сбегала за фонариком, за спичками, принесла зажигалку. Проситель всё отверг.

– Свет, – повторил он. Терпеливо, как ребёнку.

В конце концов, ему подошёл огарок свечи, который я додумалась зажечь.

– Кто?

– Что кто? – переспросила я.

– Ему нужна жертва, – за спиной выросла бабушка. – Племенной бык, отара овец. Десять девственниц, которые питались только авокадо и витамином Д.

Бабушка верила мифам Древней Греции и считала: с тех пор ничего не изменилось. Впрочем, лучшего объяснения мы всё равно не нашли. Проситель молчал, никак не пытаясь нам помочь. Овец у нас не было. Быков и девственниц, как ни странно, тоже. Но мы вспомнили про уборщицу. Метлы тети Галы боялись все, кроме мусора. Совком она не пользовалась, перемещая опавшие листья и узоры пыли с одного места на другое. Завидев кого-то из жильцов дома, тетя Галя заводила:

- Свиньи, набросали бумажки от этого... как его... махрональдса, понаприносили грязюки на ботинках, засранцы, а ты постой с моё, поубирай, гады вонючие...

¹ Вымышленный персонаж из произведений о семейке Аддамс: человеческая рука, которая служит Аддамсам как слуга, постоянный спутник и домашний питомец.

Несмотря на хроническое подпитие, свои пожелания соседям она произносила по-актёрски правильно, с нужными паузами, чётко выговаривая каждое слово. С ней не спорили, старались не попадаться на глаза. И даже дети усердно вытирали ботинки о рваную футболку с Че Геварой, которая вместо коврика лежала у входа в парадное. Чтобы не злить лишний раз тётю Галу.

Мы отдали её Просителю. Считая, что так и надо. Сразу почувствовав облегчение.

Тётя Гала больше не показывалась. На её место пришла тихая Людочка. Очень старательная. Наш двор стал кристально чистым, если особо не присматриваться к кристаллам в местах ежедневной трапезы полусотни бродячих котов.

И пошло-поехало. Мы отдавали Просителю недругов, не задумываясь, что происходит с людьми потом. Они стирались из наших жизней, как неудачный черновик. Был человек – и нет.

Всё бы хорошо... Но мы едва выдерживали присутствие Просителя. Чувство вины сгустилось, отяжелело и прилегло мраморной плитой на косяк двери. Пока гость топтался на пороге, плита кряхтела и медленно ползла, грозя однажды обвалиться и раздавить своей тяжестью.

С войной Проситель зачастил. Бегал, как к себе домой. О, нам было что ответить на вопрос: «Кто?». Стоило вспомнить нахальный рёв ракеты над крышей, или жужжание дрона, мелочное и противное, словно брюзжание старика, или руины ещё вчера благополучных домов, сообщения о погибших собаках, о детях в реанимации... Ответ находился. Мы произносили имена – и каждый раз с большой буквы, так сильна была наша ненависть. Враг. Суки. Твари. Нелюди. Проситель принимал нашу жертву. Надо ли говорить, что это не приносило облегчения.

Один генерал уступал место другому. Чей-то самолёт случайно взрывался, и этого кого-то заменяли, брали нового оловянного солдатика из набора. Стена пехоты падала, мобилизовали следующих и, подпирая автоматами спины, гнали в атаку. Сегодня сбивали сотню дронов, завтра прилетало вдвое больше. Оружие совершенствовалось и называлось иначе... Война продолжалась. Горели дома и города. Жизни терялись легко, как трамвайные билетки...

Помните Людочку, нашу идеальную уборщицу? Так вот, на неё открыли дело – Людмила Игоревна Соколенко ограбила соседскую квартиру.

– Куда деваются те, кого мы называем? – приставала я к своим с расспросами.

– Возможно, их увозят в какую-то исправительную колонию, – предположила мама; она не умела фантазировать.

– Проситель расчленяет и выбрасывает трупы в море! – сказала Алиса тоненьким голоском.

– Отправляют в параллельное пространство. Очевидное же развитие ситуации, – хмыкнул папа.

– Мы не знаем, – честно призналась бабушка.

– А как узнать?

– Древнегреческие герои в таких случаях обычно спускались в царство Аида. Посоветоваться.

Все на неё зашикали. Придумала тоже. Иди лучше танцуй. Забиваешь ребёнку голову.

А я запомнила. Всё равно варианта лучше не нашлось.

– Куда мы идём?

Я еле успевала за Просителем, хлюпая ботинками по глубоким февральским лужам. В них отражался украшенный звёздами пояс Ориона. Пижон!

Проситель шёл своей прыгающей походкой, умудряясь огибать все лужи. Его лёгкие, не по погоде туфли оставались чистыми.

– Что со мной будет? Что ты вообще делаешь с людьми? Варишь, чтобы сохранить вечную молодость своему плащу?

Проситель уклончиво мотнул головой. Нет, не варит.

Мы миновали затихший двор, вышли в парк – бомжи, лишённые страха, безмятежно спали на скамейках. Подрагивающие трамвайные рельсы, мигающий светофор, непривычно тихий Привоз, Пироговская с заблудившимися противотанковыми ежами, парнишка на костылях у военного госпиталя и огонёк его сигареты в темноте, высотки с откушенными этажами, почерневшими от ядовитой слюны ракет и дронов. Магазины. Люди, не поднимающие головы. Сумки, оттягивающие им плечи. Сигнал тревоги из динамиков – как коллективный вопль отчаяния.

Мы бесцельно бродили в темноте, безразличные всем и ко всему. Может, это и значит – спуститься к Аиду?

Проситель остановился у какой-то стройки, нашел в лесах лазейку, юркнул внутрь. Я немного удивилась, но пошла за ним. Тот обошел котлован и долго всматривался в глубину, из которой торчали сваи.

– Кто ты? – спросила, не ожидая ответа.

Но Проситель ответил:

– Обычный человек. Просто у меня не осталось света. Я слишком долго живу и всё растерял. А у вас он есть. Пока есть.

Он махнул рукой на котлован.

– Сейчас это голые сваи, через год сюда заселятся люди, придумают, какой должна быть квартира, купят мебель, повесят шторы, влюбятся, родят детей, напишут книги... Ваша жизнь, как трава, растёт из любой пустяковой мечты... – в голосе Просителя послышалось раздражение.

– Что ты делаешь с теми, кого мы тебе называем?

– Ничего, – удивился он, – что я могу с ними сделать? Вы отказываетесь от них. Но сами отдаёте им лучшее. Свои силы. Свои слова. Те же мечты. Свой свет. Он идет в никуда, в прорву. Почему бы не взять, что плохо лежит...

Проситель засмеялся – неловко, будто закашлялся.

Мне стало противно. Я поняла, как сильно ненавижу.

– А ну отдай! Отдай все мои свечи! Наши свечи! Наш свет! Ты не имел права!

Я схватила его за плащ, будто так могла вытрясти из него все свои ошибки, растоптать в пыль и смахнуть в котлован. Он легко увернулся. И снова засмеялся, на сей раз открыто. Во весь голос. Захохотал, едва не перегибаясь вдвое. На соседнем участке пару раз гавкнула собака, будто интересуясь, что там у нас происходит.

Проситель смеялся, утирая слезы рукавами плаща. Лицо покраснелось и стало живым. Почти нормальным. Странный, конечно. Но за что его не любить? А если и не любили, то почему не прогнали сразу?

– Что со мной будет?

Проситель протянул руку.

– Ты же знаешь, у меня нет свечи. И имена закончились, – пожалала я плечами.

Он раскрыл ладонь. Там лежал обрывок газеты. Смятая страница.

– Решай сама.

Совершенно обычная газета, я принялась – ещё пахнет типографской краской. Прочитала. Перечитала ещё раз. На передовице большими буквами: «Война закончилась!». Пробежала глазами вниз. Оторвано по косой, из даты сохранился только месяц – апрель. Но какого года?

Подняла голову, чтобы спросить, рядом никого не было.

Дома меня встретила полиция и служебная собака. Овчарка уже нюхала мою кофту, чтобы знать, кого ей искать. Мама отрывисто отдавала распоряжения полицейским. Папа впервые за годы войны оторвался от романа и включился в жизнь – надиктовывал собаке особые приметы. Бабушка звонила подруге-экстрасенсу и спрашивала, что та видит. Алиса и Алик в обычной детской одежде, а не в сценическом гриме под Уэнсдей, стояли в уголке и советовались с Вещью.

– Он больше не вернётся, – сказала я всем. – И война скоро кончится. В апреле.

Не знаю, что подумала полиция, и в особенности – собака.

Мама усадила меня за стол и налила тарелку борща. Вкусно! Оказывается, она умеет готовить!

Я молчала. Слишком много вопросов. Ответов на них не было. Кроме тех, которые мне ещё предстояло придумать.

Четыре с половиной процента

В субботу мне позвонил заказчик. На самом деле он полковник и большой начальник, но, разумеется, все зовут его по имени - Нир. Какие уж тут чины, когда мы чуть не еженедельно разговариваем и находимся вполне в приятельских отношениях. Он позвонил в одиннадцать. Я всё утро занимался какими-то домашними починками, ничего у меня толком не получалось, вообще "золотые руки" - не мой профиль.

- Привет! - сказал Нир. - Алан! Ты в курсе, что творится? Нет? Включи телевизор. Хабиби, война идет. Да такая, какой ещё не было. Приезжай. Много дел. За час доберёшься? Ну, ладно - час с четвертью. Бутылку воды возьми в дорогу...

Жена говорила что-то важное - она попусту болтать не будет, но я не слышал. Думал, натягивая джинсы, как собрать группу. И надо заново переформатировать задание. И как организовать работу, чтобы через три-четыре недели можно было прогнать первый вариант программы контроля. По плану она должна закончиться к июлю, но началось хорошо, и если отбросить всякие финтифлюшки, и очень постараться... Война так война.

Спускаясь по лестнице, вызвал всю группу на работу. Написал в чате: "В Главном корпусе в двенадцать сорок пять". Мы все штатские - нам приказать нельзя, да и ненужно. Ясно, что Итай не успеет - ему дороги больше часа, но он поторопится... Хуже, что у Мири по субботам телефон отключён. Но даст Бог, как-нибудь... Главное начать.

Через два часа мы были готовы. Нир пришел, сел на мой стол, поболтал ногами, сказал:

- Нужно довести до тестирования за... за сколько можно?

- Месяц, - ответил я.

- Да ладно, - вмешался мой заместитель Алекс. - Мы же не по восемь часов будем работать - за двадцать дней сделаем.

- За двадцать дней без новой системы контроля погибнет человек двести, - сказал Нир, глядя мне в глаза.

- Хорошо, - сказал я. - Через час пришлю тебе список оборудования и имена тех, кого надо к нам подключить. Макса убери из группы. Он в таком режиме только помеха.

В среду сообщу, когда можно надеяться на первую версию. До вечера освободи нам большую комнату. Можно столовую. Одиннадцать столов, вода для питья, кофейная машина, сахар там, стаканы... Компьютеры пусть подключат с надписями: какой - чей. Людей из списка мобилизуй до шести. Я должен поговорить с каждым. И будь на связи всё время.

Нир смотрел на меня, будто видел в первый раз. Вообще-то я человек мягкий и командовать не люблю и не умею. Но теперь так глубоко ушёл в мысль об архитектуре программы, что всякие "будь добр" и "если это возможно" просто выпали из лексикона. Даже перед Максом не извинился. Не сказал, что потом он снова вернётся... Не важно...

Мири пришла! Вот умница! Теперь, пока остальные будут собирать вещи и устраиваться на новом месте, она поможет разбить работу на модули. Почти независимые. Так что на самом первом этапе всё можно будет продвигать параллельно.

К одиннадцати мы разъехались по домам. У кого были приятели в Тель-Авиве, не поехали, конечно, домой, а завалились спать в ближайшей точке, где им приготовили подушку. Сомневаюсь, что кто-нибудь из них вставал, чтобы пойти в бомбоубежище. Впрочем - может быть...

В воскресенье я приехал к семи; трое уже сидели за компьютерами. Когда вечером собрались по домам, оказалось, что дело идёт лучше, чем ожидали. Нам очень везло, и мы понимали друг друга почти без слов.

- Ребята, - сказал я, - надо быть готовыми оставаться на ночь. Тогда сможем скомпоновать главные модули и прогнать первый тест.

Они молчали.

- Кто может работать по двадцать часов? - сказала Мири.- Мы живые люди. Голову не заставишь думать без сна.

Остальные согласились. Да я и сам не представлял, как такое возможно. А всё же пробормотал:

- Мы живые, а если программа не заработает, то кто-то умрёт.

Ещё день мы работали, как звери. И везло ужасно. Если нужно было перебрать несколько вариантов, годным оказывался первый или второй... И Нир обеспечивал всё почти моментально. Даже послал к нам девочку на подхвате - заказать пиццу, дозвониться куда надо, принести что-нибудь...

В четверг я слепил шесть полуготовых модулей. В пятницу, когда ребята пришли утром - у меня уже прошёл первый

тест. Чувствовал я себя довольно неустойчиво, как бы на пороге обморока, но сам не мог поверить - программа работала. Мири отвела меня в какую-то каморку с кушеткой, я повалился и заснул, как спят в детстве.

Когда проснулся через три часа, у них был готов график, кто остаётся на ночь в ближайшую неделю. Меня в этом графике не было. Они сказали, чтобы я в субботу не приходил; если что - позвонят. Я им нужен со свежими мозгами. Встраивать всё в большую, работающую Систему. Очень деликатный момент. Если Система даст сбой, это будет катастрофа.

В понедельник я придумал, как протестировать действующую систему вместе с нашей, не подвергая её риску. Хорошая идея. Богатая! Потом можно будет взять патент или сделать из нее докторскую... Ещё два дня строили переходный модуль - сеть безопасности. В четверг первый раз запустили. И я поехал домой спать. Утром одевался не торопясь. Отвел ребёнка в садик, вернулся домой - жена уже ушла на работу. Бреясь, включил телевизор. Армейский пресс-секретарь говорил, что благодаря новым разработкам израильской военной промышленности, эффективность противовоздушной обороны выросла на четыре с половиной процента. Вот это да!

На работе меня ожидало шампанское и горячие стейки. Нир, и его начальник, и начальник начальника жали нам руки и говорили, что мы самые лучшие на свете. И что совершили прорыв. Меньше, чем за две недели вышли на новый уровень. И что они надеются, что за следующие две недели мы подготовим второй этап, который запланирован на две тысячи двадцать пятый год. С ума сошли! Да нам ещё с первым возиться, подчищать и причесывать...

- Хорошо, что у нас не расписаны планы до конца тысячелетия, - шепнула Мири. - Они бы заставили всё закончить к Хануке.

Выбор между плохим и ещё худшим

- Ты можешь хоть один раз убрать со стола после обеда?
- тихо спросила Катя.

Она говорила тихо, потому что разговор набирал обороты, и ей хотелось удержаться в рамках контролируемой беседы между матерью и дочерью-подростком.

- А ты можешь на полчаса перестать меня воспитывать и заняться чем-нибудь более полезным и приятным. Например, убрать со стола.

- Я четыре часа оперировала больного. А потом ещё читала лекцию стажёрам. Ты хоть представляешь, как я устала?!

- Ну, разумеется! Ты устала, а я нет. Хотя у меня сегодня был зачёт по прыгалке, и я сделала восемьдесят два прыжка за шестьдесят секунд. Но тебе это, конечно, не интересно. Ладно, а почему бы Наде не убрать со стола?

- Послушай, ну будь справедлива. Надя с утра делала всю работу по дому, и розы подстригала, и пирожки пекла. Ты должна готовиться к жизни, когда у тебя не будет постоянной помощницы по хозяйству. Так - придёт кто-нибудь раз в две недели для основательной уборки, а всё остальное останется вам с мужем. После работы и продукты покупать, и готовить на всех, и посуда, и белье складывать, и детей купать, и ещё уроки с ними делать.

- Да-да! Разумеется – всё для моей же собственной пользы, - бурчала Лиля, переставляя миски и тарелки с кухонного стола в раковину.

- Не забудь сполоснуть и сунь в посудомойку, - добавила Катя, подбирая оставленные Лилей вилки и стаканы. Она была настороже – победа досталась слишком легко. Что-то оставалось за кадром.

- Да, я не помню: говорила я тебе? - сказала Лиля, честно глядя матери в глаза. - Я к ортодонту не пойду. Очередь на четверг отменила.

- Это невозможно! – закричала Катя, сразу теряя всё хладнокровие. – Ты откладываешь уже месяц. Челюсть растёт; если не подкручивать винтики, вместо идеальной дуги у тебя окажутся уродские зубы, загнутые внутрь, как у акулы!

- Я вообще хочу всё это снять. В следующий четверг скажу ему всё убрать. Эти мерзкие проволочки мешают: и еда в них застревает, и зубы чистить целая проблема.

- Ну, Лиля! Ты же не ребёнок! Если не исправить дугу, на кого ты будешь похожа? – заныла Катя. – Ты же у меня красавица. Уже почти взрослая девушка. Таковую красоту попортить кривыми зубами?

- Если я почти взрослая, почему ты не пускаешь меня на фестиваль?

- Отвратительное место! Да там будут тридцатилетние! Будет выпивка, будут пьяные, и вообще, Бог знает, чем они

там два дня занимаются! Да ещё с ночёвкой. И музыка их мне не нравится.

- А ты рассказывала, как сама ездила в лес, и там пели под гитару всякие взрослые КСПшники. И тебя бабушка пускала.

- Это совсем другое, - устало сказала Катя.

- И, кроме того, я же не одна. Мы втроём. Аню и Михаль родители отпускают.

- А тебя - нет!! - закричала Катя.

На скандал постепенно подтягивались другие члены семьи.

- А если Давид со мной поедет? – коварно спросила Лиля.

- Не поедет он, - сказала Катя. – Он ненавидит такие сборища.

- Ненавижу, - подтвердил Давид. – И занят страшно. Презентация ещё не готова. Но ладно, мам. Если она поклянётся регулярно ходить к ортодонту и свою чертову музыку слушать только через наушники, то так и быть! Гори огнём мой уик-энд...

- Я тебя обожаю! – завопила Лиля и повисла у брата на шее. - Клянусь! Буду твоей рабыней до самого Нового года! От меня не услышишь ни гласа, ни вздыхания.

У Кати отлегло от сердца.

- Значит, зубы приводишь в порядок. И посуду после обеда каждый день... Ох, выбор между плохим и еще худшим... Ну, ладно...

- Давид, а может, и твоя девушка поедет? Тогда и тебе не будет так скучно...

- Да. Тали тоже хочет. Она и в прошлом году там была. Ей понравилось.

- Так вот в чём дело, - зашипела Лиля. – А я-то подумала, что у меня есть брат, который для меня готов что-то сделать. А ты просто сопровождаешь свою гусыню! Вы будете миловаться, а я два дня тусить с вредной Михаль и тупицей Анькой! Пошли вы все знаете куда?! Премного благодарна – я с вами не еду! Целуйся со своей спесивой дурицей и не надейся, что когда-нибудь я приду на вашу свадьбу! Да я и на похороны твои не приду!

И она выскочила из кухни, шваркнув дверь.

- Переходный возраст, - сказал Давид родителям. – Ничего не поделаешь.

- Придёт на похороны, придёт, не беспокойся, - утешил отец. – К тому времени поостынет.

Замшевые туфли

Я приехала в Москву в марте девятнадцатого года. В последний раз была ещё в прошлом веке. Москва поразила меня: красивая, чистая, трезвая. Молодёжь легко улыбается, официанты добродушны и предупредительны. Полицейские с человеческими лицами, у которых приятно спросить дорогу... Столица, не хуже Лондона или Брюсселя. Да ещё все говорят на русском языке. Тут даже Париж и Рим пролетают...

Приехала по делу важному и приятному - в издательстве «Планж» вышла моя книга, издатель устраивал презентацию в библиотеке имени Чехова. Только вообразите - на Страстном бульваре! А ещё надо было зайти познакомиться в другое издательство, которое хотело выпустить другую книгу.

И в Москве у меня была самая любимая подруга, мы давно не виделись, но оказалось, что нужны друг другу, как раньше. И тут же, конечно, билеты в Большой и в Малый, и к Виктюку, и к Фоменко. Стало очевидно, что невозможно выступить перед восторженными читателями и ходить в Большой театр (хоть и на малую его сцену) в туфлях, повидавших со мной много дней рождений и даже обе свадьбы моих детей. Подруга вынуждена была отлучиться на работу, а я отправилась на Тверскую, нашла там самый лучший магазин «Рандеву» и отдалась заботам двух деликатнейших девушек, которых даже в мыслях не позволяла себе назвать продавщицами. Обувные феи хлопотали передо мной, приносили чаю и сушек, таскали коробки с модными, классическими и элегантными моделями, выражали озабоченность, будет ли мне удобно, справлялись, приеду ли я на свою презентацию в лимузине, или притащусь на метро. Все трое мы колебались и сомневались, мерили то одно, то другое, и остановились на классических лодочках из замши, чёрной, как ночное небо над Иудейской пустыней, с элегантными бантиками и с высокими толстенькими каблукками, идеально круглыми в сечении. У туфель была своя тканая сумочка, в которой они удобно устроились, прежде чем улечься в картонную коробку невиданной красоты. Они стоили безумных денег - на такую сумму можно было купить холодильник. Но посудите сами - для чего мне холодильник на первой презентации моей первой книги. Я выбрала туфли, и не прогадала. Подруга моя их горячо одобрила.

Презентация прокатилась превосходно. Зал библиотеки был полон. Сверх ожидания пришли директор солидного издательства, которому понравилась рукопись моей следующей книги, и редактор из «Нового Мира». Возможно, в их присутствии я бы засмушалась и скомкала свое выступление, но на мне были новые туфли, в которых я стала выше на пять сантиметров и чувствовала себя если не Софи Лорен, то уж, наверное, Клаудией Кардинале. Такие женщины не стесняются публики

Ну, вот. Прошло четыре года - только четыре года. Что осталось от тех счастливых дней? Где теперь те ребята, что закладывали лихие виражи на скейтбордах? В каких окопах мёрзнут? Остались ли в Москве мои обувные феи, или уехали в Европу за своими мужьями-айтишниками? Или смотрят первый канал и удовлетворённо кивают... Мне там больше не бывать.

Недавно представляла в Иерусалимской библиотеке новую книгу, но туфли те не надела. В наших краях и в оперу можно в кроссовках, а уж с читателями говорить в замшевых лодочках с бантиками просто смешно. Тем более, у читателей или сын в Хан-Юнисе, или внук в Дженине. Как-то им мои туфли...

И английская королева уже умерла. Значит, не пригласит меня к себе в Виндзор на чашечку чаю.

Не для нашей уютной провинции эти хрустальные башмачки... и вообще ищу, кому бы их отдать. Если собираетесь на приём в посольстве, или у вас билеты в Гранд-опера, приходите и забирайте.

Всякая всячина военного времени

Изящная молоденькая женщина с замысловато накрученным шёлковым шарфом, прикрывающим волосы, и её муж - верзила в потрёпанной форме с автоматом на плече. Выбирают холодильник. Продавец спрашивает:

- Сколько вас душ?

- Трое, - не задумываясь, отвечает милуимник.

- Ну да, - застенчиво подтверждает мама. - Трое детей и мы с мужем.

Все смеются.

- Такие времена... - объясняет солдат. - Кто взрослых считает?..

Те, кто застал войну в Заливе, помнят, как за пару недель коробки с противогазами сделались элегантными аксессуарами: появились самые разнообразные, на любой вкус футляры с ленточками, зайчиками, черепами, геометрическими фигурами, уменьшающимися в перспективу, цветами, фруктами и картинами в стиле маньеризма. Элементарное чувство собственного достоинства не позволяло ходить с такой же коробкой, с которой ходят ещё восемь миллионов человек.

И сегодня тоже в духе времени возникли в Тель-Авиве непринуждённые раскованные люди, которые, выходя из дома, прихватывают небольшой лёгкий цилиндрок коврика для йоги. И если обстрел застаёт их на улице, не ложатся носом в пыль тротуара, а аккуратно встряхнув, расстилают свой коврик и безо всякого кряхтения располагаются на нём, как на занятиях аэробикой или пилатесом. И чисто, и мягко. А главное - никакого унижения, растерянности и смятения. У вас «скады»? Беседер! А у нас – «кипат барзель» и коврик для йоги.

Сирена завывала страшно и неожиданно. Марк был на балконе - поливал свой кустик. Он сам посадил в землю проросшую косточку авокадо, и она дала замечательный зелёный стебелёк с листьями. Марк услышал жуткие звуки, ужаснулся и сразу заплакал. Но тут на балкон выскочил папа, поднял Марка на руки, так что одно ухо было прижато к папиному плечу, а второе он прикрыл ладонью, и занёс его в папин кабинет. Мама тоже почти бегом прибежала из кухни с половинкой кекса на тарелке, бутылкой воды и чашкой Марка. Она свалила всё на стол возле папиного компьютера и крепко захлопнула тяжелую дверь. Дверь закрывалась плохо, пришлось папе поставить Марка на ноги и самому её запереть.

- Не бойся, - сказал он Марку, - это просто обстрел. Не попадут!

- Они стреляют в нас? - изумился Марк. У него даже слёзы высохли от удивления. - А кто они?

Но папа уже сидел, уткнувшись в компьютер, в таком положении он на вопросы не отвечал. А мама сказала:

- Не беспокойся! Они не попадут. Даже если бы попали, эта комната специально построена так, что её никакими ракетами не прошибёшь.

- Значит, всё остальное разрушат? Мы выйдем... а там ни стен, ни телевизора. Пстой, а кошки?!

- Я искала их, - сказала мама, - но они попрятались. За кошек не волнуйся, они не обязаны заходить в бомбоубежище. А люди - обязаны.

Марк задумался на минуту.

- А авокадо?

- В следующий раз занесём авокадо сюда.

- Как?! - возмущился Марк. - Будет ещё и следующий раз?

- Ты не услышишь, - беззаботно сказала мама. - Ляжешь сегодня в кабинете и будешь спокойно спать всю ночь.

- Я уже боюсь, - честно признался Марк. - А почему они стреляют?

- Как тебе сказать? Они хотят жить здесь вместо нас. А мы чтобы разъехались...

Снаружи раздались сильные "бум! бум! бум!"

- Вот видишь, - сказала мама, - все их ракеты сбили. Наша армия в сто раз сильнее.

- Куда это мы должны ехать, чтобы они не стреляли? - спросил Марк озабоченно.

- Я в Россию, а папа в Польшу.

- Как? - опешил Марк. - По отдельности? А я куда?

Мама с папой дружно засмеялись, и у Марка отлегло от сердца. Значит, папа слушал...

- Поедем, - сказал папа. - На каникулах на десять дней в Диснейленд. Годится?

Сирена уже не выла и ужасно громкие "бумы" прекратились.

- Ну, ладно, - сказал Марк. - Если только на десять дней и в Диснейленд - я согласен.

По телевизору рассказывают историю: мужчина запихнул жену и детей в чулан, а хамасовца, который вломился к нему в дом, убил голыми руками. Марк спрашивает:

- А это можно? Убить человека?

- Еще бы, - говорит отец. - Если к тебе в дом врывается враг, так и надо поступать.

Задумался....

- Как же я убью взрослого дядьку? Я не умею...

- Да что ты! - опомнились родители. - Не волнуйся! Ты и не должен! Для этого у тебя есть мама и папа...

Марк спрашивает:

- Бабуля! Ты испугалась, когда по дороге к нам услышала сирену?

- Ужасно испугалась, - отвечает она. - Думала, в меня попадёт ракета! Что же будет с моими внуками?

- Не надо бояться, - вмешивается младший брат Марка. - Ничего страшного! У нас есть другая бабушка.

Специальность

Я забралась в вагон в последнюю минуту. День был ужасно утомительный. Выйти из дома пришлось очень рано. Об автомобиле даже не помышляла. Добиралась до вокзала, пересаживаясь с автобуса на трамвай, бесконечно спускалась на удивительной, возможно единственной в мире железнодорожной станции, расположенной глубже, чем любое метро. Потом ехала в Акко с пересадкой около трёх часов. Дальше были две двухчасовые лекции для всего персонала больницы «Марза» на волнующую тему "сексуальные домогательства". И умоляю! - не спрашивайте меня, отчего лектора надо было приглашать из Иерусалима. Что мешало местному начальнику полиции или приглашённому из Хайфы криминалисту, или просто психологу самой больницы рассказать те же майсы, не пересекая полстраны. Игра в "инструктаж" - наша национальная святыня. И если Храмовую гору мы фактически отдали арабам, то правила игры в "повышение квалификации" и ежегодное освежение знаний по вопросам радиационной безопасности, борьбы с инфекционными заболеваниями и профилактики сексуальных домогательств - наша Кааба, которую мы не отдадим никому! Правила эти вечны, незыблемы и никогда нигде не соприкасаются со здравым смыслом. Я всё же спросила, и мне объяснили: допустим, юный санитар или пожилая начальница отдела кадров во время занятий поймёт, что подвергается домогательствам. Мне она расскажет. А местному - ни за что. Тем более, что он как раз и может оказаться домогателем...

Я могла переночевать в Акко и возвратиться домой утром; гостиницу оплачивала больница. Но, как назло, утром у меня назначен визит к ортопеду. И не явиться - значит отложить встречу еще на полгода. А мой "теннисный локоть" ужасно болел и мешал нормальной жизни. Так что я

влезла в полный вагон и обнаружила возле двери одно свободное место. У окна сидел и читал что-то мужчина лет сорока. Страшный, лысый, с длинной бородой, кончик которой был заплетён в тоненькую косичку, и множеством серёжек по всей ушной раковине, повернутой ко мне. Одет он был в майку без рукавов. Мускулистые руки сплошь покрыты разноцветными татуировками. Впереди, в конце вагона, виделось ещё одно свободное место, но я подумала, что не могу ступить больше ни шага, и плевать на то, как выглядит пассажир по соседству.

Голова разболелась не по-детски. Я мельком отметила, что от соседа пахнет приятно - плохого запаха я бы сейчас не выдержала.

Минут через пятнадцать женщина, сидевшая напротив, вышла, и на её место сел патлатый подросток. Рослый качок с набитым рюкзаком, который он с грохотом обрушил на пол, почти задев мои ноги. Я снова прикрыла глаза, но сейчас же почувствовала сигаретный дым. Мерзавец закурил в вагоне. Я невольно застонала. Неожиданно мой татуированный сосед сказал:

- Будь добр, хабиби, выброси сигарету. Видишь, у госпожи голова болит. И вообще курить в вагоне запрещено.

- Иди на х@й, - лениво по-русски ответил патлатый.

- Фильтруй базар, козёл, - с качаловской дикцией, не повышая голоса, молвил лысый. - Тут женщина. И у нее приступ мигрени

- По-русски понимаешь? – протянул мерзкий мальчишка.
- И чо?

- Ничо, - медленно и тихо ответил взрослый, глядя парню в глаза. - Просто встань, забери свой рюкзак и вали в другой вагон. И сигарету выкинь в окно.

Тот помедлил, взял ранец и пошел по проходу. У последнего окна он, поколебавшись, выкинул сигарету и перешел в следующий вагон.

- Дать тебе таблетку мигралева? - спросил мой сосед на иврите.

- У тебя есть мигралев! - прошептала я – Дай, пожалуйста!

Он вынул коробочку, выдал мне на ладонь длинную жёлтую таблетку и подsunул открытую бутылочку с водой. Я отхлебнула и слабо поблагодарила.

Когда объявили Беньямину я проснулась. Боль была вполне терпимой.

- Ты как? - спросил сосед. - Получше? Меня зовут Эйтан.

- Намного лучше, - ответила я в полный голос. - Ты меня спас... Если бы не таблетка, да ещё этот с сигаретой - кажется, умерла бы... Как ты его выставил, Эйтан? Парень выглядел довольно агрессивным. Отчего он тебя послушался?

- Как же он мог меня не послушаться? - удивился мой собеседник. - Я детский психолог со специализацией на подростках. От двенадцати до семнадцати...

Поэма о молоке

Home attendant Галя приходила в восемь пятнадцать. Летом ровно в это время прилетали пчёлы, делали своё дело - собирали нектар с рододендрона, что пышно цвёл прямо под её окном - и исчезали. *Хаматенда*, как упорно, с нарочитым русским акцентом называла ее Людмила, тихо выкладывала принесённые продукты, бесшумно прибиралась, готовила молочную ванночку и так же, как пчёлы, исчезала. Людмила всё это время неотрывно смотрела в окно, наблюдала за насекомыми, делала вид, что её не интересует, чем там занимается Галя, которая замолчала после того, как получила серьёзный отлуп от своей подопечной. До этого Галя трещала без перерыва на своём смешном суржики. А тут вдруг: «Тьфу, кака гидота! Вотож надумала - в молоке плёскаться!».

Людмила была в ярости: вот дрянь неграмотная. Даже хотела было позвонить в офис, но подумала: «А что я скажу-то, про молоко, что ли? Подумают: деменция, мне же хуже. Галька, конечно, девка добрая, хоть и хохлушка. Только дура - ходит со своим рябым лицом и даже не переживает, что её Николай бросил. А делала бы мои ванночки, - не бросил бы».

Людмила всегда была специалистом в области женской красоты, в частности, красоты русских женщин. По приезде в Америку она сразу принялась писать об этом книгу. Прямо так и озаглавила «Почему русские женщины самые красивые в мире».

Там она и объясняла этот феномен, надо заметить, без всяких глупостей в виде статистики или экспертных оценок. Люде было не до этого - надо ведь успеть уместить в небольшой том (большой обошёлся бы ей втридорога) все методы покорения мира русской красотой.

«Испокон веков женщины... список процедур можно продолжать очень долго... хотите шикарно выглядеть на протяжении многих лет, придётся за собой ухаживать...» - гласил строгий текст на тыльной стороне обложки. В своём этом единственном увидевшем свет произведении, Людми-

ла как раз и описывала один из способов оставаться вечно красивой - посредством молочных ванн.

«Косметологи проводили исследования и выяснили, что женщины, которые принимали молочные ванны, выглядят лучше тех, кто наслаждался водными процедурами без данного продукта».

В Людиной книге было много и других советов, в том числе уринотерапия для омоложения внутренних органов, лицевые маски из спермы - от морщин и для отбеливания, и, конечно, работа над осанкой: «тянуть шейку и держать спинку».

Людмила всегда носила свою книгу с собой, даже когда временно ночевала в других домах - подрабатывала housesitter (это когда хозяева уезжали отдыхать и нанимали присматривать за домом) или dogsitter (соответственно, смотреть за собакой). Жители сонного американского предместья большого города обычно отправлялись зимой погреться на мексиканском солнышке. Некоторые называли свой кусок тихоокеанского побережья с фигурными прорезями заливов «городом вечного дождя». Людмиле же как раз по душе были и здешний климат, и пейзаж: тонкие, почти невидимые нити тёплого дождика и обильные вязкие туманы, таёжные мачтовые сосны вперемежку с роскошными субтропическими рододендронами, а в летние дни - контраст солнечных неоновых лужаек и антрацитовых теней.

Деньги платили за такую работку очень неплохие, да ещё можно подружек приглашать повеселиться - дома у её работодателей были обычно просторные, богатые. Раздражало только, что в последнее время телекамер понаставили. Но она быстро смекнула, и всё равно организовывала девичники или, как она их называла, «симпозиумы». Один из таких симпозиумов проходил прямо в громадной хозяйской спальне («думают, я дура - в спальне-то камер нету») с прилегающей ванной («во разжирили — не ванная, а целый спа-салон»).

Сразу после отъезда хозяев, Люда устраивалась во временном жилье, как у себя дома - ставила на подоконник иконку, свечку, многочисленные баночки с самодельными кремами и, конечно, свою книгу. Там, на обложке, сама автор во весь рост, русская красавица образца 70-х: безупречная фигура в заграничных шмотках, пышные каштановые волосы до плеч и светло-серые глаза - две огромные, переливающиеся перламутровые пуговицы. «Рита

Хэйворт, да и только», - говорил её отец-майор. После войны он видел американскую актрису в трофейном фильме и забыть уже не смог.

Отец всю жизнь называл Людочку «королевишна» - так она и прожила в военных гарнизонах семнадцать лет, ни капли не сомневаясь в своём королевском происхождении, а внешность Господь ей дал и впрямь королевскую.

«Каким меня ты ядом напоила?

Каким огнём меня воспламенила?

Дай мне руки нежные и глаза безбрежные,

Молодые трепетные губы...» - заливался под гитару молодой прапорщик.

С такими данными ей был прямой путь в манекенщицы. Только где ж у них в области, под Томском, нашла бы Людмила в те времена применение своей красоте? В Москву, в Москву!

В московский дом моделей запрыгнуть было слишком трудно, но Людочка без особых препятствий пробилась в областной, и очень быстро ухватила самую суть работы. Там она и преуспела в искусстве сохранения красоты - в принятии молочных ванн и в прочих замечательных процедурах. Конечно, стилия и шарма в ней хоть отбавляй - модельеры были довольны, но тут появились какие-то люди, называвшие себя кураторами. Те, как выяснилось, ожидали от неё несколько другого. И здесь она тоже оказалась отличницей - выполняла все задания кураторов по работе с иностранцами «чётко и грамотно», как они потом писали в отчётах.

Вторая, параллельная работа не требовала особых умений. Хотя, конечно, хорошо было бы прилично знать какой-нибудь иностранный язык. Но чего нет, того нет. Учителей языков в военных гарнизонах практически не было. Химик, побывавший в плену, преподавал немецкий, как мог, а из английского она помнила только «ху из он дьютитудей» или «Лондон из зе кэпитал оф...». Впрочем для близкого общения с *фирмачами* Людмиле хватало умопомрачительной улыбки и языка жестов, подкреплённого несколькими восклицаниями, типа «Oh, yes!» или «Right!». Иногда она произносила их с вопросительной интонацией: интересуется, мол, - и тогда иностранец с энтузиазмом долго рассказывал ей что-то. Её задачей было делать глубоко заинтересованное лицо, кивать и изредка произносить на разные лады «окей». Остальное - работа куратора-переводчика, сидящего в спецкомнате ресторана «Националь».

Людмилу совсем не тяготило это бессловесное время-провождение - ведь она здесь правила бал, вертела этим дурилой, как королева, а он смотрел на неё глазами, полными вожделения и восхищения. К тому же, приличная добавка к зарплате чеками из «Берёзки»; и её любимое *маскарлонэ* на десерт.

Вскоре её послали на курсы погружения в английский, который она схватывала на лету, и стали давать более деликатные задания. «Ну, Людмила Николаевна, вы просто бриллиант», - полушёпотом произносил с грассирующим «р» главный куратор. Ещё бы - конечно, бриллиант. Благодаря успехам своей подопечной, он за два года поднялся в звании.

Номера в «Национале» были роскошные, пыхтения старательных фирмачей Людмила выносила без труда, да и заканчивалось всё быстро. Она всё-таки любила спать в своей постели, а на такси здесь полчаса до дома. Засыпала быстро, спала, как убитая, с ухмылкой вспоминая прерывистое лепетание очередного Джона: «you're my beauuuuuuty, you're my queeeeeeen».

Раз в месяц звонил папа.

- Как дела у моей королевичны?

- Служу Советскому Союзу! - по-бойцовски неизменно отвечала дочь и звонко хихикала.

«Именно служу, вот оно, правильное слово - служу своей родине», - думала Людмила в минуты сомнений. Она с удовольствием глядела на себя в зеркало, купаясь в молоке или накладывая на лицо свои специальные примочки.

Её особое усердие подвело работников невидимого фронта к решению поручить Людмиле одну из самых ответственных работ. Русская красавица и умница Людмила Синицина стала заведовать в главном вузе страны сектором научных работников в первом отделе.

Не помните, что такое первый отдел? Намекну: Людмила Николаевна утверждала выезд учёных, доцентов и профессоров, за пределы необъятной родины, и выполняла свою работу более чем эффективно. А все благодаря неотразимой красоте и врождённым повадкам, перед которыми невозможно было устоять. Она приглашала жертв в свой кабинет, где пахло хорошим кофе и корицей, серые глаза её излучали сплошную любовь и безграничное понимание. Никаких вольностей - бледно-розовая итальянская кофточка наглухо застёгнута на жемчужные пуговики.

Неискушённый посетитель моментально расслаблялся в мягком кресле (этот инвентарь был выписан специально по её запросу).

- Кофе, чай? Моё фирменное печенье - курабье. А может, молочка, а? Тёпленького, а?

После молочка шло как по маслу, обезоруженный научный работник рассказывал всё, что требовалась, и покидал кабинет довольный, с чистой совестью. Какая же приятная Людмила Николаевна, есть же и в этих органах приличные люди, дай Бог ей здоровья и жениха хорошего!

Жениха Людмиле кураторы уже подготовили, считали её перспективной - и тут чтоб тоже было чисто, наверняка: парень проверенный, управляемый. Голубоглазый и широкоплечий, как будто сошедший с плаката, призывающего выполнить нормы ГТО в срок, выпускник физтеха, - и вправду влюбился. И чем загадочнее, непредсказуемей было временами её поведение, тем сильнее он влюблялся.

Здоровая советская ячейка общества получила квартиру в *сталинском* доме прямо рядом с университетом. Счастливая молодая мать Людмила много работала, безукоризненные рапорты её о степени благонадёжности учёных поступали на стол начальства без задержек. Подношения и сувениры от учёных, которых она отправляла в заграничные командировки, тоже шли сплошным потоком. Люда умудрялась обожать мужа и одновременно иногда выполнять специальные задания, проводя вечера в ресторане «Метрополь» или в гостинице «Националь».

«Ну что за идиллия, такого не бывает», - скажете вы. Да. Наверняка у Людмилы всё было не так безоблачно, но это то, что она через много лет рассказывала в Америке подругам.

За последние два десятилетия в Америке она сумела обзавестись компанией приятельниц - прихожанок православной церкви, участниц славянского хора, жён разбогатевших русских *микрософтов*. Уважали Люду как непререкаемый авторитет в вопросах красоты, жалели её за трудную долю и периодически подкидывали ей лакомые кусочки - то билет в оперу, то бесплатный абонемент в тренажёрный зал, а то и отдых на курорте.

К подаркам Людмила была подготовлена всей своей прежней жизнью, но здесь, за океаном, истории с подарками, как правило, заканчивались плохо. Заканчивались они скандалами, упрёками и взаимным обидами - в опере она отказалась сидеть рядом с полной чернокожей женщиной, в

спортзале нахамила охраннику, в зоне отдыха приставала к бармену. Но её почему-то всегда терпели и обеспечивали работой. В особенности её самые близкие подружки — две зажиточные Антонины и одна Людмила.

Вторую Людмилу занесло в Америку примерно так же, как нашу героиню, только по другому ведомству - поговаривали, что послана она была *братками*, чтобы сохранить деньги общака. Но подруге повезло гораздо больше, чем нашей героине: своего мужа, сутками лежавшего на диване, она быстро выгнала, жила себе припеваючи на проценты от сбережённых денег - бандиты не обманули, всё вышло, как договорились. Даже купила пансион в классном месте; Галля, которая там убирала, рассказывала, что шикарный.

- Нерусские всегда лучше устраиваются, - язвительно повторяла наша Люда, намекая на раскосые глаза и смуглое лицо подруги. - А мы, настоящие славяне, не умеем прислуживать... Вон эти евреи шли на убой, как стадо, а наша Зоя Космодемьянская плевала немцам в лицо. А то всё - Холокост-Холокост, а русских тоже много убили.

Подруги не перечили, соглашались.

Как-то одна из Антонин устроила Люде отличную работу: сидеть с пуделем, пока его хозяева в отпуске. Молодой пёсик был, как выражаются иммигранты, *фикснутый*, то есть кастрированный, почти не лаял, не огрызался, сидел себе на специальной подстилке и жрал свой собачий корм. Уезжая, хозяйка поцеловала любимца в нос и наказала догситеру Людмиле ни в коем случае не выпускать Солика (короткое имя собачки Соломона) из багажника без поводка. Догситер поглядела на женщину снисходительно - она, мол, Людмила Синицына, лучше знает, как обращаться с собаками, надо их в строгости держать, а не подтирать им задницу туалетной бумагой, как делает хозяйка.

Наутро подъехала Людмила №2. Посидели, выпили кофейку с коньячком, обменялись опытом, как на..бать американские соцслужбы. Все это под песню 90-х:

*«Сегодня у меня на сердце вьюга,
А неудачи словно ошалели.
Так встретимся давай, моя подруга,
Посплетничать, подумать о судьбе...».*

Пришло время гулять с Соломоном, ничего не поделаешь.

В парке на собачьей площадке никого не было. Людмила выпустила из багажника резвого пуделя, и он помчался, как ужаленный.

- Во, гляди! А эта сумасшедшая говорит: не выпускать, - успела произнести Людмила. И тут же услышала пронзительный визг пёсика. Шоколадную каракульчу шерсти Соломона с остервенением рвал крепенький французский бульдог. Людмила рванулась за пёсиком, зацепилась шпорой сапога за корягу и повалилась на бок. Как ни скрывала она этого происшествие, по приезду хозяйка тут же заметила и ужаснулась рваной ране на Соломоновой шкуре. В кругах платёжеспособных собаководов прошёл слух о безответственности Людмилы, и больше её не приглашали ухаживать за драгоценными питомцами.

- Вот она, капиталистическая суть! Собаки для них важнее людей! - возмущалась Люда, зашивая рукав своей драгоценной шинели.

- А что с Людмилой-то? Что-то давно про неё ничего не слышно, - спрашивала я подругу.

- Какая Людмила? Которая укусила Соломона?

Так её теперь называют.

- Жалуется всем, что хозяева пуделя не собираются возмещать «непоправимый ущерб, нанесённый здоровью», и добавляет: «знаем мы эту нацию...». А в остальном, как всегда - даёт советы по красоте и лечится верблюжьей мочой.

Когда Галя уходила, Людмила обычно недолго полёживала в ванне, а потом быстро, даже толком не обтерев тело, ныряла в постель. В последнее время она почему-то уставала катастрофически, сил не было ни на что. Она прикрывала помутневшие, но все ещё перламутровые глаза и вспоминала, как в другой, далёкой жизни муж и сын боготворили свою женщину-мать, как субботним вечером любящий муж приносил в постель чай с молоком, а воскресным утром кофе с корицей.

Когда они с мужем развелись, Люда Синицина была необыкновенно свежа. Ей как раз стукнуло сорок. Отмечали в кафетерии МГУ: модная музгруппа, все в дымчатых очках, бутылки коньяка не считали, икры завалились. Её сочные губы искренне растягивались в радушной улыбке, открывая крупные зубы, не безупречные - сказывалось детство в задымлённом областном центре, - но хорошо ухоженные. Узкие юбки рюмочкой ниже колен, плотные чёрные колготки и тонкие кашемировые свитера - теперь это был её стиль, классический, европейский. Никаких там норковых шапок-боярок, только снежинки поблёскивают на каштановых, уже подкрашенных волосах, отражая мигающую у метро «Уни-

верситет» рекламу «Госстрах». Легкая чёрная шубка вразлёт, тончайшая розовая шаль, ну и сапоги, само собой, это святое для русской леди - шикарные *саламандры* разных цветов, Три пары отдыхают в фирменных коробках, ждут своей очереди на выгул. Всё при всём, всего добилась наша Людмила сама.

А молочные ванночки для лица и тела всегда оставались её главным ритуалом, тем более, в этой загрязненной Москве. Жирное молоко доставляла в бидоне из нержавеющей стали краснощёкая девка из ближайшего совхоза около Внуково.

В середине восьмидесятых молоко привозить перестали. Девка по секрету рассказала, что хозяйство разваливается, мяса уже давно нет, а теперь вот и молоко... Только и есть, что куры, да и для них корма впритык.

Но для Людмилы жизнь мало изменилась, всё шло по накатанному: уютный рабочий кабинет, ценные подарки, в квартире все признаки богатого позднесоветского быта: видик, фотообои с водопадом, на дубовых дверях витражи, дача-машина, само собой. Муж давно *защитился*, стал доцентом, любил итальянские рубашки *батндаун*, а также Людочку, которая всё так замечательно устраивала.

В один из редких солнечных ноябрьских дней 90-го Люда отправилась в «Националь» на рабочую встречу, но никаких фирмачей она, к своему удивлению, в назначенном месте не обнаружила. В номере её ждал угрюмый, плохо одетый немолодой человек. Приступил к делу сразу, без комплиментов или сальных шуточек, свойственных кураторам. Людмила Николаевна Синицина должна была незамедлительно отправиться в США. Как скоро? Через неделю. На какой срок? Пока неизвестно, полгода в университет по обмену опытом административной работы, а там будет видно.

- С семьей? - обрадовалась Людмила.

- Да нет! - Мужчину был явно раздражён. - Какая уж тут семья?! Придётся формально развестись. Это же служба, Людмила Николаевна. Что ж вы, за двадцать лет ещё не поняли?!

В Америке ей было действительно предложено за полгода завести *бойфренда* в академической среде, лучше, конечно, выйти замуж.

- Мы найдём, как и когда с вами связаться, - отчеканил работник спецслужбы на прощание.

Ну, прям шпионские страсти! Такое бывает только в плохом детективе! Люда тоже так подумала, решила, что

разыгрывают её, но всё оказалась гораздо серьезнее - ведь в жизни, как известно, бывает круче, чем в самом крутом детективе.

Развели через пару дней, заочно, им даже не пришлось появляться в загсе, а уж через неделю немного озабоченный бывший муж и сын-студент провожали Людмилу в длительную зарубежную командировку. Она попросила их - не ехать в Шереметьево, а заказать для неё такси и распрощаться дома. Русскую красавицу в чёрном пальто-шинели, сшитом на заказ под присмотром самого Славы Зайцева, в чёрных сапогах со шпорами и с итальянской сумкой, посадили на самолёт двое с одинаковыми чемоданчиками-дипломатами.

Когда Людмила Синицына приехала в Америку, она немедленно наладила связь с кураторами через казашку Надю, которая работала в «Русском центре» - таких в девяностые пооткрывалось полно во всех штатах. Московские кураторы торопили, поэтому первый же американский профессор, который клюнул на Людмилу, стал её бойфрендом, а вскоре и мужем, она быстро его дождала.

Всё шло по плану, совсем неплохо шло - просторный дом в престижном месте, прогулки в сосновом лесу вдоль океана, чистейший воздух и здоровое питание. Одна загвоздка: очень трудно было Люде заставить себя спать с профессором, слишком часто отказывала она ему в интимной близости. Вроде никогда у неё не было с этим проблем, а тут прямо заклинило. Сначала говорила: пахнет не по нашему, потом - ногти у него чёрные, а позже - жадный страшно, скупердяй.

Возненавидела она профессора, и он её тоже возненавидел. Снял ей плохонькую квартиру на первом этаже, чуть ли не на уровне тротуара. Одна радость - летом гор-тензии в окно заглядывают. А тут вдруг приснился отец: «Ты, - спрашивает, - как там, моя красавишна?» А у неё как будто всё стёрло из памяти - и развод с московским мужем, и «служебная командировка», и рабочий брак с американцем. Ей казалось, что приедет она когда-нибудь в Москву, и будет, как в кино: вот спускается она по трапу, а там на дорожке муж Миша душит в объятиях - как же долго я тебя ждал! Только ей до *гринкарты* несколько месяцев осталось, терпеть надо.

А уж как получила заветную карточку, надела Людмила свою чёрную шинель с золочёными пуговицами в два ряда

и отправилась на родину. Семь лет прошло, а Людмила не изменилась вовсе, только ещё больше похорошела.

С мужем Мишей встретились в парке Сокольники. Он пребывал в счастливом браке, и согласился встретиться с Людмилой ненадолго, пока гулял с маленькой дочкой.

Сын с мамой разговаривал только по телефону. Она его стала уговаривать уехать в Америку. А он:

- Ты чего, мам?! Я тут без тебя вырос, мне тут хорошо! Ну, давай. Звони.

Она было попыталась связаться с кураторами, те долго тянули - то руководство, говорят, сменилось, то вообще ни ответа, ни привета. А потом будто и забыли про командировочную Людмилу - сгнули все.

Тёмным декабрьским вечером вернулась она в свою американскую квартиру, разделась, осмотрела себя в напольном зеркале. Вроде ещё красавишна - ещё вполне хороша, шея гладкая, талия не поплыла, целлюлита ни грамма, но в серых глазищах тоска вселенская. Налила себе Людочка тёпленького молочка, легла и проспала сутки. А наутро надела всё самое скромное: юбка в пол, водолазка аж до подбородка; вязаной серой шапочкой укротила свои знаменитые волосы и поехала в церковь покаяться и помолиться.

После церкви бесцельно бродила она по *даунтауну*, вспоминала про одноглазую свою бабку Настю, единственного по-настоящему любимого человека, про то, как по утрам приходилось ей, двенадцатилетней, выносить из сени ведро с испражнениями, превратившимися за ночь в кусок льда. А ещё про то, как дрожали ноги, когда надо было строиться на пионерскую линейку - она была выше всех, возвышалась на целую голову, и это было нестерпимо стыдно. В эти минуты воспоминаний она надвигала шапочку на лоб и закрывала глаза.

Вот с тех самых пор Людмила Синицина много лет выживала, как могла. Иногда попадались щедрые дяденьки, но они не задерживались надолго. За последние годы удалось накопить на зубные импланты.

У пожилой Людмилы была по-прежнему безупречная постановка корпуса, можно сказать - выправка. Сапоги её всегда блестели, легендарную шинель она теперь надевала только на выход, а к ней широкополую мужскую шляпу, шапочку для церкви сменила - тоже серая, но не вязаная, а войлочная.

Даже когда самочувствие её резко ухудшилось - рука немела, и всё чаще темнело в глазах - она заставляла себя ежедневно гулять в парке, рассматривала редких прохожих, смотрела мутным взглядом поверх голов, долго, пристально, с пренебрежением.

- Совсем не наши, - повторяла она.

Настоящая осень в этом году приходила отказывалась - было пасмурно, но тепло. Гортензия даже не собиралась отцветать, а ведь в прошлом году в это время лепестки её уже были коричневые, а некоторые - прозрачные, как папиросная бумага. Галя, наверное, звонила, но Людмила не слышала: сначала орал первый российский канал срывающимся голосом какой-то тётки, а после она впала в полудрёму - действовал порошок из *русской аптеки*. Она изредка протягивала руку к прикроватной тумбочке, опускала пальцы в тазик с молоком, а затем прикладывала к лицу. Становилось намного легче.

Хаматенда Галя быстрым шагом подошла к двери - сегодня она опаздывала. Прислушалась - тихо, наверное, Людмила спит. И тут услышала громкий звук - странный, глухой.

Дверь даже не пришлось взламывать - спасатель сильнее навалился, и она распахнулась.

Людмила лежала на полу, возле кровати, в луже молока.

Пока в квартире работали парамедики, Галя позвонила двум Антонинам и Людмиле №2, потом несколько раз набрала московский номер сына своей подопечной. Никто не отвечал.

Совсем другой роман

Тень поселилась в комнате в тот самый день, когда он впервые за последние полгода - нет, не тепло, скорее, просто беззлобно вспомнил бывшую жену. Почему так вышло, почему у него вдруг защемило где-то под сердцем, он не понимал, даже разозлился: чертовщина! И весь вечер был зол - не то чтобы скрежетал зубами, а так - спокойно и даже собранно зол - состояние ещё полгода назад вполне для него привычное. И уже потом, когда Тень обжилась в квартире, бывало, вспоминал этот день с той же холодной злостью. «Дал слабинку!» - думал он после.

Тень он заметил сразу, как вошёл в комнату и включил свет. Не понял, подумал - галлюцинация: сидит в кресле под торшером чья-то Тень. Нет, не чья-то, знакомая, очень знакомая - её, бывшей жены. Тень, чуть наклонившись (задумалась?), будто греет руки, потирая ладони, а потом - чёрт знает что! - встаёт и уходит в коридор!

Он потряс головой, несколько раз с силой зажмурил глаза, постоял, потоптался, пошёл на кухню - чаю, что ли, выпить? Долго ходил, ждал; медленно накалялся на электроплите чайник, потом, позвякивая в чашке ложечкой, поднял глаза - а она сидит за столом напротив, курит... Мать твою!..

Он вскочил, пролил на колени кипяток, приседая, закричал зубами, а когда вспомнил о ней снова, увидел только, как она мелькнула по стене и исчезла. Уже после понял, что она не пряталась - она его первое время вообще не видела - а так: ходила по комнатам, а потом растворялась в затемнённых углах.

Он переоделся и уехал ночевать к матери, но и там не мог уснуть, ворочался. А под утро приснилась ему жена: она садилась в машину, мягко хлопала дверцей и медленно отъезжала, печально и как будто с укоризной глядя на него из-за припущенного стекла. И он бежал за машиной, и она ехала очень медленно, но он никак не мог её догнать, и кричал что-то, кричал, а она всё смотрела и улыбалась - как на прощанье...

Проснулся от собственного крика, разбитый и ещё более злой, увидел, что проспал; не торопясь - всё равно! - оделся, выпил кофе - и поехал, катаясь по городу и облегчённо вздыхая на светофорах, когда загорался зелёный...

Перед своей приёмной столкнулся с генеральным, на вопрос «где шляется?» - только махнул рукой, секретаршу шуганул из кабинета - псих! за что? в чём виновата? - а бухгалтера с платёжками и вообще послал - потом, потом! Сел в кресло и потребовал кофе, а когда принесли - не стал пить: зачем, разве поможет?

Полдня промаялся, потом вдруг сорвался - домой, но сообразил, что ещё светло, снова поехал кататься. А когда стало смеркаться - вошёл в квартиру и вдруг неожиданно успокоился и даже обмяк, увидев её в кресле под торшером, и она не ушла на этот раз, а прежде ещё постояла у окна. А он тихо опустил на стул и наблюдал за ней - удивительно! - даже с каким-то странным удовольствием, потому что - ему это показалось здорово - Тень была удивительно похожа на жену, и не только очертаниями, но и движениями, походкой, пластикой, и так же поворачивала голову и поправляла прядь волос правой рукой... Ему даже показалось, что она - Тень - у окна замёрзла!..

Когда она снова ушла в темноту коридора, он долго сидел, улыбаясь; он даже понял, какое платье на ней было - то, вечернее, темно-зелёное, которое жена особенно любила, и в котором - чего уж там! - была королева...

Он не ужинал и уснул, не раздеваясь. Проспал без снов, проснулся в пять утра, долго принимал ванну, потом брился, потом поехал зачем-то на рынок и купил арбуз - вот так, посреди зимы - а что, нельзя? А раньше не любил: говорил - «всё хорошо по сезону». Долго хрустел сочной - удивительно! - мякотью, с чувством, с толком, с расстановкой. Собрался и поехал в баню (ванны показалось мало), а почему нет? - давненько, давненько не парился...

О ней он будто договорился с самим собой - не думать. Не бояться, не анализировать, не удивляться. Как будто ничего особенного не происходит. Только - сам заметил - стал вечерами спешить домой. Ну что было раньше делать одному в трёх полупустых комнатах? Телевизор смотреть? Пошлость! А с ней - это он уже через неделю про себя посмеивался - жить можно: молчит, только сидит где-нибудь, чаще под лампой, или пройдёт неслышно - чудо! Вот бы она - жена - была такая!

Конечно, ошибался: это Тень была такая, как жена. Это он позже понял. Лица у Тени не было - Тень! - но по наклону головы, позе, мерному покачиванию в кресле он уже понимал - за восемь лет научился! - о чём думала или печалилась Тень. Она вообще обжилась со временем - стала заходить в кухню. Даже пробовала возиться с кастрюлями - с таким же успехом, как и жена. У той никогда особо не получалось - интеллектуалка, идиотка!

Стоп, стоп! Или интеллектуалка, или идиотка! «Одно из пяти!» - и засмеялся, вспомнив любимую присказку жены. Задумался. Стал вспоминать. Нет, не идиотка она была, скорее, наоборот, слишком умная. И смотрела всегда так, будто видела всё, чего нельзя увидеть, и всё понимала... И, как все умницы, была молчуньей: без слов - взглядом могла и спросить, и ответить.

Чёрт, да ведь они же понимали друг друга даже не с полуслова - с полувзгляда! И потом вдруг - перестали! А может, не вдруг? С чего всё началось? Кажется, его стало раздражать это всепонимающее молчание. И ещё - уж слишком казалась она хороша: умная, образованная, воспитанная, утончённая какая-то. С каким-то, только ей присущим тактом и деликатностью. Она ведь никогда с ним не спорила, ни разу не сказала слова поперёк. Если не одобряла - просто смотрела. Только ему от этого взгляда сразу делалось неловко. Сложно это всё было. А он ведь человек простой, зачем ему такие сложности?

О, Господи! И ещё ведь ревновал он её! Да как ещё ревновал! Так, что самому себе никогда бы не сознался, что так может! И ведь, что самое интересное - ни к кому (она и повода никогда не давала), так просто. Вообще. По жизни. Как будто понимал, что не достоин он её, что её вообще никто не достоин, а уж он-то со своей простотой - и подавно!

Понимала она это или нет? Как не понимать - она всё понимала! Может, потому и не спорила, когда он сказал: «Всё! Не могу больше! Давай разведёмся!» Думал, промолчит, как обычно, но она посмотрела, долго и внимательно, - и сказала: «Хорошо».

Ну, всё, всё, хватит! И так понятно: сама давно понимала, что не пара, и рано или поздно надо разойтись, и ждала, наверное. Вот и сказала «хорошо». А что хорошего-то в этом было, что хорошего?!

Нет, ну сказал же: хватит! Поздно! Теперь не успокоиться, не уснуть. Господи, ну какого чёрта! Тьфу, прости Гос-

поди, сразу и про Бога, и про чёрта! Да что с ним такое? Нет, забыть. Расслабиться и забыть. Да, расслабиться - и пошёл к бару. Открыл начатую бутылку виски, поморщился: как-то пошло всё, по-буржуйски! Поставил, открыл водку: вот это по-нашему! Выпить - закусить, выпить - закусить. И всё побоку. И гори всё...

Проснулся посреди ночи - не с похмелья, нет, хоть выпито много было. Проснулся от ясной мысли: а ведь она меня любила! Любила, и видела, как мучаюсь - и жалела! Сама тоже мучилась - а что делать, не знала! Потому и сказала: «хорошо». Не могла больше ничего сказать. Это ведь означало: пусть всё будет по-твоему - может, тебе полегчает?

Нет, только не это! Договорились же - не думать, не анализировать, аналитик хренов! Но вдруг почувствовал, как слёзы катятся по щекам - горячие, живые; и какая-то глыба, которую носил в себе всё это время (только теперь понял, что носил!), сдвинулась и будто таять начала - и подумал: «Наконец-то!»

Когда он уже утром открыл глаза, сразу увидел: Тень спала, свернувшись калачиком - в любимой позе жены, рядом с ним, совсем как прежде. Он только кивнул, скорее мысленно: ну, конечно - как же ещё может быть? И осторожно, чтобы не потревожить, встал и пошёл в ванную...

Неделю ходил, как в сладком и мучительном сне. Будто расплескать боялся то новое, что поселилось в груди. И мучился им - и дорожил. Всё стало на места, всё было понятно. Спокойно было. Любишь её - и смиришься. Так и будет. Так и должно быть. Потерял - тоже смиришься. Просто такая данность. Лишь бы жить не мешало...

Жить не мешало. Наоборот, дела спорились на удивление легко, будто без его участия вовсе. Или просто потеряли важность - и стали лёгкими, простыми...

Только возникало иногда что-то смутное, словно звук на грани слышимости: что-то не так, что-то надо сделать. Сначала робко звенело, потом - сильнее, потом настал день - вообще не переставая. Так и ходил под тихий звон в ушах, пока не почувствовал, что скоро оглохнет. Сел, потёр виски. А ведь всё просто: он ведь - мужик, не привык оставлять дела незавершёнными или «неразруленными». От этого словечка его вдруг передёрнуло (а её - её всегда передергивало). Всё просто: надо позвонить ей и всё сказать. Нельзя же, чтобы так на всю жизнь оставалось. Теперь, когда всё так ясно. И он её любит, и она его. Конечно, любит, если даже тень её оторвалась и поселилась с ним рядом. Вот

прямо сейчас и позвонить! А чего откладывать? У него даже голова закружилась, когда он представил себе, что вот он возьмёт и услышит её голос! Только запереть кабинет, и все телефоны отключить, чтобы никто, ни одна собака не помешала.

Вскочил, пошел в приёмную, сказал - не беспокоить. Долго держал в руке мобильный, смотрел на дисплей, потом словно отмахнулся от чего-то - и стал набирать стёртый из списка контактов (но не из памяти, нет) номер. Набрал, поднёс к уху - и в считанные секунды, пока ждал соединения, покрылся испариной. Не ожидал, однако...

А вот этого надо было ожидать: абонент вне зоны доступа. Да уж, вот определеннице: вне зоны доступа! Засмеялся, потом заскрежетал зубами: где же ты, недоступная моя? Ничего, ничего, есть и другие номера. И тоже не стёрлись. Всё, всё помню - снова смеялся и скрежетал...

Откликнулся домашний. Но не её - чужим, и что было совсем ужасно и неожиданно - мужским голосом. (А почему? Надо, надо было ожидать!) От растерянности он положил трубку. Потом разозлился: да нет же, не надо было ничего такого ожидать! Если она его любила - не могло этого случиться! И снова позвонил, и резко так, твёрдо - спросил её по имени.

Ага, вот и выяснилось. Уехала. Куда, зачем? В Италию (Ну да, у неё же английский - главный, французский - второй, а третий - итальянский). На работу. А квартиру сдала, ну, конечно же! Господи, но когда же будет назад? Не скоро, и неизвестно. И вот что теперь делать? Так ясно было и просто, и вот вместо этого - неизвестно! Опять!

Положил трубку, закрыл лицо руками. И как жить в этой неизвестности, и сколько: месяц, год, годы? И как жить без неё - теперь, когда всё так понятно?.. Вот и принимай эту - такую - данность, и ешь её без соли и масла! Но за что, за что же? И глыба растаяла, и от сердца отлегло - и снова на круги своя! Как это выдержать? И зачем?

Не помнил, сколько сидел, тихо раскачиваясь в кресле и глядя за окно (а там — совсем стемнело). Оглянулся: не жить же здесь теперь. Встал, вышел в приёмную: секретарша маялась в кресле. «Прости, забыл, иди, конечно!» Она у двери вдруг остановилась, спросила, всё ли в порядке. Внутренне расхохотался: как же, именно в порядке! Вслух сказал: «Конечно, иди. Я тоже сейчас пойду».

И пошёл. Потом - поехал. Долго, медленно, бессмысленно. В пустой дом. И когда вошёл, увидел - не в пустой:

Тень сидела в кресле, куталась в шаль и будто оглядывалась, будто искала кого-то... Увидела его - замерла. Он тоже замер. Глядел на неё, кивал: как же я забыл? Вот видишь: теперь вспомнил. И что же ты смотришь на меня, как прежде: смотришь - и молчишь? И сколько же я буду жить в этой тишине, в этом молчании? Да перестанешь ли ты когда-нибудь мучить меня?! Всё! Не могу больше!

И увидел, как она вздрогнула, и вспомнил: вот так же говорил перед разводом...

Она встала, покачала головой, метнулась по стене - и пропала в коридоре. Нет, прости, прости - кинулся за ней, защёлкали выключатели: ну, где же ты? Всё залито светом. Не шути, выходи! Ну что мне, мебель двигать, что ли? Нигде нет. Заметался по квартире. Ну, выходи же! Господи! Я ведь и так больше не могу!..

Вдруг осенило: может, на лестнице? Кинулся к двери, распахнул, и тут же понял, как ошибся: она метнулась от шкафа и мгновенно исчезла в темноте подъезда, и потом только на миг возникла в проёме открытой двери, и тут же пропала.

Выскочил во двор, стоял под невесть откуда взявшимся снегом, звал её по имени, не обращая внимания на шархавшихся соседей. Только когда почувствовал, что вот ещё чуть-чуть - и останется здесь навсегда, потому что и шагу не сможет сделать закованенными ногами, опустил голову и побрёл назад.

На пороге квартиры помедлил, потом приоткрыл прикрывшую было дверь и вошёл в комнату. Свет горел во всей квартире, но тени отбрасывала только мебель. А что, что ещё ты ожидал увидеть?

Прошёл к окну и упёрся лбом в холодное, расчерченное морозом стекло. Снегопад, - а мороз, казалось, и не думал идти на убыль. Ледяной ветер налетал порывами и подхватывал снег, и кружил его, обещая: ещё чуть-чуть, и будет метель. И не ждите, не ждите тепла, закройте окна и двери. Долго-долго, месяц, другой, третий. Чего вам хочется? Капели? Нет, не скоро, не надейтесь. Не надейтесь.

И вдруг он подумал: «Дурочка! Она же совсем замёрзнет!..».

Хазарин

Моя лавка – лучшая лавка в Рамле. Спросите кого хотите на базаре. Все вам скажут, что лучшая лавка - это лавка хазарина. То, что можно купить у меня, вы нигде не купите. Недаром ко мне приезжают со всей Эрец-Исраэль. Приезжают мусульмане, и христиане, и самаритяне, и, конечно, евреи – раввинисты и караимы.

Все мои покупатели богаты. Товар у меня дорогой, очень дорогой. В отличие от других купцов, я беру плату монетами неохотно. В монеты добавляют слишком много меди к золоту и серебру. Я люблю чистое золото, чистое серебро и драгоценные камни – алмазы, рубины, сапфиры и изумруды, и большие жемчужины тоже. Так надёжнее.

У входа в мою лавку разложен мой самый дешёвый товар – украшения, посуда, ткани, сладости, благовония и тому подобное. Самый дешёвый мой товар тоже дорог, потому что такого товара не найти во всей Рамле, во всей Эрец-Исраэль и, говоря по правде, во всем мире в эту эпоху.

Моя лавка открылась в 4630 году, то есть в 970 году по летоисчислению христиан. Это произошло через год после того, как русы захватили Итиль, столицу Хазарского царства, а Египет был завоёван войском фатимидов под командованием Палтиэля га-Нагида. Нельзя сказать, что я открыл эту лавку. Она сама открылась, как пещера, а я лишь нашёл её и превратил в свою лавку.

В глубине лавки есть невидимый силовой экран, не пропускающий никого из X столетия. Экран я прикрыл простой занавесью, которую не задвигаю до конца. С одной стороны, это даёт покупателям знак, что не следует заходить дальше, а с другой – позволяет им увидеть, что у меня можно купить и оружие.

Да, я продаю оружие – не огнестрельное, Боже упаси, только холодное оружие и доспехи. Особенно охотно у меня раскупают японские син-гунто¹, казачьи шашки, парадные кортики ВМФ России и Украины, монгольские рекурсивные луки и стрелы к ним. Продаю я и металлические спортивные копья, всяческие топоры и ножи. Всё это у меня

¹ Армейские мечи Второй мировой войны.

лучше, чем в других лавках. Однако надо признать, что и в них можно найти вполне приличные мечи, копья, луки, топоры и ножи. Не из-за этого оружия моя лавка слывет лучшей лавкой в Рамле и даже во всей Эрец-Исраэль, а из-за доспехов. Только у меня можно заказать и купить большие и в то же время лёгкие прозрачные щиты; лёгкие и крепкие шлемы, защищающие всю голову, включая лицо, благодаря прозрачному забралу; лёгкие доспехи, защищающие не только от стрел и камней, но и от мечей и копий. Они доступны лишь самым богатым покупателям. Добывать их на складах полиции и армии в мою эпоху совсем не просто. Кое-что из таких доспехов можно достать в спортивных магазинах, там, где продают снаряжение для хоккея и американского футбола, но это, конечно, не то.

На базаре в Рамле можно встретить купцов из далёких стран – из аль-Андалуса, из Магриба, с Сицилии, с греческих островов, из Персии. Но я, без сомнения, самый экзотичный из них. Арабским, который служит основным языком для мусульман, самаритян и евреев, я владею очень слабо. Греческого, который сохранился у части местных христиан, и которым владеют купцы с Сицилии и греческих островов, я не знаю совсем. Я немного знаю латынь, но здесь это помогает мало. Я свободно говорю на святом языке. Это помогает мне в контактах с местными евреями и самаритянами, хотя их произношение звучит для меня очень странно, а нередко даже мешает пониманию.

Каждый в Рамле знает, что я придерживаюсь еврейской веры – ведь я прикрепил на входе в мою лавку мезузу. На футляре мезузы написано большими буквами – «Шадай», то есть «Шомер Длатот Йисраэль»¹. Моя лавка закрыта по субботам и еврейским праздникам. Поэтому я всем говорю, что я хазарин. Это объясняет всё – и экзотические товары, и невиданные чары, не пропускающие чужаков вглубь моей лавки, и мезузу у её входа, и моё странное произношение на святом языке, и моё слабое знание арабского. Все слышали о Хазарском царстве, но никто толком не знает, что там происходит. И так оно и повелось. Я Серхан аль-Кузар, Волк-хазарин. Там меня называет и эмир Шама - Менаше бен Авраам аль-Казаз.

Этот еврей, правящий Шамом, то есть Эрец-Исраэль и куском Сирии от имени фатимидского халифа, нередко

¹ Страж дверей Израиля.

приходит ко мне. Я не люблю удаляться от своей лавки. Несмотря на то, что я никуда не хожу без вооруженных, очень хорошо оплачиваемых и потому целиком преданных мне стражников, невозможно быть уверенным, что я вернусь в свою лавку. А ведь она для меня единственный путь в XXI век.

Для эмира Менаше я, естественно, делаю исключение. Когда он зовёт меня, я прихожу в его дворец. Я прихожу, конечно, не с пустыми руками, а с богатыми подарками, достойными величия эмира. Я приношу ему в подарок всё самое лучшее из того, что можно принести из моей эпохи в его. Однажды я подарил ему великолепное издание ТАНА-Ха. В X столетии, когда книгопечатание еще не изобретено, это, несомненно, буквально царский подарок. Эмир долго дивился чудесному мастерству хазарский писарей. Он сразу же послал за своим старшим сыном Адаей, чтобы и тот увидел эту книгу и восхитился бы чудесным мастерством и умением...

Однако время от времени эмир появляется собственной персоной у входа в мою лавку, и я встречаю его благословением Господу, "который уделил из славы Своей трепещущим перед Ним". Однажды эмир Менаше ответил мне на это благословение печальной улыбкой и сказал:

- Вдумываясь в суть, я опасаясь, что это напрасное благословение. Я не достоин его. Ведь я всего лишь эмир, назначенный халифом, который воистину достоин благословения Господу, "который уделил из славы Своей смертному", а благословения Господу, "который уделил из славы Своей трепещущим перед Ним", достоин лишь еврейский царь, который выполняет волю Бога Израиля на благо народу Его.

Я, конечно, тут же начал уверять эмира, что он достоин этого благословения, ибо именно он правит Святой Землёй на благо народу, пребывающему в Сионе, как ни один еврейский властитель до него в течение более семисот лет, со дней рабби Иегуды га-Наси.

Эмир Менаше принял мою лесть вежливой улыбкой. Открытая лесть – нормальная вещь в X столетии. Но я почувствовал, что он не притворяется, а действительно всерьёз размышляет над тем, достоин ли он этого благословения, действительно ли он выполняет волю Бога Израиля на благо народу Его.

Я понимаю его очень хорошо, намного лучше, чем он себе представляет. Он первый еврей на протяжении почти

девяти столетий, который правит страной своего народа. Это редкостное стечение обстоятельств, а не логическое следствие постоянного развития истории, которое вытягивает землю из-под ног народа Израиля. Поколение за поколением, сыны Израиля стали меньшинством в своей стране, и лишь меньшинство сынов Израиля живет в Эрец-Исраэль. И тут появляется он, эмир Менаше, еврей, который не предал веры своих отцов. И он становится правителем Эрец-Исраэль. Пусть под рукой халифа, сидящего в Египте. Я понимаю, чего хочет от меня эмир. Я понимаю это намного лучше, чем он сам. Совета. Совета, что ему делать. Точнее, как ему это сделать. Как ему стать достойным этого благословения. Он стал с Божьей помощью – а как же иначе? – эмиром Эрец-Исраэль, и он спрашивает: «Что дальше?» Уверен, что этот вопрос он задавал себе много раз, с тех пор, как он стал тем, кем он стал. И он не смог бы стать тем, кем он стал, если бы не был умён и не обладал бы развитой интуицией. А после того, как эмир Менаше познакомился со мной, его интуиция подсказала ему, что этот хазарин – не просто купец. И он спросил себя: «Кто знает, не для такой ли поры и достиг ты достоинства царского?»

Мне остается лишь спросить себя самого, придут ли спасение и избавление к иудеям, если я отвечу на непроизнесенный вопрос эмира. Я не знаю ответа и ищу его всё лихорадочнее, почти в отчаянии.

Если он достиг достоинства царского именно для такой поры, то я точно нашёл свою лавку для такой поры. По крайней мере, я обязан спросить себя об этом. Тот факт, что я нашел свою лавку и торгую на базаре Рамлы во дни эмира Менаше, безусловно, не является логическим следствием постоянного развития истории. Но что я могу сделать? И должен ли сделать то, что могу?

Себе самому я не должен лгать. Для того, чтобы эмир Менаше стал достойным благословения, он должен стать настоящим царём – возродить Израильское Царство, призвать всех изгнанников к новому Возвращению в Сион, возобновить служение на Храмовой горе... Для этого необходимы не только добрые намерения и добрые советы, но и оружие, и деньги. Чары, конечно, тоже не помешают. Все это есть у загадочного купца Серхана аль-Кузара...

Примерно так, наверное, размышляет эмир. Он уверен, что все это не случайно – хазарин с его лавкой, полной не-

виданных товаров, особенно оружия. И главное – чудесное недоступное нутро это лавки...

Но на этот раз я был уверен, что разговоров на тему "достойн" или "не достойн", "для такой поры" или "не для такой поры" не будет. Посланец эмира Менаше, явившийся объявить мне, что эмир приглашает меня после вечерней молитвы, когда чуть ослабнет жара, в свой дворец, сообщил мне также, что эмир принимает важного еврейского паломника из Альмании, то есть из Ашкеназа. Любопытно. Ашкеназских евреев в эту эпоху я еще не встречал. Интересно, разговаривает ли он на идише, и пойму ли я его идиш?

Я взял с собой в качестве подарка эмиру несколько бутылок вина "Гамла Каберне Савиньон" урожая 2020 года, засахаренные ананасы и большую коробку шоколадных конфет с надписью "Кашер халави". Эмир и его домашние очень любят "хазарский молочный мёд" – так я называю здесь шоколад.

Как и можно было ожидать, у ашкеназского паломника не было того гортанного восточного акцента, который несколько мешал мне понимать эмира Менаше и других местных евреев и самаритян – если они вообще могли хоть как-то разговаривать на святом языке. Неожиданностью для меня стал тот факт, что я совсем неплохо понимал его идиш. Как-то я попробовал читать "Майсе-бух" в оригинале и понял намного меньше. Я бы даже сказал, что гость эмира разговаривал на каком-то восточном, а не на западном идише. Но это было совершенно невозможно, потому что в X веке ашкеназские евреи еще не жили в Восточной Европе и никакого восточного идиша быть не могло. К тому же мы почти и не говорили на идише. Всего лишь перекинулись парой фраз. Ведь с нашей стороны было бы невежливо разговаривать на идише в присутствии эмира, который, естественно, понятия не имел об этом языке.

Намного более странным мне показалось то, что ашкеназский паломник – его звали Натан – знал слово "шоколад". Увидав коробку с "хазарским молочным мёдом", он так и воскликнул:

- Вау, шоколад!

- Господину моему известно сие лакомство? – спросил я.

- Да, - ответил он, - иногда, очень редко его привозят в страну Ашкеназ из дальних далей.

Я не счёл нужным развивать эту тему. Эрик Рыжий прибыл в Гренландию только в 982 году. Его сын Лейф достиг Североамериканского континента где-то около 1000 года по

летоисчислению христиан. Торговли между Европой и Мезоамерикой или Южной Америкой, где растёт какао, в X веке не было и быть не могло. А шоколадные конфеты вообще начали производить только в XIX веке. Значит, этот паломник родился несколько позже, и он лжёт.

После того, как Натан сказал, что "имя Серхана аль-Кузара идёт впереди него. Оно известно даже в стране Ашкеназ", - я окончательно пришёл к выводу, что он точно такой же паломник, как и я. Эмир, конечно, не почувствовал драматичности нашего короткого диалога. У него не возникло ни малейшего подозрения относительно того, что за словами Натана есть что-то, кроме обычной любезности.

После того, как мы закончили трапезу и прочли подобающее благословение, ашкеназский еврей, выдававший себя за паломника, попросил у эмира Менаше разрешения проводить меня до моей лавки. Разрешение было ему дано. Сопровождать нас вышли, помимо моих стражников, и несколько стражников эмира во главе с его приближённым, самаритянином Яаковом. Я никогда не слышал, чтобы тот разговаривал на святом языке, и всё же нельзя было быть уверенным, что он совсем не поймёт разговора на нём. Поэтому мы с Натаном разговаривали на идише.

Путь от дворца эмира до базарной площади, где находится моя лавка, совсем не долог. Конечно, Рамла считается в X столетии крупнейшим городом Эрец-Исраэль, но всё же она намного меньше Рамлы XXI века. Однако шли мы не торопясь, и вот что успел рассказать мне Натан, прежде чем мы пришли.

Он родился в конце XX века в Антверпене. Там он и жил, изучая Тору и торгуя алмазами. Однажды он приехал по делам в Трир и, гуляя по окрестным холмам, случайно наткнулся среди виноградников и роц на пещеру, которая вела в X столетие. Он сразу же правильно оценил коммерческий потенциал своего открытия; не торгуясь, купил соответствующий земельный участок, а дальше его история развивалась так же, как моя. Он торговал весьма успешно, пока в один прекрасный день не обнаружил, что его лавка в Трире - это просто лавка, а больше не пещера, ведущая куда бы то ни было. Так Натан застрял в X столетии.

Он не отчаялся, продолжил торговать оставшимся товаром, веря, что Всевышний даст ему знак. И Всевышний дал ему знак в виде американского полицейского шлема с забралом, который один знатный клиент принёс ему в качестве залога. Натан понял, что есть по крайней мере ещё

одна такая лавка-пещера. Он забросил все дела и начал искать источник, ту лавку, из которой происходил шлем. Поиски заняли некоторое время – в X столетии подобные дела идут медленно, но он был упрям и в конце концов дознался, что такой чудесный товар происходит из города Рамла, что в Святой Земле. Там на базаре есть лавка какого-то хазарина.

- Ну, а паломничество в Эрец-Исраэль вполне естественная затея для почтенного богобоязненного еврея, - сказал я, когда его рассказ дошел до этого места.

- Да, конечно, вполне естественная затея для почтенного богобоязненного еврея, - ответил мне Натан, - но не забывайте уважаемый реб Серхан, что в X столетии совсем не просто и довольно опасно добираться в Эрец-Исраэль из Европы.

- Несомненно, реб Натан, несомненно, но у вас есть весьма серьезная мотивация – возвращение в XXI век. Или, если пользоваться терминологией X столетия, выполнить заповедь о сохранении жизни. Как сказано, "всячески берегите души свои".

- Вы, несомненно, правы, реб Серхан. Даже дважды правы. Речь идёт о спасении не одной души, а двух.

- Почему это вдруг двух?

- Я имею в виду вас, реб Серхан. Я приехал, чтобы сообщить вам, что ваша пещера может закрыться в любой момент. Неизвестно, в какой момент и почему, но это может произойти. Вы же об этом прежде не думали. Так что пока это не произошло, я советую вам вернуться вместе со мной.

О таком повороте я действительно раньше не думал. И я не был готов к какому бы то ни было ответу. Что я мог ответить? Что я согласен покинуть, ни с того и ни с сего, всё, и немедленно удрать?

Тут мы дошли до моей лавки. Мы продолжили разговор внутри, оставив наших сопровождающих снаружи. Войдя вглубь моей лавки, за невидимый экран силового поля, Натан не бросился бежать к выходу в XXI век. Я немного этого опасался, но нет, - оказалось, что он честный торговец. Он не хотел своим внезапным исчезновением поставить в сложное положение людей, сопровождавших его в путешествии, и меня тоже. Представьте себе, что бы подумал эмир Менаше, если бы самаритянин Яков доложил ему, что ашкеназский гость вошёл в лавку хазарина и не

вышел из неё. А все стражники, ожидавшие у входа, подтвердили бы его слова.

- Драпать, позабыв обо всём, не имеет смысла, - сказал мне Натан, - Если бы Владыка мира не захотел бы, чтобы я, Натан, добрался до вашей пещеры, Он уже мог бы это сделать самыми разными способами в любое мгновение. И если Владыка мира решит закрыть вашу пещеру буквально за мгновение до того, как мы вернемся в XXI век, да будет так.

Поэтому мы решили, что сейчас Натан вернется во дворец эмира. Он поблагодарит властителя Святой Земли за гостеприимство, а назавтра, сразу же после утренней молитвы, ашкеназский паломник со своими людьми придёт к городским воротам. Его люди покинут Рамлу без него, хотя якобы с ним. Это будет их последняя услуга ему, богобоязненному трирскому купцу реб Натану, который всегда платил за их службу по-царски. Сам же он, сменив одеяние, явится в мою лавку.

И так оно и было. Теперь я стою у выхода из моей пещеры в XXI век. Я вижу Натана, который уже вышел и машет мне рукой, чтобы я поторопился. За мной остались моя лавка на базаре Рамлы X столетия и эмир Менаше бен Авраам аль-Казаз, ждущий моего совета и моей помощи. Пещера может закрыться в любой момент. Прямо сейчас, через неделю, через десять лет... В любое мгновение.

Я стою, и в моей голове крутятся вопросы без ответов. Кто же я, Серхан аль-Кузар? Если не я за меня, то кто за меня? А если я только за себя, то кто же я? И если не сейчас, то когда?

Перевод с идиша – автора.

Шаргород (фрагменты повести)

"...И были между ними такие, которые не имели памятника, которые исчезли, как будто и не жили, и стали, как будто никогда не родились..."

Книга Премудрости Иегошуа Бен-Сирь

Это было ещё до войны, в мирные времена.

20 мая 2005 года Штерн шёл от шаргородского автовокзала к дому своего деда, - точнее, к бывшему дому деда, потому что дед давно умер. В этом доме отец Штерна жил до семнадцати лет, сюда и сам он ездил ребёнком каждое лето. Теперь умер и отец, и дом перешёл по наследству к Штерну.

Штерн пробовал катить - вернее, тащил - огромный чемодан на колёсиках. Колёсики застревали в ямах и рытвинах булыжной мостовой, когда-то залитой асфальтом, но давно облысевшей. Тяжёлый чемодан валился на бок, выворачивая руку... Чемодан на колёсиках был явно не для Шаргорода.

Штерн взмок от пота. Несмотря на май, солнце сильно припекало. А в Киеве, куда он прилетел из Амстердама вчера вечером, и откуда уехал первым утренним поездом, стояла весенняя ещё погода, утро было с прохладцей. В Виннице, пересаживаясь на междугородний автобус, Штерн снял свитер и шарф, засунул их в чемодан, но для куртки места уже не оставалось. Пришлось оставить её на себе, и сейчас он ужасно мучился. Хорошо хоть идти было недолго: минут пятнадцать по улице Ленина, потом свернуть к синагоге, а там, совсем рядом, - дом деда.

Нет, не Ленина, поправил себя Штерн. Она так называлась раньше, а сейчас, как он прочёл на табличке, стала улицей Героев Майдана. И памятник Ленину снесли. А вот переименовали ли улицу, на которой стоит дом деда, Штерну, несмотря на поиски в Интернете, узнать не удалось.

Он остановился, поставил проклятый чемодан, вытер пот со лба. Штерн не был уверен, что сразу найдёт дом деда. Последний раз он приезжал сюда больше тридцати лет назад. Но что дом ещё стоял, знал точно: совсем недавно,

незадолго до своей смерти, отец созванивался с одним из своих старых друзей, который жил в Виннице и ездил на могилы родителей в Шаргород, и тот по просьбе отца посмотрел, всё ли в порядке с домом. Всё было в порядке.

Штерн повернул налево, спустился к старой, величественной синагоге, окруженной сложенным из камней забором. В щелях между камнями росла трава и даже маленькие деревья. В пору его детства перед синагогой стояли грузовики и огромные бочки: в ней был сокоморсовый завод. Сейчас ни машин, ни бочек не было видно. Пятиконечная красная звезда над входом, под самой крышей, и лозунг "Слава КПСС" тоже исчезли.

Синагога стояла внизу, в глубокой ложине. Высокая, с толстыми стенами, с башенками и бойницами, она больше походила на крепость. Но синагога сейчас мало волновала Штерна. Он искал дом деда. Слева от синагоги, у выезда из местечка, стояло домов пять-шесть, не больше. Который из них? Штерн помнил, что рядом с домом деда, справа от него, проходила небольшая улица, скорее, переулок, спускавшийся к реке. Но переуллка не было.

И тут он увидел его. Это был крайний дом слева, там, где дорога, огибая его, спускалась с холма к стадиону. Детская память обманула Штерна. Справа от дома деда, между ним и другим старым еврейским домом, явно нежилым, шла узкая тропинка. Тропинка! Не улица и не проулок даже. Это ребёнку тропинка казалась широкой, а на самом деле она была метр шириной, не больше.

Палисадник перед домом зарос высоким кустарником, так что с дороги была видна только крыша. Штерн с трудом продрался с чемоданом через кусты. В массивную входную дверь был врезан вполне современный замок, а на толстых железных проушинах висел ещё один - амбарный, огромный, с кожаной нащёлкой сверху, защищавшей замок от дождя. Штерн достал ключи: большой, с грубо нарезанной бородкой, и обычный, похожий на его собственный ключ от амстердамской квартиры.

Амбарный замок открылся не сразу, но с врезным вообще возиться не пришлось. Штерн вошёл в дом. Внутри было прохладно, что его сразу обрадовало. Он втащил чемодан в прихожую, потом в гостиную, и сбросил, наконец, куртку. Майка и рубашка прилипли к спине, очень хотелось пить.

Гостиная, которую отец и дед называли "зала" или "штибл", выглядела так, словно её оставили только вчера,

хотя Штерн знал, что последний раз отец был в Шаргороде лет семь назад. Штерн ожидал увидеть внутри что-то вроде давно заброшенного жилья, каким его показывают в кино: гроздья паутины, свисающие с потолка, толстый слой серой пыли... Ничего этого не было. Пыль, конечно, лежала на крашенных досках пола и на деревянном диване с высокой резной спинкой, напоминая скорее огромный сундук. Но даже затхлостью пахло лишь чуть-чуть. Запах был: рассохшегося дерева, пыли, - нежилой запах. Это был запах его детства. Так всегда пахла "зала", когда они приезжали к деду и первый раз входили в неё. Ею ведь почти не пользовались, только в особо торжественных случаях. Отец говорил, что здесь в его детстве праздновали субботу - "шабат".

В доме было полутемно, но Штерн не стал открывать ставни, чтобы не ушла прохлада. «Проветрю вечером», - решил он. В тесной кухне с русской печью обычно спал на лежанке его дед. На деревянных полках в нише раньше стояла посуда, теперь ничего не было. В открытом комод, на столешнице которого резали овощи, стояли внизу несколько кастрюль и сковородок. «Отлично, - подумал Штерн, - не придётся покупать».

Окно на другой стороне кухни выходило в сад. Готовясь к поездке в Шаргород, Штерн прочитал в Интернете, что ни сада, ни огорода у старых еврейских домов в местечках обычно не было, но у деда они почему-то были. Может, потому, что дом стоял на окраине, у самого выезда из города?

Штерн решил, что тщательней осмотрит дом позже. Сад был важнее, за этим он приехал в Шаргород. Отдышавшись в прохладе, он мог бы начать копать прямо сейчас, но ни лопаты, ни мотыги, чтобы рубить проросшие корни, у него не было. Когда он тащил чемодан от автовокзала, то заметил в глубине главной улицы, между "М'ясним павільйоном" и киоском "Морозиво. Печиво", маленький магазинчик, у дверей которого, снаружи, стояли лопаты, грабли и другой хозяйственный инвентарь. Он проверил, есть ли в доме вода. Открыл под раковиной в кухне "генеральный" кран (так его называл дед). Вода шла - правда, мутная, с ржавчиной - и на кухне, и в туалете. В прихожей висел распределительный щиток. Вывинченные пробки аккуратно (отец всё делал аккуратно) стояли на полочке под щитком. Штерн ввинтил пробки и осторожно повернул выключатель в гостиной. Голая лампочка, висевшая под потолком, как-то нехотя зажглась, мигнула и треснула. В алькере свет вообще не за-

горелся, а в кухне его никогда и не было. «Куплю новые лампочки, - подумал Штерн, - и свечи на всякий случай».

Штерну только казалось, что он никому не интересен в Шаргороде, и что прохожие не обращают на него никакого внимания. Он и не подозревал, какую волну поднял его приезд. Шаргород - городок маленький, здесь почти все друг друга знают, и приезжий с огромным и явно "иностранным" чемоданом, приезжий, который завтракает и обедает в городе, говорит при этом только по-русски, а говорок у него не здешний, без фрикативного "г", московский, акающий; человек, который целый день, почти без передышки, остервенело рубит кустарник в заброшенном саду, вскапывая потом очищенные участки так глубоко, как огороды обычно не вскапывают, - такой человек не мог не вызвать пересуды. Приезжего обсуждали и на базаре, куда Штерн приходил несколько раз: купил там холодильник, надувной матрац, постельное белье, два пластмассовых садовых стула, тарелки, ложки-вилки и другие мелочи вроде жидкости для мытья посуды. На базаре тоже ломали голову: зачем он сюда приехал?

- Еврей клад ищет, - решил хмурый усатый хохол из Слободы, торговавший поддельными галстуками, подтяжками и ремнями с лейблами известных фирм.

Это было похоже на правду.

Работа шла медленней, чем Штерн предполагал вначале. За пять дней, двигаясь по периметру участка, он очистил едва ли треть его площади. А площадь участка, судя по отцовскому чертёжику, составляла примерно восемь соток: около двадцати метров в ширину, от дома до дороги, и сорок - в длину. В этот чертёжик, плотно обернутый несколько раз резиночкой, был завернут ключ от амбарного замка. Ключ Штерн нашел, разбирая вещи отца.

На пятый день, вечером, в дверь постучали. У входа стоял высокий старик с густой седой шевелюрой, редкостной для его возраста (на вид ему было лет восемьдесят), в старенькой, но чистой и отглаженной фланелевой рубашке.

- Антон Михайлович Забава, - представился он. - Фамилия такая - Забава. Извините, что побеспокоил вас. Вы, я вижу, обустроиваете дом...

Дом Штерн не обустроивал. У него и планов таких не было. Он занимался только садом.

- Да вот отец мне дом завещал, привожу немного в порядок, чтобы потом продать. За сам дом много не дадут, а участок чего-то стоит...

Объяснение это он заготовил заранее.

- Сейчас многие в Шаргороде старые дома продают, - сказал Забава. - Отцы, деды, которые в этих домах жили, умирают, а дети продают. Не подумайте, я вас ни в чём не упрекаю, - торопливо добавил он, - это совершенно нормальный ход вещей.

Штерн пригласил старика в дом.

- Я к вам вот почему зашёл, - сказал тот. - Мы соседи. Я живу с женой и тёщей у синагоги, через четыре дома от вашего. Если что-то надо, - заходите, не стесняйтесь.

- Спасибо, Антон Михайлович, - поблагодарил Штерн.

- И просьба к вам: если вы какие-нибудь бумаги в доме найдете, записи, хоть хозяйственные, я бы их посмотрел. Видите ли, я до пенсии двадцать лет работал в здешней школе учителем истории и давно занимаюсь историей Шаргорода, ну, как любитель. Документы, источники, свидетельства для меня очень важны. Ваши личные воспоминания тоже.

- Я в Шаргороде не жил, - пояснил Штерн. - Тут жил мой дед, в молодости - отец, я только летом сюда приезжал.

- Неважно. Мне всё интересно. Кстати: у меня сегодня вечером собираются несколько человек, которые хотят побольше узнать о Шаргороде. А у меня интересного материала - тьма. Если хотите, приходите. Жены моей сейчас нет, она гостит у внучек в Киеве, но ужин обещаю. Тёща готовит. А то всё по кафе да ресторанам? Желудок испортите, - неожиданно закончил старик.

- Спасибо за приглашение. К какому времени?

- Часа через полтора. Вон там наш дом, с верандой, где бельё висит. Да вы не ошибётесь: остальные дома на этой стороне улицы - пустые, нежилые.

Приглашению Штерн обрадовался. Работать сегодня он уже не мог: очень устал, ломило поясницу. Идти в город тоже не хотелось, а поесть всё равно где-то надо было. И, конечно, история Шаргорода, где жили его отец и дед, а может быть, и более далёкие предки, Штерна интересовала. Он умылся теплой водой из-под крана, надел чистую рубашку, взял (не идти же с пустыми руками!) бутылку мятного ликёра, которую как раз для таких случаев купил в магазине Duty Free перед отлётом из Амстердама, и пошёл в гости к Забаве.

Народ у него уже собрался.

- Гликман, - представился один.

- Даль, - сказал другой.

Забава объяснил Штерну, что они приехали в Шаргород по поручению ВААДа, ассоциации еврейских организаций Украины, оценить возможности ремонта синагоги. Живут в центре местечка, в доме, за которым в отсутствие хозяев следил Забава.

- Синагогу построили в 1589 году, - с гордостью сказал Забава и развёл руками. - А в советские времена там много лет был завод, называвшийся сокоморсовым, но выпускавший в конце исключительно портвейн.

- Совершенно гадкий портвейн, - уточнил ещё один гость, представившийся как Саня.

Саня родился в Шаргороде, учился здесь в школе, работал на сахарном заводе, закрывшемся в начале девяностых, потом перебрался в Киев, и сейчас решил провести в Шаргороде отпуск. У него оставался здесь дом, куда надо было время от времени приезжать: платить "коммуналку", делать мелкий ремонт... Саня когда-то учился у Забавы и обращался к нему хотя и полушутя, но почтительно: Лерер (Учитель).

- Так его когда-то весь Шаргород звал, - объяснил Саня, - и школьники, и их родители, и евреи, и не евреи. Лерер... А сейчас и учеников его в Шаргороде почти не осталось. Уехали все - и евреи, и не евреи...

Вышла поздороваться с гостями и тёща Забавы - баба Энтя, маленькая, седая и очень живая старушка с платочком на голове, в длинной тёмной юбке и, несмотря на жару, почему-то в резиновых сапогах.

Ликёру все обрадовались.

- Коньяк "Наполеон" бординского разлива, - одобрил Даль.

Попробовать ликёр решили позже, за ужином, после лекции, которую им предстояло выслушать. Они уселись рядышком на разномастные стулья в "кабинете" Забавы - крошечной комнатке, казавшейся меньше от самодельных стеллажей, плотно заставленных книгами и советскими ещё толстыми тетрадями в обложках из кожзаменителя, с цветными наклейками и буквенными сокращениями на корешках. Одну из таких тетрадей Забава положил на грубоватый, тёмный от времени деревянный пюпитр, который называл штендером.

- История Шаргорода насчитывает более шести веков, - начал он. - Первое упоминание ещё не Шаргорода, но места, где стоит Шаргород, - 1393 год. А в 1579 году Стефан Баторий, король Речи Посполитой, колонизируя её юго-

восточные окраины, которым постоянно угрожали татары, пожаловал эти земли Яну Замойскому, канцлеру и верховному гетману. С условием, чтобы Замойский обезопасил стратегически важные переправы. И Замойский построил крепость на высоком мысу у впадения Ковбасной в Мурашку. Замойский был очень образованный для своего века человек, учился в Париже и Страсбурге и пригласил для строительства замка итальянского архитектора Бернардо Морандо. Гетман очень энергично занимался колонизацией Подолья и начал приглашать в Шаргород - свою подольскую резиденцию - польских и еврейских переселенцев, наделяя их вольностями, которых в "коронной" Польше они не имели.

Расположение Шаргорода было выгодно не только со стратегической точки зрения. Он стоял на перекрёстке важных торговых путей из Валахии в Центральную Украину, из Юго-Западной Украины - в Европу, и находился поблизости от границ Османской империи и Речи Посполитой. Не случайно уже в 1588 году Шаргороду было даровано так называемое Магдебургское право. Оно освобождало город от определённых повинностей, здесь стали регулярно проводиться ярмарки, на которых проходившие через Шаргород купцы из Валахии и Турции обязаны были сначала выставлять свои товары в Шаргороде на продажу в течение двух дней, и только потом ехать дальше. Для них тут специально устроили склады и постоянные дворы - заезды. Причём, что интересно: базарным днем по указу польского короля должна была стать суббота, но в субботу евреям нельзя заниматься делами, поэтому на базаре стали торговать по воскресеньям, а позже вообще три раза в неделю.

Через десять лет после того, как Шаргород получил Магдебургское право, порученец Замойского, некто Жолкевский, объезжавший владения гетмана, докладывал ему: "Шаргород сам, ваша милость, видел: большое поселение, несколько сот домов. Случилось быть на ярмарке - как для первого раза (то есть по первому впечатлению) - не худая, купцов много, некоторые из Могилёва". Шаргород считался уже одним из торговых центров Подолья. Согласно тогдашней переписи, в нем насчитывалось 649 "дымов", то есть более трёх тысяч жителей. Кстати, - Забава обратился к Штерну, - я тут упомянул заезды, постоянные дворы. Дом вашего отца тоже наверняка был когда-то постоянным двором. У него ведь ворота с обеих сторон. С дороги, наверное, и въезжали. Там, где сейчас сад, вероятно, стояли ко-

нюшни или были стойла для лошадей, а в самом доме жили гости...

- Так что, выходит, дому лет триста или даже четыреста?! - не поверил Штерн.

- Нет, конечно, - сказал Забава. - Шаргород несколько раз разрушали, здесь были большие пожары, потом всё восстанавливали, отстраивали снова, перестраивали... Но я продолжу. Жители Шаргорода получили право торговать с турками и татарами, беспошлинно развозить отсюда товары по всему польскому королевству и в княжество литовское. Вместе с тем, согласно Магдебургскому праву, евреи обязаны были селиться обособленно, отдельно. Так возникла еврейская часть Шаргорода, где мы с вами сейчас находимся. Только позже, когда запрет был снят, евреи стали селиться по всему местечку.

- Я читал, что поляки евреев привечали, а украинцев эксплуатировали, - прервал Забаву Саня.

- Не привечали - приглашали. Понимаете разницу? Если и привечали, то с оговорками. Вот, например, когда в Шаргороде построили костёл, Замойский ввёл своеобразный налог на его содержание. Поляки должны были платить за свой костёл два гроша в квартал, но и евреи за него тоже два гроша. А православные - всего один грош. Это показательная деталь. А уже в семнадцатом веке шляхтичи так обложили евреев, что еврейскому кагалу - общинной администрации, чтобы расплатиться по долгам, приходилось занимать деньги - чаще всего у католических монастырей, вводить новые налоги. Так, чтобы открыть в Шаргороде торговую лавку или мастерскую, надо было платить хазаку - концессию. Ввели везде так называемый "коробочный сбор" - на потребительскую корзину, как мы сказали бы сегодня: на молоко, масло, хлеб. Взимали пошлины за кошерное мясо и резку птицы... В общем, говорить о Польше как о рае для евреев не приходится. Но и для украинцев это тоже был далеко не рай. Именно поэтому они и бунтовали.

- Вы имеете в виду восстание против поляков под предводительством Богдана Хмельницкого? - уточнил Гликман.

- Хмельницким его называли на польский, шляхетский манер, а у евреев и украинцев он был Хмель, - Забава явно загорелся этой темой. - У евреев: "злодей Хмель". И в поздних хрониках евреи всегда прибавляли к его имени формулу "да будет стёрто имя его", потому что Хмельницкий принёс им много страшных бедствий. Отряды Хмеля и его полковников творили в еврейских местечках страшные

зверства: убивали, насиловали, распарывали животы беременным женщинам, сажали младенцев на пики...

- Я читал где-то, что Богдан Хмельницкий поднял восстание из-за какой-то женщины, чуть ли не жены, которая изменила ему с поляком. Это правда? - поинтересовался Саня.

- Нет, - ответил Забава. - Это романтическая легенда, сочинённая для того, чтобы приукрасить образ Хмельницкого. Что поляк Чаплинский якобы отбил у него красавицу-подругу, с которой Хмель жил невенчаный, обратил её в католичество и сделал своей женой, а Хмель после разгрома поляков захватил её, уже вдову, вернул в православие и, с разрешения патриарха, даже женился на ней. Ну, прямо гомеровская "Илиада" с прекрасной Еленой! Я специально изучал этот вопрос. Ерунда! Вся история - чистый вымысел. Хмель - не Ахилл. На самом деле Богдан Хмельницкий, чигиринский сотник, был очень богатым человеком. Он владел землями, мельницами, шинками. И не поделил какой-то хутор с чигиринским подстаростой, фамилия которого действительно была Чаплинский. Сначала Хмель пошёл, что называется, по инстанциям с жалобами на него, дошёл чуть ли не до польского короля, а вот когда потерпел со всем этим неудачу, начал поднимать казаков на войну с "ляхами". Не думаю, что независимость Украины и православная вера были для него главными. Он ведь и крымского царя со всей его ордою позвал на помощь за часть добычи. А позже, когда татары стали договариваться с польским королём, через папского нунция предложил уже польскому королю, с которым до этого воевал, защищать вместе польские земли от татар. С Россией, наверное, тоже решил объединиться, потому что искал покровителей. Какая уж тут независимость!

Забава достал с полки ещё одну пухлую тетрадь:

- Шаргород был разорён в 1648 году. В мартирологе сына венского раввина Шмуеля Файвиша бен Натана "Тит Гаявен", что значит "Непролазная грязь", перечисляются уничтоженные во время Хмельничины еврейские общины. Там есть и Шаргород. Бен Натан пишет: "В Шаргороде было около трёхсот домохозяев, усердно изучавших Тору, и были убиты все". Здесь свирепствовал один из ближайших сподвижников Хмеля - Максим Кривонос (у него действительно был перебитый нос). В главных синагогах Подолья много десятилетий - даже столетий! - каждый год в определённый день читалась особая молитва в память о "десятках тысяч

мучеников Израиля" из городов Немирова, Тульчина, Бара, Полонного - и Шаргорода!

Есть ещё одно свидетельство о Хмельничине - хроника "Пучина бездонная" Натана Ганновера. Ганновер описывает, как выглядело Подолье после набегов Хмеля и его полковников. Бедность страшная. Чума. Всё разорено. Украинские крестьяне и немногие оставшиеся в живых евреи страшно голодали. Цитирую: "Беднота из православного народа умирала тысячами и десятками тысяч от голода. Голод же был не столько из-за недостатка хлеба, сколько из-за отсутствия денег, так как казаки и татары отняли у них всё добро". Вот что сотворил Хмель со своими, с православными, которых якобы защищал. А в России из него сделали героя, и в Киеве ему памятник стоит. На самом же деле украинцы вполне могли бы вместе с евреями называть его, а заодно с ним Кривоноса, злодеем. И тоже прибавлять, говоря о нем: "Да сотрётся имя его". А вместо этого Хмельницкому памятники ставят, именем Кривоноса улицы называют!

- Лерер, - мягко прервал Забаву Саня, - мы же договорились: без политики.

Он повернулся к Штерну:

- Мы решили, чтобы без скандалов: говорим о политике, только начиная с районного центра. Вот станет Шаргород опять районным центром, тогда и поговорим. А пока забудем.

- Забудешь тут, - буркнул Гликман.

- Я понимаю, - сказал Забава, - нации нужны герои. Но почему их надо искать в прошлом? Да ещё приукрашивать? Наверняка появятся свои собственные. Обязательно появятся! И гораздо более бесспорные...

К счастью, вошла баба Энтя и позвала всех ужинать - "в залу". Ужин был простой: варёная картошка, жареные котлеты. Выпили ликёра. Понравился.

- Дааа... - похвалил Саня. - Красиво жить не запретишь...

- А плохо не заставишь, - отозвался Даль.

- Антон Михайлович, - обратился Штерн к Забаве, - может быть, вы знаете: мой отец и дед, тоже называли большую комнату в доме "залой". Но иногда говорили "штибл". Почему? Это одно и то же?

- Не совсем. Зала - это парадная комната, в ней только в праздники собирались, обычно туда даже не входили. А штиблом часто называли первую комнату в доме. Это могла быть и гостиная, но в которой работали ремесленники

победнее, если отдельного помещения для мастерской у них не было.

- Ремесленники победнее... А что, были богатые? - ехидно поинтересовался Гликман.

- Не богатые, просто побогаче других, - спокойно ответил Забава. - Вообще кустари-одиночки, как их стали называть в советское время, всегда находились в Шаргороде на низшей ступени социальной лестницы. Были "шейнеидн" - богатые евреи, образованные, факторы (маклеры), занимавшиеся оптовой торговлей зерном, древесиной, льном; были "балабусы" - владельцы небольших лавок или мастерских; и были "простеидн", то есть "просто евреи". Но и среди них существовала градация. Квалифицированные ремесленники - часовщики, например, или портные, которые шили дорогую одежду, считались, так сказать, высшим классом "простеидн" - "балмелохес", а сапожники, картузники, балагулы, водоносы и так далее - низшим классом. Причём эта социальная иерархия существовала в Шаргороде даже при советской власти. Чтобы какая-нибудь еврейская семья, владевшая хотя бы крошечной бакалейной лавочкой, выдала свою дочь за сапожника, портного или жестянщика - немыслимое дело. Только во второй половине XX века всё как-то нивелировалось. Ведь и частных лавочек уже не осталось, во всяком случае, легально; и кустарей, как минимум, в артель собрали.

Стемнело. Штерна клонило в сон. Он и так устал за день, а от выпитого ликёра его окончательно разморило.

Он встал:

- Извините, я пойду. Спасибо за интересный рассказ и за ужин, конечно.

- Заходите почаще. Просто чайку попить, - предложил Забава. - Ведь совсем рядом. Кстати, раскладушка вам не нужна? А то ведь, как я видел, на полу спите. Жестковато.

- Есть такое, - согласился Штерн. - С удовольствием возьму.

На следующий день, вечером, они снова собрались у Забавы. Штерна не было, и Гликман, что называется, с места в карьер, ринулся в атаку:

- Вот вы вчера сказали, что сокровища могли быть награблены у поляков в период Хмельничины. Речь шла о казаках, о татарах, которые Подолие разоряли. Но вы ни слова не сказали о гайдамаках. А в "Википедии" только о них и пишут.

Забава обрадовался вопросу, как радовался раньше, когда какой-нибудь въедливый ученик задавал ему на уроке вопрос сверх программы:

- Давайте о гайдамаках. Гайдамаки - это, между прочим, турецкое слово, означает "нападающие". Так в начале восемнадцатого века, то есть лет через пятьдесят после Хмельничины, стали называть движение украинских крестьян, к которому присоединились городские бедняки, мещане, часть казаков, молдаване, татары, а также разные босяки, привлеченные возможностью убивать и грабить. Главными врагами гайдамаков были польские шляхтичи, католические священники - и, как водится, евреи. Надо сказать, что поляки действительно угнетали украинских крестьян. Более того: шла жесткая полонизация, католическое духовенство активно миссионерствовало, православных всячески дискриминировали и старались обратить в свою веру. Евреев в религиозном смысле не трогали, но зато, в отличие от украинцев, им было запрещено работать на земле, и поэтому многие работали на поляков, действовали, так сказать, от их имени. Вот ненависть гайдамаков, которые считали евреев польскими ставленниками, обрушилась и на них. Еще страшнее обрушилась, потому что евреи были беззащитны.

Тут в дверь постучали. Пришёл Штерн. Все довольно бурно приветствовали его, хотя ликёра на этот раз он не принёс. Задвигали стульями, освобождая место.

Забава продолжал:

- Итак, в восемнадцатом веке, во второй трети его, отдельные бунты и разбойничьи набеги разномастных отрядов вылились в Подолье и Волыни в массовое движение гайдамаков. Центральная власть в Польше тогда заметно ослабла, шляхта делала, что хотела, своеволие воевод и старост "на местах" достигло жуткого уровня. Они все сильнее притесняли и православных, и евреев, душили их поборами и налогами. С особой силой гайдамачина вспыхнула в 1768 году. Этот период получил название Колиивщины. Военным предводителем Колиивщины был Максим Железняк, запорожский казак, то есть российский подданный. Вообще Запорожская Сечь официально не принимала участие в движении гайдамаков, но несколько запорожских казаков были предводителями гайдамацких отрядов. Железняк предьявлял так называемую "Золотую грамоту" императрицы Екатерины Второй, которая как бы узаконивала (говоря сегодняшним языком, легитимировала) его звер-

ства, разрешала, даже повелевала ему убивать поляков и евреев.

Забава достал с полки тетрадку с буквами "ГА" на корешке. «Гайдамачина», - догадался Штерн.

- Текст поддельной "Золотой грамоты" был такой: "Приказываем Максиму Железняку, полковнику и командующему в наших землях низового Запорожья... вступить в пределы Польши, чтобы вырезать и уничтожить, с помощью Божьей, всех поляков и жидов, хулителей нашей святой веры..."

Хотя грамота была, как я уже сказал, поддельная, но люди ей верили – хотели верить! И резали, громили, грабили, насильовали... Да еще забавлялись этим. В одном местечке повесили на воротах костёла еврея, ксендза и собаку с надписью: "Лях, жид и собака - вся вера однака", то есть одинакова. Самую страшную резню устроили в Умани, где на сторону гайдамаков перешел со своими казаками сотник Гонта, который должен был защищать город. Двадцать тысяч евреев и поляков, а, может быть, и больше, погибли в Уманской резне.

Саня перебил его:

- Но почему же они не защищались?! Почему давали себя безропотно убивать?

- Защищались, - возразил Забава. - Хотя не часто. Что могли сделать беззащитные евреи, которым запрещалось иметь оружие, против отрядов гайдамаков с их пушками и ружьями? Но в летописях всё же приводятся примеры еврейского сопротивления. В той же Умани евреям раздали ружья, и они какое-то время отбивались от гайдамаков. Известны даже некоторые имена. Один из героев - наш земляк Лейб Шаргородский. В летописях сказано, что он выхватил саблю у одного из нападавших и убил двадцать врагов, пока не погиб сам.

Забава закрыл тетрадку:

- Надо сказать, что Шаргороду в гайдамачину повезло больше других еврейских местечек Подолья: здесь была хорошо укрепленная крепость и - в отличие от времен Хмельничины - сильный гарнизон графа Браницкого. Поляки, в конце концов, обратились за помощью к нему. Браницкий собрал войско, ядро которого составил шаргородский гарнизон, и окончательно разбил гайдамаков. Железняку выдали России, его заковали в кандалы, били батогами и отправили на каторгу в Нерчинск. А Гонту провезли в же-

лезной клетке через Шаргород. Гетман Браницкий сам его судил. С Гонты - живого - содрали кожу и четвертовали.

Забава взял с полки еще одну тетрадь.

- Тут я, кстати, собрал кое-что про шаргородскую крепость. Турецкий путешественник Эвлей Челеби в своей десяти томной "Книге путешествий" так описывал её ещё в семнадцатом веке: "В крепости много дальнобойных пушек и богатый арсенал. Она окружена наполненным водой топким рвом".

Забава перевернул страницу.

- Есть ещё одно описание крепости примерно тех же лет. Его сделал побывавший в наших краях дипломат Ульрих фон Вердум. Его путевые заметки впервые вышли в конце семнадцатого века на немецком языке. Он пишет: "Крепость защищена каменной стеной с четырьмя деревянными башнями по углам. С внутренней от города стороны нет рва, а стены, обращенные в сторону полей, защищены рвом и деревянным частоколом". Кстати! - Забава поднял глаза от тетради. - Не знаю, обратили ли вы на это внимание, но развалины одной из крепостных башен, конечно, не деревянной уже, а каменной, сохранились. Они буквально в двух шагах отсюда. Как и то, что осталось от замка.

- А что это за тетрадки с красными наклейками на корешках? – поинтересовался Гликман. - Вот там, в уголочке. Вы нам, кажется, еще ничего из них не зачитывали. В них что-то особенное? Самая ценная информация?

- Наоборот. Там я собрал сведения, не поддающиеся проверке и, возможно, сомнительные.

- Ну-ка, ну-ка, - заинтересовался Гликман. - Например?

Забава взял одну из тетрадок с красной наклейкой:

- Например. В Шаргороде якобы побывал в 1711 году и рассказал об этом участник Прутского похода Петра Первого против турок, французский полковник, граф Моро де Бразе. Он писал: "Город был некогда обширен и имел знатную торговлю. Но во времена войн Польши с Портою турки всё опустошили". Конец цитаты. Знаете, где я это прочитал? У Пушкина. Фрагмент из мемуаров де Бразе Александр Сергеевич включил в свою "Историю Петра Первого". Де Бразе заехал в Шаргород, потому что русские разбили здесь большой военный лагерь после окончания кампании, и даже ждали царя Петра. Но Пётр в Шаргород, к сожалению, не заехал.

Однако с записками Моро де Бразе такая история. Они известны нам по переводу, который сделал с французского

Пушкин. Пушкин верил полковнику безоговорочно, считая его записки важным историческим источником. Но! - Забава поднял вверх указательный палец. - В перечне высших офицеров-участников похода Моро де Бразе почему-то нет. И это ещё не всё. Де Бразе пишет, среди прочего, что его супруга состояла при принцессе Шарлотте, жене царевича Алексея. Однако в придворных списках она не значится.

- А что ещё? - жадно спросил Гликман.

- Удовлетворю ваше любопытство, - с иронией ответил Забава и слегка поклонился Гликману. - Во второй половине семнадцатого века, после страшных погромов, в которых погибли десятки тысяч евреев, Подолье было совершенно разорено. Оставшиеся в живых евреи мечтали о чуде, о приходе мессии, ведь особенно страшные бедствия, как учит Талмуд, ожидаются как раз перед этим. Поэтому очень многие последовали тогда за Шабтаем Цви - евреем из Турции, который провозгласил себя мессией. Экзальтированный мистик, возможно, не совсем нормальный, он призывал евреев готовиться к скорому возвращению в Землю Обетованную. Не только измученные польские евреи, но даже евреи в Англии и в Германии поверили тому, что он освободит страну Израиля от турецкого ига. Однако турецкий султан Палестину ему, конечно, не отдал, а повелел казнить, если тот не обратится в ислам. Что Шабтай Цви и сделал. Самое невероятное, что и после перехода в ислам у него оставались последователи среди евреев - саббатянцы. Этим решил воспользоваться другой лже-мессия, авантюрист Яков Франк. Сам родом из Подолья, он провозгласил себя пророком и вербовал здесь сторонников. Устраивал дикие оргии со своими сектантами. И вот в 1769 году появился памфлет "Ужасные события в Подолье" - свидетельство шаргородского раввина Абрахама, который якобы был очевидцем пребывания Франка в Шаргороде. Абрахам рассказал о том, что Яков Франк и его сторонники - мужчины и женщины - танцевали полуголые в доме некоего реба Хаима, тайного саббатянца, что Франк вызывал души мертвых, летал по воздуху, а потом сдвинул с места гигантский валун на рыночной площади, бросил его в реку, и тот поплыл...

Забава обвёл взглядом слушателей и скептически усмехнулся.

- При всём уважении к раву Абрахаму: это мало похоже на правду. Ну, кроме, может, танцев в полуголом виде. Такая вот деталь: Абрахам называет реку, в которой плавал

брошенный Франком валун, Днестром. А Днестр в Шаргороде не протекает. Поэтому я и поместил эту историю в красную тетрадь.

- Читал я про Франка, - вмешался Саня. - Считается, что он был очень богатым человеком, потому что ему дарили деньги и драгоценности. Может, он часть своих сокровищ спрятал где-то здесь? - Саня украдкой посмотрел на Штерна.

- Маловероятно, - ответил Забава. - Какие у евреев были тогда сокровища, какие ценности? Нищета.

Штерн на вопрос Сани никак не прореагировал. Он думал о другом - и сказал об этом вслух:

- Какая у Шаргорода богатая история... Невероятно. Я вообще ничего этого не знал. И сколько известных людей здесь побывало!..

Забава подхватил, явно польщенный:

- И не только побывало. Многие здесь жили. В шаргородской бурсе, например, учился Михайло Коцюбинский, будущий классик украинской литературы; его отец в бурсе преподавал. Отца Коцюбинского, который боролся со взяточничеством и всегда, что называется, резал правду-матку в глаза начальству, постоянно куда-то переводили. Загнали и в Шаргород. Ту же бурсу, в которой учился Коцюбинский, за несколько лет до него закончил украинский поэт Степан Руданский, писавший едкие, злые сатирические стихи - "спивомовки". Писал он их по-украински, а за это даже наказывали: слушателям духовного учебного заведения должно было общаться по-русски, в крайнем случае по-польски, но не "по-мужичьи", как выражалось начальство. Мне лично баллады Руданского нравятся намного больше его "спивомовок". А песня "Повій, вітре, на Україну, де покинув я дівчину" вообще стала народной.

Шаргород, как видите, знаменит не только евреями, но и украинцами. Хотя известных евреев больше - просто потому, что это было еврейское местечко. Даже в советское время до 70 процентов населения Шаргорода составляли евреи. А уж раньше, в семнадцатом, восемнадцатом, девятнадцатом веках!..

Много лет пост общинного раввина в Шаргороде занимал один из самых знаменитых хасидов, можно сказать, первый ученик основателя хасидского движения Баал-Шем-Това - Бешта. Бешт никакого письменного наследия после себя не оставил, и его учение мы знаем из книги этого самого шаргородского раввина - Якова Йосефа га-Когена.

Книга "Толдот Яков Йосеф" ("Повествование Якова Йосефа") вышла впервые в 1780 году и представляет собой своеобразный комментарий к Пятикнижию Моисееву. Комментарий, основанный на изречениях и поучениях Бешта, которые Яков Йосеф записывал при его жизни. Каждое такое упоминание он начинает словами: "Слышал я от учителя моего", - и повторяет это почти двести пятьдесят раз!

Надеюсь, вам будет интересно, почему ортодоксальный шаргородский раввин Яков Йосеф, аскет, целыми днями изучавший священные книги, редко улыбающийся человек с крутым характером (это отмечают многие историки) стал вдруг горячим сторонником Бешта, для которого изучение Торы было вовсе не главным. Главной в служении Богу была для хасидов радость. Существует такая легенда. Как-то летом, рано утром, Бешт приехал в Шаргород и прямо с подводы стал рассказывать первому встречному одну из своих знаменитых историй - увлекательных и поучительных. Потом подошли другие и тоже стали слушать его байки и притчи. Даже шамес - синагогальный служка, который как раз шёл открывать синагогу для утренней молитвы, остановился и заслушался. Яков Йосеф, придя к синагоге и увидев, что она ещё закрыта, ужасно рассердился. Тут прибежал спохватившийся шамес. "А где все?" - спросил его раввин. Шамес рассказал, что приехал проповедник, и все евреи собрались вокруг него.

В Шаргород, как и в другие еврейские местечки Подолья, часто приезжали бродячие проповедники - магидаы. Продавали амулеты, лечебную траву, всякие "безотказные" снадобья, снимали сглаз... А главное: разговаривали с людьми, терпеливо выслушивали их, и те делились с магидаами своими бедами и заботами. К этим "мелким ребе", как их ещё называли, приходили, в основном, женщины. Но чтобы вся община сбежалась...

Раввин послал служку за Бештом. Яков Йосеф, тогда - непримиримый противник хасидов, встретил Бешта неласково. Но послушал несколько историй, которые Бешт рассказал, и стал менять своё к нему отношение.

Бешт вернулся к себе в Меджибож. А через какое-то время пришел к Якову Йосефу мелкий шаргородский торговец, который пожаловался на то, что дела у него идут неважно, и попросил благословить: вдруг поможет. "Избавься от грехов, - сурово наставлял его Яков Йосеф, - и Господь поможет тебе". Торговец обиделся: "Вы, ребе, даже не знаете, согрешил ли я, но уже упрекаете: избавься от грехов. А

вот я был однажды, когда действительно согрешил, у Бешта, и тот не укорял меня моими грехами, а благословил". Тогда Яков Йосеф, поразмыслив, решил сам поехать к Бешту в Меджибож. Долго говорили они. Бешт пытался убедить Якова Йосефа в том, что приблизиться к Богу можно не только изнуряя себя изучением Торы, но и в радости постигая мир; пытался объяснить, что Всевышний проявляется во всём... Яков Йосеф не верил ему. На прощанье Бешт обнял его и сказал: "Подумай над моими словами. Ты можешь принять их, но не хочешь".

Согласно хасидским преданиям, когда Яков Йосеф отправился домой, в Шаргород, он встретил по дороге крестьянина, который пытался вытащить свою подводу, завязшую в осенней грязи. "Еврей, помоги мне!" - попросил тот. "Не могу я тебе помочь, - ответил Яков Йосеф. - Я слишком слаб". "Ты можешь, еврей, - сказал крестьянин. - Но ты не хочешь..." Шаргородский раввин был потрясён. Он помог крестьянину вытащить подводу и стал с тех пор убеждённым сторонником Бешта.

За что и поплатился. Шаргородской общиной управлял тогда откупщик городского налога, которого раввин не раз стыдил за жадность, за отсутствие милосердия и снисхождения к бедным: откупщик сдирал "чинш" - налог на землю и дом, который платили владельцу местечка, - что называется, с живого и мёртвого. Откупщик наговорил на раввина управляющему Шаргородом, убедил также общину, и Якова Йосефа изгнали из штетла. Наверное, всё-таки не только из-за того, что тот стал последователем Бешта. Шаргородский раввин многих настроил против себя: суровый был человек, нетерпимый к человеческим слабостям, громы и молнии метал в синагоге.

В общем, Якова Йосефа изгнали из Шаргорода. Да не просто изгнали: его пожитки побросали в повозку, которая обычно использовалась для вывоза мусора, и отправили со всей семьёй под стражей в соседнее село, - причём в канун субботы, так что он не мог встретить шабат, как полагается правоверному еврею. Тогда Яков Йосеф взошёл на холм, откуда был виден Шаргород и костёр на площади около синагоги, в котором сжигали его рукописи и письма, и проклял город. "Гори ты сам синим пламенем!" - пожелал ему раввин. Говорят, что буквально через несколько дней в Шаргороде вспыхнул большой пожар, а в семье откупщика стали рождаться калеки.

Этот Яков Йосеф, на которого противники хасидизма миснагеды наложили тогда проклятие - херем, и его "Толдот" - книга, которую миснагеды потом специально собирали по общинам и сжигали на кострах, - почитаются хасидами и по сей день.

- Евреи сжигали книги?! - не поверил Гликман.

- К сожалению, да. Было и такое. Миснагеды боролись с хасидизмом долго и яростно. Они считали хасидов еретической сектой. Но позже оказались перед лицом общего врага - гаскалы, еврейского просвещения, когда их дети вообще стали отходить от веры. И выяснилось, что различий между хасидами и миснагедами не так уж много. Раскол ослабило и то, что хасиды, меняясь, стали серьезнее изучать Талмуд, а многим ортодоксам полюбились хасидские песни и их культ радости в служении Богу.

В восемнадцатом веке ставшего хасидом Якова Йосефа изгнали из Шаргорода, а в девятнадцатом уже большинство шаргородских евреев были хасидами, и общину возглавлял хасидский раввин Ханох Крупник. Он, между прочим, симпатизировал сионистам, а его внук Барух Кару-Крупник стал позже в Израиле известным переводчиком и языковедом. Внук перевёл на иврит, среди прочего, "Записки Пиквикского клуба" Диккенса, составил первую энциклопедию израильской литературы...

Забава посмотрел на часы, висевшие на стене, и закрыл тетрадь:

- На сегодня всё. Боюсь, что многовато дат и имен. Хотите, покажу вам Шаргород?

- Очень хочу. Только давайте после обеда, с утра я хочу в саду поработать.

- Конечно, конечно! Заходите, когда будете готовы.

Утро Штерна прошло, как обычно: завтрак в кафе, война с ежевикой и корнями, - и опять ничего не было найдено. Работа шла медленно. Болели плечи, поясница. Кроме того, несмотря на перчатки, Штерн за несколько дней натер себе мозоли на ладонях, и ранки не заживали. Он сходил к колонке недалеко от дома, чтобы промыть их холодной и чистой водой, но это ничего не дало.

В общем, Штерн решил сразу идти к Лереру.

- Я хотел у вас спросить, - замаялся Штерн, когда они оказались на улице. - Антон Михайлович, вы ведь сами не еврей, а столько знаете о евреях, на идише говорите, историей еврейского Шаргорода занимаетесь... Ну, хорошо, у вас жена еврейка, но ведь только этим не объяснишь...

- Нет, только этим не объяснишь, - согласился Забава. - История Шаргорода, которой я занимаюсь, - это и история евреев Шаргорода, а шаргородская жизнь - это еврейская жизнь. Я застал ещё то время, когда весь город и окрестные сёла говорили на идише, ну, хотя бы немного. На еврейских свадьбах гулял весь Шаргород. А клезмеров Семёна Флейшмана всегда приглашали на украинские свадьбы. На Песах евреи угощали соседей-украинцев лейкехом, кнейдлихами - клёцками из мацы, а те потом на православную Пасху приносили куличи и крашеные яйца... Сегодня еврейской жизни в Шаргороде нет, потому что и евреев нет - ну, или почти нет. Знаете, кто-то сказал: у нас евреи не умирают. Но не потому что бессмертны, а потому что их уже нет. Все уехали. Такой вот чёрный юмор. И кто же расскажет об этой исчезнувшей еврейской жизни? Выходит, кроме меня, некому. И потом: я-то сам, конечно, гой, но дочери мои - еврейки по еврейскому закону, и внучки тоже, потому что это считается по женской линии, а бабушка и мама у них еврейки.

Они остановились у синагоги.

- Уникальная синагога, - сказал Забава. - Крепостного типа. Стены - два метра толщиной, бойницы, башни, контрфорсы. В мире, кажется, только еще одна такая сохранилась, в Испании. А у нас...

Он с досадой махнул рукой.

- В энциклопедическом словаре советских времен, который вышел в Киеве, кажется, в 1987 году, синагога даже не упоминается. В статье о Шаргороде в качестве достопримечательностей перечисляются маслозавод, комбинат бытового обслуживания и, через запятую, - "культурні споруди", культовые сооружения. И всё. Даже слов таких - синагога, костёл, монастырь - там нет. Синагогу коммунисты закрыли ещё в начале тридцатых годов. И вот что парадоксально: в гетто в годы оккупации (Шаргород был во время войны под румынами, союзниками немцев) синагога снова начала действовать! Но потом пришли освободители, Красная армия, и синагогу опять закрыли. Устроили в ней сокоморсовый завод.

- А почему она построена так странно? Как будто в яме?

- Очень интересный вопрос! - оживился Забава. - Когда гетман Замойский разрешил евреям строить большую синагогу, даже, возможно, помог деньгами (еврейская община одна такую мощь и красу не потянула бы), он поставил условие: синагога не должна быть выше его замка. И что

сделали умные евреи? Они срыли часть холма на берегу реки, и вот в этой котловине или яме, как вы выражаетесь, построили синагогу. Поразительно, правда? Мы туда зайдём, если наши ваадовцы пустят.

Гликман и Даль у открытой двери разговаривали с каким-то бомжеватого вида стариком.

- Это Хилик Пограничный, сторож синагоги, - пояснил Забава. - Своеобразный тип. Еврей-пьяница.

Хилик был явно "под мухой".

- Хилик, - укоризненно сказал вместо приветствия Забава, - что же ты всё пьёшь?

- Вкусно, - ответил Хилик. И обратился к Штерну, неестественно чётко выговаривая слова:

- Господин голландец, не желаете ли осмотреть уникальную шаргородскую синагогу? Пятьдесят гривен.

- Ты что, совсем с ума сошёл?! - возмутился Забава. - Раньше двадцать брал.

- Так товарищ-то с Голландии, - серьёзно объяснил Хилик. - По их уровню и цены.

- У них денег куры не клюют, а у нас на водку не хватает, - насмешливо пропел Даль.

- Не мни стакан, - отпарировал Хилик.

Штерна позабавила его логика, он дал Хилику пятьдесят гривен, и они вошли в синагогу.

- О синагоге вам буду рассказывать я, - в огромном пустом зале Даль вдруг заговорил нормальным языком. - Синагога являлась одним из фортификационных сооружений Шаргорода, защищая его с юго-востока. Толстые, прочные стены, углубленные проёмы окон, больше напоминающие бойницы, волнистый абрис крыши и четыре башни по углам позволяли оптимальным образом обороняться от врага. Синагога играла роль барбакана - форта, вынесенного за границу крепости, - и должна была встречать нападающих на подступах к ней. Кстати, над входом, там, где в советское время была красная звезда, до революции, как видно на старых фотографиях, находились скрижали Завета, увенчанные шестиконечной "звездой Давида", и двуглавый орёл.

- А внутри, - Даль обвел руками зал, - синагога была не менее величественной. Размеры молельного зала - пятнадцать на пятнадцать метров, высота изначально составляла двадцать метров. Бетонное перекрытие для второго этажа сделали, изуродовав синагогу, уже в советские времена. Вы только подумайте: двадцать метров! Высота ше-

стиэтажного дома! И при этом в молельном зале всегда было светло: днём лился свет через высокие окна, а, когда становилось темно, зажигали свечи в девяти массивных бронзовых светильниках, свисавших с потолка на толстых цепях.

Внук шаргородского раввина Крупника, писатель Барух Кару, оставил описание внутреннего убранства синагоги, Вместе с фотографиями архитектора Ивана Жолтовского 1930 года, оно помогло нам сделать компьютерную реконструкцию. На восточной стороне был арон-кодеш - шкаф, где хранились свитки Торы. Видите ниши, одна над другой? Там он как раз находился - резной, из белого камня, с орнаментами и изображением семисвечника, с пилястрами по бокам... Дверцы арон-кодеша были сделаны из цельных деревянных плит и украшены резьбой. К нему вела мраморная лестница.

В центре молельного зала стояла бима - возвышение, с которого читали Тору и пел кантор. Полукруглый цоколь, резные перила лестниц, ведущих на биму слева и справа, - на старых фотографиях видно, какая это была красота! Купол над бимой опирался на четыре массивных столба, вот они, сохранились. Сохранились, как вы видите, и фрагменты декоративной лепнины на них.

Слева от входа в молельный зал стояла на деревянном подиуме бронзовая менора трёхметровой высоты. На другой стороне - амуд, высокий стол или что-то вроде большого пюпитра для молитв. Русское название - аналой. Амуд был украшен барельефом со львами и надписью: "Пред Тобой стою я, Бог".

Женщины, как вы, наверное, знаете, молились в синагоге отдельно. Вайбер-шил или мехица, то есть место для женщин, представляло собой галерею, которая тянулась вдоль всей западной стены молельного зала. Её варвары-виноделы сломали. Галереи давно нет, лестницы, которая на неё вела, тоже, но есть другая, внутри стены, по ней мы поднимемся на крышу.

Гуськом, мимо оставшейся со времен сокоморского завода таблички на стене "Без противогаса в ёмкость не влезать!", все потянулись за Далем. Только Хилик остался внизу.

У Штерна захватило дух, когда он, осторожно пройдя по крутому скату покрытой оцинкованным железом крыши, подошел к её волнистому гребню и увидел раскинувшийся перед ним Шаргород. Зелёный, тёплый город, черепичные

крыши, труба построенного ещё поляками и закрывшегося в перестроечные времена сахарного завода, шпиль костёла св. Флориана; напротив - сияющие на солнце так, что было больно глазам, серебряные купола монастыря...

С другой стороны синагоги - река, почти невидимая из-за ив и лозняка по берегам, как не видны были и дети, плескавшиеся в воде; слышались только их крики и визг. Штерн мальчишкой проводил на речке целый день, прибегая домой только для того, чтобы жадно выпить прохладной воды, зачерпнув её железной кружкой из стоявшего в прихожей ведра, схватить кусок хлеба, помидор (помидоры срывали полужелёными и раскладывали в полутёмной прихожей на широких деревянных полках, покрытых газетой, где они "доходили"), и снова убежать на речку. Речка Ковбасна летом мелела, воды в ней оставалось по пояс, не больше, и дети из неё не вылезали. Особым шиком считалось залезть на толстую ветку старой ивы, нависавшую над водой, и прыгнуть с неё вниз. Штерн долго не решался, впервые прыгнул только лет в десять.

Дети расходились, когда уже начинало темнеть. Штерн прибежал домой мокрый, посиневший, дрожащий от холода, и отец обливал его изумительно тёплой дождевой водой из стоявшей целый день на солнце бочки, а потом больно растирал полотенцем. Голод после такого дня у него был просто зверский, и мать постоянно дёргала его за ужином:

- Не глотай, как удав; жуй как следует...

- Осторожней, - раздался сзади голос Гликмана, - можно поскользнуться, опасно.

- А восстановить всё это реально? - спросил Штерн.

- Этот вопрос мы тут как раз и изучаем, - ответил Гликман, но особого оптимизма в его голосе не было.

- Красивые места, - сказал Штерн. - Душой отдыхаешь.

- Отдыхать-то здесь есть где. Работать только негде, - мрачно ответил Гликман.

Они спустились вниз. Когда вышли из синагоги, Гликман упрекнул Даля:

- Ну, ведь можешь же ты человеческим языком говорить! Что ты прячешься за чужие слова? Почему не говоришь своими?!

- Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется, - развёл руками Даль.

Гликман сплюнул с досады.

«На мой век дураков хватит...»

Поезд прибыл на перрон одесского вокзала точно по расписанию, в семь сорок. У Григория в этом городе не было не только квартиры, где деньги лежат, и ключа от неё, но даже знакомых. Однако он не сомневался, что со временем сможет всего добиться. С людьми, которые «много об себе понимают», как любила говорить соседка тётя Роза, он давно научился общаться и убедился, что они «понимают об себе» иногда слишком много, и этим можно с успехом пользоваться.

В кармане лежал листок с адресом родственников тётя Розы – так, пятая вода на киселе, как она говорила. А что делать? С чего-то же надо начинать...

Вот и этот дом на приличной улице, в квартале от оперного театра, о котором Григорий слышал, что он лучший в мире. Щас!.. Если верить тётя Розе, одесситы всё преувеличивают, их слова надо «делить на шешнацать, а то и больше».

«Пока мне не до театра, надо как-то зацепиться, потом пойдёт, – подумал он. – Если те люди такие же солидные, как этот дом, с ними имеет смысл пообщаться».

А это он умел, проверено не один раз.

Прежде чем позвонить, достал листок, обновил в памяти имена-отчества. Изобразил почтительную вежливость и позвонил. Дверь открыл молодой парень.

– Борис Семёнович здесь проживает? Я от его родственницы из Могилёва.

– Живёт здесь, но его нет дома. А в чём дело? Может, я могу помочь? Но я тороплюсь на занятия.

– Где учишься?

– В техникуме.

– Годится, пошли. Кстати, я Григорий. А ты?

– Семён.

– Ну, вот и познакомились.

В приёмной директора техникума сидела секретарша – так, ничего особенного, не первой молодости, наверняка тоже не из столиц, вниманием явно не избалована, но строит из себя... Однако на комплименты клюнула, с треть-

его захода растаяла и, поупивавшись, домашний адрес директора дала.

Директор, сидя в халате, завтракал.

«Из “бывших”, – подумал Григорий, – будет побаиваться. Главное – выдержать стиль и не перегнуть палку, войти в доверие».

Беседа потекла неспешно, по-накатанному. Через несколько минут Григорий ненавязчиво подтолкнул директора к рассказу о проблемах техникума, предложил варианты их решения и своё в этом участие:

– Нужно расположить к себе учком, убедить их. Сейчас от самоуправления зависит всё. Назначьте общее собрание, я выступлю. Дальнейшее беру на себя. Но для этого, как вы понимаете, я должен стать студентом.

– А как же это?.. – неуверенно сказал директор. – Занятия идут уже почти два месяца... Что скажет завуч? Ведь есть, знаете ли, инструкция...

– Не берите в голову эти мелочи, главное – решить проблему. А я её решу!

На общем собрании новоиспеченный студент выступил с пламенной речью, обозначил новые задачи, соблазнительно приблизил далёкие горизонты: «Вы понимаете, о чём я?» – и почти у всех загорелись глаза. Григорий настолько покорила аудиторию, что тут же был избран председателем учкома.

Такими пустяками, как посещение занятий, он себя не отягощал и занимался исключительно теми далёкими горизонтами. Их уже почти можно было потрогать, а то, что руки пока не дотягивались – так это временные трудности, осталось совсем чуть-чуть, преодолеем. Ну, как-то так...

В те годы именно студенты решали, как оценивать работу преподавателей, и в этом важную роль играл учком – пайки, талоны, а при неблагоприятной оценке, не дай Бог, и работу можно было потерять.

Неизвестно, чем бы это всё закончилось, и не захлестнули бы приблизившиеся прекрасные горизонты скучную реальность, но вскоре у Григория появились другие интересы. Он почувствовал себя уверенно и перестал появляться в техникуме.

Прошло время. На исходе тёплого дня в конце мая Семён, гулявший с друзьями по Дерибасовской, встретил Григория, ведущего под руки двух расфуфыренных девиц. Радостно воскликнув «Сеня!!», он энергично и широко раскинул для объятия руки, девицы разлетелись в разные сторо-

ны, и об их существовании Гриша больше не вспоминал. Он пригласил всех в «Гамбринус», не желая слушать их робкие попытки отговориться отсутствием времени, а на самом деле – денег.

– Возражения не принимаются. Я угощаю!

Поравнявшись с Городским садом, они ощутили пряное благоухание белой акации.

– Какой замечательный запах! – сказал Григорий. – У нас в Могилёве такого нет. Я давно хотел спросить – что это так пахнет?

– Это наша белая акация. Её привёз в Одессу из Вены сам Дюк!

– Это который на бульваре стоит?

– Тот самый – Арман-Эммануэль дю Плесси герцог де Ришелье, если полностью, – гордо сказал Семён. – В Одессе его больше ста лет почитают, как отца родного. Ладно, что это мы о цветочках, как нежные барышни? Куда пропал, Гриша, чем занимаешься?

– Я организовал и возглавил профсоюз трубочистов, – небрежно ответил Григорий. – Работы много, времени совершенно не хватает. Закуривайте, ребята, прошу! – и непринуждённо достал из внутреннего кармана модного пиджака массивный золотой портсигар, как бы случайно демонстрируя гравировку на его крышке: «Дорогому председателю от благодарных трубочистов».

В знаменитом «Гамбринусе» Григорий щедро делал для всех заказы. Бокалы наполнялись снова и снова, инициатора застолья в тостах не забывали, он скромно улыбался, музыка играла, время летело незаметно.

– Жаль, наличные закончились, – вдруг сказал Гриша. – Ну, ничего. Вы, ребята, сидите, а мы с Сеней ненадолго сходим в одно место, решим вопрос.

Был уже близко к полуночи. Они вошли в полутёмное парадное солидного дома на Соборной площади. Оставив Семёна на междуэтажной площадке, Григорий поднялся и позвонил в одну из квартир.

После нескольких настойчивых звонков дверь открылась, и Семён услышал тихий разговор:

– Григорий Ефимович, это вы? Что случилось? Ведь уже ночь!

– Ситуация не терпит отлагательств. Завтра финотдел нагрянет к вам с проверкой. Есть мнение всё конфисковать, ваше дело прикрыть, а вас посадить. Если утром не решить

вопрос... Ну, вы понимаете... То потом я уже ничего сделать не смогу.

– Григорий Ефимович, вы мой благодетель. Сколько нужно дать? – Семён услышал шёпот с вопросительной интонацией, – Так будет достаточно?

– Ну, не знаю, не знаю... Вы сами должны оценить – люди рискуют... Может быть, и хватит, но не гарантирую... Решайте сами....

За дверь послышался встревоженный женский голос, и нэпман тихо сказал:

– Циленька, солнышко, это наш спаситель Григорий Ефимович. Быстренько принеси деньги! Какое счастье, что у нас есть такой человек! Что бы мы делали без вас?... Дай вам Бог здоровья!

Спустя несколько минут невысокий толстяк в халате вышел на площадку, произнеся: «Что вы, что вы, через порог нельзя...», и что-то передал Григорию. Когда дверь за ним закрылась, и Гриша спустился на площадку, Семён осторожно спросил:

– Значит, ты сейчас работаешь в финотделе?

– Не забивай себе голову глупостями, – рассмеялся Григорий, – я похож на счетовода? Пошли, будем продолжать.

На «продолжать» им вполне хватило до закрытия «Гамбринуса»...

Однажды они снова встретились на Дерибасовской. Завернули за угол и небольшой компанией зашли в кафе Фанкони. Григорий поспорил на приличную сумму, заявив, что выпьет подряд десять стаканов чаю с лимоном. Ударили по рукам.

Попросив у буфетчика пустой чайный стакан и несколько лимонов, Гриша выбрал один из них, входивший в стакан плотно, а над лимоном почти не оставалось свободного места. Потом налил чай почти до верха стакана и выпил, сделав так десять раз. В ответ на протесты участников спора невозмутимо сказал:

– Я выпил десять стаканов чаю с лимоном? Выпил. В чём проблема? Попрошу мой выигрыш.

Время от времени Григорий неожиданно появлялся в квартире родителей Семёна, шокируя их рассказами о необычных историях из своей жизни и явно получая от этого удовольствие. В один из вечеров, удобно расположившись в кресле, он с довольной улыбкой сказал:

– Между прочим, я теперь уполномоченный по подписке на газеты и журналы одного из крупных московских издательств.

Из его недоговорок было ясно, что значительная часть полученных денег оседает в Гришиных карманах. Борис Семёнович пытался предостеречь («Ведь могут быть неприятности!»), но Григорий, улыбнувшись, отмахнулся:

– Не берите в голову, сейчас такое время.

Довольно долго он не появлялся, а при следующем посещении сказал:

– Одесский климат стал мне вреден, я уезжаю.

– Куда?

– На мой век дураков хватит.

Потом к Борису Семёновичу приходили из «органов», спрашивали о Григории и его возможном местопребывании. В ответ на вопросы сказали, что тот объявлен во всесоюзный розыск.

А через несколько лет знакомые Бориса Семёновича случайно увидели Григория в Умани, где тот работал (естественно, под другой фамилией)... заместителем начальника уголовного розыска!

И как вам это? Блеск, не так ли? Он вполне мог стать одним из прототипов Остапа Бендера – Илья Файнзильбер в те годы работал в Одессе.

Ведь и вправду – «на его век дураков хватало»!

Впрочем, не только на тот его век – и во все другие времена их всегда и всюду было предостаточно. А как бы иначе процветали ловкачи?

Сорок пять минут одиночества

Заметки из походного блокнота

И.З. посвящается

*"Когда-нибудь мы вспомним это,
И не поверится самим..."*

Булат Окуджава

Информация.

20:00 Вы слушаете радиостанцию "Мир и прогресс" из Москвы на иврите. Последние известия. В Ливане продолжают бесчинства израильских оккупантов. Агрессоры разрушают дома мирных крестьян, жгут мусульманские и христианские святыни. Самолёты оккупационных войск бомбят мирные ливанские деревни. Вместе с тем растёт сопротивление всех прогрессивных сил Ливана. Совместно с армией Ливана они дают решительный отпор сионистам. Так, на последней неделе, после тяжелых боев с большими потерями, израильская армия вынуждена была оставить город Сидон и отступить вглубь южного Ливана.

Афганистан. В Афганистане широко отмечается седьмая годовщина революции. Трудящиеся Афганистана с радостью вышли на демонстрацию... По просьбе законного правительства Афганистана советские войска продолжают оставаться...

Информация.

20:30. Добрый вечер, дорогие товарищи. В эфире "Маяк". Последние известия. В Ливане продолжают бесчинства израильских оккупантов. Агрессоры разрушают дома мирных...

В Афганистане широко отмечается седьмая годовщина... Трудящиеся с энтузиазмом вышли на демонстрацию...

Информация.

21:00. Радиостанция "Голос Ливана". Продолжается наступление сил палестинцев и мусульман на христианские деревни близ Сидона. Дома христиан сжигаются, жители, не успевшие эвакуироваться, подвергаются насилию. Оскверняются христианские церкви. Ливанское правительство и армия бездействуют. Тысячи беженцев находятся на

дорогах к Джебзину и Марджаюну. Папа римский обратился с призывом...

Информация.

22:00. Вы слушаете "Голос Израиля" из Иерусалима. Добрый вечер. Последние новости. В Ливане продолжают тяжёлые бои между силами палестинских террористов и мусульманских милиций с подразделением христиан. Многочисленные беженцы из района боёв сообщают о зверствах палестинцев в захваченных деревнях. Ливанское правительство заняло выжидательную позицию и не дало приказа армии вмешаться в новое кровопролитие. Папа римский...

Наша армия закончила передислокацию войск в Южном Ливане перед окончательным выводом наших войск в соответствии с решением правительства.

В Афганистане отмечается седьмая годовщина переворота. Советские ВВС сегодня утром бомбили горные деревни близ границы с Пакистаном, с целью предотвратить вылазки афганских повстанцев...

Прохладно. Ночь без луны. Все звёзды как на ладони. Тихо. Море мешает вслушиваться в тишину. Иной раз большая волна набегаёт косо на каменистый берег, и звук получается долгим, нарастающим, нервным. В зарослях напротив поста хрустнула ветка, то ли под ногой врага, то ли апельсин упал. Вокруг лагеря - заброшенные банановые и апельсиновые плантации.

Последние ночи мы в этом проклятом Богом месте. Ещё немного, и наше подразделение оставит Ливан. Домой, домой...

Снова шорохи... Пальнуть, что ли? Предупреждаешь ребят на соседних постах, и - так-так-так, короткими очередями в темноту. Кажется, с раскалёнными пулями улетучивается и твоя напряженность. Может, и нет никого, но лучше пусть знают - ты не спишь. Последние дни перед нашим отходом террористы осмелели, хотя здесь, на заставе у моста Касмие через реку Литани, они приручены... Увы, после потерь с нашей стороны.

По еврейскому календарю месяц ияр. Этот календарь поправляется добавлением месяца каждые семь лет, а каждые девятнадцать лет все дни и даты совпадают с точностью.

Тихо. Ты бодр. В Ай-Ти-Ти, бинокль ночного видения, ни черта не видно. Ни в зарослях, ни на дороге, ведущей к Литани. Зато видны звёзды. О, сколько их в чёрной бездне! Большая Медведица, Стрелец и Кассиопея кажутся ярче и как будто ближе. Где-то там есть жизнь... точно, как у нас. И ты...

Который час? Ещё сорок пять минут до смены. Ты, наверное, уже спишь. А может, ещё у телевизора. Или снимаешь краску с глаз, устало кладёшь крем на кожу лица. Ты перед зеркалом в спальне в нежно-розовом пеньюаре...

Был трудный день? Кто звонил? Все, кроме него? Но он не может позвонить сейчас, нет телефона. Он скоро вернётся, ты увидишь. Все возвращаются...

Хруст в зарослях. Кто-то там бродит. Отчётливы шаги. Луны нет, в тёмную ночь и Ай-Ти-Ти не очень помогает. Затекла нога, палец на спусковом крючке...

Опять тихо.

Он позвонил бы, будь возможность. Если однажды он удрал с практики из Мурманска в Ленинград всего на один день, чтоб только тебя увидеть... Когда это было? Лет десять назад. Он помнит морозящий летний дождь в Мурманском аэропорту, Ту-134, посадка в Ленинграде через полтора часа. Солнце, зелень газонов, скорый автобус «Аэропорт - Невский проспект». Потом метро до Финляндского вокзала, электричка до Зеленогорска, без билета - не успел. Контролёры в вагоне. Он пристраивается к группе старшекласников, все безбилетники, не покупают из принципа. Двое из группы выходят в тамбур договориться с контролёрами, взятка быстро находит место в их карманах, они проходят мимо, не замечая "зайцев". Он расплачивается с ребятами копчёной рыбой, прямо из порта Мурманска.

Вот и пионерлагерь, где ты на практике. Ты ничего не подозреваешь. Из аэропорта до тебя оказалось добираться дольше, чем из Мурманска в Ленинград. Стемнело. Светится окошко твоего домика с подопечными. Кругом лес. Высокие стройные сосны. Ветер.

А вот и ты, ладушка. С полотенцем на шее после вечернего моциона. Он за стеклом снаружи, ты внутри. Стук в окно. Испуганный взгляд. Кто там? Ещё раз. Наконец, решилась выглянуть и... ах! Ты бледна, - ну да, ленинградское лето.

Опять зашуршало в зарослях. Теперь ближе. Чертовщина! Ещё облака набежали. Полный мрак. Становится холоднее. Море расшумелось. Самое время для нападения

на лагерь. На склоне горы огни шиитского села. Переминаешься с ноги на ногу. Голова под каской потеет, ноги мёрзнут. Глаза бессильно всматриваются в ночь. Сердце беспокойно...

Или ты возвращаешься с юга. Обугленная щепка с огромным арбузом в несуразной авоське. Стройотряд. Астрахань. По липовой телеграмме от "больной бабушки" отпустили на пять дней раньше. Он, бледный и опухший от чешского пива, - тоже стройотряд, только "Интер" в Праге, бежит навстречу по многолюдному перрону. "Па-астаринись! - кричит носильщик, - Ишь, дома не успеют нацалаваться!" А дома самые моднучие вещи из Праги на тебе висят, как на пугале. Щепка, да ещё обугленная...

Как добиралась? Без копейки? Ещё стройотряду должна пятнадцать рублей? Пошли они в... Попутчики в поезде подкармливали? Кто бутербродик, кто яичко... А один влюбился - арбуз подарил.

Выстрелы! Что там? Опять дыхание замирает. В зарослях напротив какая-то возня, шорохи... Опять всё стихает. И вдруг гром, огонь! Прямо против тебя из этих чёртовых джунглей. Огонь! Земля защитного вала, поднятая горячим свинцом террористов, дождём обрушивается на каску, плечи, спину... Твой пулемёт заливается разъярённым криком. Длинные красные нити прошивают темноту над плантациями. Оттуда же они возвращаются в тебя. Ожил весь лагерь. Горят заросли вокруг. Главное - не дать тем, кто там, по ту сторону, поднять голову и прицелиться. Гранатомёт гавкает хрипло, надсадно, как простуженный пёс. Взмывают вверх осветительные ракеты. Зловещий фейерверк. Ещё несколько минут... Помощи ждать не от кого...

Всё стихает. Лишь потрескивают горящие ветви банановых пальм, да пощёлкивают затворы автоматов и пулемётов, получающих новую пайку своего свинцового провианта. Обошлось...

Который час? Ого, твоё время давно истекло. Можно идти спать, если удастся. Ребята собрались у блиндажа, все, кроме постовых. Кого-то царапнуло, кого-то задело...

Обошлось... Лица напряжены, губы сжаты. Молчание. Расслабиться? Можно будет только дома. Воздух напоен гарью, порохом и сладковатым запахом жареных апельсинов...

Он вернётся, в любом случае вернётся... Может, и так... Ты спишь, телефонный звонок, незнакомый голос. Он здесь... Военный госпиталь, отделение реанимации... Мо-

тор автомобиля взрвёт, как самолётный... Мальчишки остаются дома одни... Пустынные улицы оживут стремительным шелестом шин... Светофоры мигают красным, но какое это имеет сейчас значение! Главное: успеть... увидеть... узнать... услышать... припасть губами...

Но всё в порядке. Брезжит рассвет. Море задремало под утро. Где-то горланят беспечные петухи. Костры вокруг лагеря, обессиленные, угасают. И восходит солнце.

Информация.

08:00. Вы слушаете "Голос Израиля" из Иерусалима. Доброе утро. Последняя сводка новостей. Ночью продолжались бои между силами палестинских террористов и подразделениями христиан. По сообщениям радио Бейрута, христианам удалось остановить продвижение террористов к Сидону, и они удерживают ряд крупных сёл и важный участок шоссе Бейрут - Сидон. Сообщается о десятках убитых и раненых с обеих сторон. Этой ночью террористами была предпринята попытка захвата нашего военного лагеря, контролирующего мост Касмие через Литани. Попытка была успешно отражена силами подразделения лагеря. Убито пять террористов. Нет потерь с нашей стороны.

Министр обороны Ариэль Шарон сегодня должен объявить окончательную дату вывода наших войск из Ливана.

Ливан, весна 1985

Марк Котлярский

Страсти роковые

(Фрагмент нового романа)

*И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет...
А. Пушкин, «Цыганы»*

*Эта книга написана под знаком утраты...
А. Гольдштейн, «Расставание с Нарциссом»*

Щебетанье птиц сливалось в непрерывный хор женских голосов...

...Строчки расплывались, двоились, плыли, уплывали, утягивали за собой смысл. Пришлось протереть влажной салфеткой глаза, чтобы восстановить утраченную четкость. Захотелось услышать свой голос, глухо и непривычно звучащий в пустой комнате, и я, взяв наугад книгу из шкафа, - а ею оказался «Махзор», сборник молитв на Новолетие и День искупления, - стал читать вслух:

«Властелин, изобильный милосердием, обитающий в недосягаемых высях! Дай обрести покой под крылами Твоего благословения на ступенях святых и чистых, лучащихся сиянием небосвода – душе...»

На этом месте я запнулся, потому что следовало назвать имя человека, по которому я читал кадиш - успокоительную молитву. Но раздумывал я недолго, имя пришло само, всплыло стремительно из глубины подсознания, и я продолжил, ничуть не сомневаясь, что так и надо:

«...душе Надежды Николаевны, отошедшей в вечность...»

Почему это имя вдруг прозвучало в пустой комнате в тексте поминальной молитвы? Почему ее душе уготован райский сад? А может быть, райский ад - промежуточная станция между раем и адом?

«Да обретет она покой в райском саду»... - я пробежал еще раз глазами эти молитвенные строки.

Наверное, я бы хотел начать свое повествование по аналогии с заключительной фазой бабелевской новеллы «Элья Исаакович и Маргарита Прокофьевна», где еврей-коммерсант, садясь в поезд, прощается с русской прости-

туткой, с которой успел сдружиться; по сути, этот, предлагаемый читателю мой роман – о прощении и непрощении.

Я бы начал так:

«...Он вошел в вагон; чопорная, как английская королева, проводница проверила билет и снисходительно кивнула, поправив взбитую, словно сливки, прическу:

- Вам в девятое купе.

- Спасибо, - поблагодарил он и, подхватив легкий чемодан, направился по узкому коридору, устланному ворсистым ковром, жадно поглощавшим шаги, отыскивал свое купе и привычным движением рванул дверь на себя. И тотчас – лицом к лицу – столкнулся с женщиной, по всей видимости, опешившей от неожиданности: она стояла перед зеркалом и поправляла свои белокурые волосы.

- Простите, - после некоторой паузы, вызванной обоюдной неловкостью сказал он, - я не знал, что в купе кто-то есть. Я могу войти?

Она внимательно на него посмотрела:

- Да-да, конечно.

- Надеюсь, что, кроме нас, в купе никого больше не будет, - отшутился он, чтобы разрядить обстановку: вагон был спальный, и, разумеется, купе рассчитано на двоих.

Она улыбнулась и протянула руку:

- Надежда Николаевна.

- Марк Наумович, - он взял ее руку в свою и галантно поцеловал».

...Нет-нет, не так. Наверное, я бы начал с того, как Надежда Николаевна рассказывала мне о том, как к ней на сеанс пришла женщина, которую когда-то изнасиловали. Это была вторая встреча и, почувствовав доверие к Надежде Николаевне, - а она умела внушать доверие, - пациентка решила на откровенность.

Я бы начал так:

«- Рассказывайте... - Надежда Николаевна, психолог с девятилетним стажем, улыбнулась, словно приглашая к тайне исповеди.

Гостя помолчала, потом, припоминая нечто неприятное, неторопливо начала:

- Мне было тогда пятнадцать лет, хорошая воспитанная девочка из приличной семьи. Музыка, языки, спорт. Я занималась большим теннисом, и в тот день возвращалась с тренировки. Шла себе, никого не трогала, довольная собой – меня тренер похвалил, сказал, что делаю успехи.

Она вздохнула.

- Продолжайте, продолжайте, - поторопил психолог, - постарайтесь вспомнить всё, что случилось тогда.

Она кивнула:

- Как-то так получилось, что голова моя была забита сплошной чепухой, несуразницей, мысли скакали с одной на другую, так, что я даже не обращала внимания на то, что происходит вокруг. Хотя, наверное, стоило бы...

Психолог успокаивающе коснулся ее руки:

- Вспомните, в чем вы были одеты...

Она закрыла глаза:

- Коротенькая юбочка такого нежно-желтого цвета, носочки, кроссовки, в руках – сумка с ракеткой и формой. Волосы я распустила, они были у меня длинные и густые – на зависть многим моим подругам. Мне было всего пятнадцать лет, и жизнь казалась такой радужной...

- Это случилось утром? Днем? Вечером?

- Ближе к вечеру... Да-да, уже смеркалось, зажглись фонари. Я подошла к подъезду, набрала код и вошла. Мы жили в солидном, благополучном доме, в хорошем районе, подъезд был оснащен видеокамерами, и все это знали. Никогда ничего не случалось. А тут...

Она замолчала.

- Вы вошли в подъезд, - мягко сказал психолог.

- Я даже не заметила, как этот человек вошел следом за мной. – она откинулась на спинку кресла. – Я не успела опомниться, как почувствовала, что кто-то зажимает мне рот рукой. Я онемела, словно меня парализовало, я ничего не соображала и даже не сопротивлялась, когда насильник прижал меня к стене и полез под юбку. Сколько это все продолжалось? Минуту? Пять? Десять? Полчаса? Как выглядел насильник? Что он со мной сделал? Запомнила ли я какие-то особые его приметы?

Она поморщилась:

- Знаете, Надежда Николаевна, как будто файл стерли в компе – и восстановить нельзя. Я и в милиции ничего не могла толком рассказать, только и запомнила его руки и грязные ногти. И больше ничего.

- А потом?

- Я только слышала, как хлопнула входная дверь. И снова воцарилась тишина. Я лежала на полу, не в силах подняться, юбка была задрана чуть ли не до груди, живот перепачкан спермой, блузка порвана, сумка с вещами валялась в стороне. Сознание медленно возвращалось ко мне,

как тяжелое похмелье, отказывалось принять случившееся. Потому, наверное, у меня было такое ощущение, что я смотрю кадры замедленной киносъемки, да еще и в обратном порядке. Вот распахивается входная дверь и, пятась, ко мне возвращается насильник. Вот я лежу на полу, чувствуя, как что-то твердое выходит из меня, подобно поршню, и крик стыда и боли возвращается ко мне, и тяжелая мужская рука замыкает мне губы, а другая рука в это же время, разорвав блузку, мнет мне грудь, или, скажем так, грудь подпрыгивает, как мячик, навстречу руке. Вот я чувствую на своем бедре напрягшийся мужской орган, вот он - этот поршень - двигается во мне, мужчина дышит учащенно, и с каждым движением дыхание его учащается. Следующий кадр: я, как бабочка, взлетаю с пола, и какая-то неведомая сила прищипливает меня к стене, неподалеку от батареи парового отопления; насильник задирает мне юбку и страх парализует все мое существо, я лишь испуганно вздрагиваю. Сознание продолжает двигаться в обратном направлении и снова и снова возвращает меня к тому моменту, когда я набираю код на массивной двери нашего подъезда.

Она равнодушно пожала плечами:

- Ничего особенного. Обычная жертва. Типичный случай изнасилования...

Возникла внезапная, резкая пауза, повисшая, как огромная капля росы на изогнутом стебельке, готовая в любую минуту рухнуть вниз и разбить хрустальность тишины.

Они сидели друг напротив друга - пациент и психолог, - и не знали, что сказать друг другу, будто не хотели оборвать тоненькую нить, тайно связующую их обоих.

Молчание каждого можно было истолковать по-своему: Надежда Николаевна, психолог - белокурая женщина, думала о том, как снять у пациентки сложный блок, который не давал ей возможность жить полноценной жизнью; как разорвать ту условную связь, что возникла в ее сознании после изнасилования и со временем только окрепла, став прочнее корабельных канатов; однако - в то же время - «мысли профессиональные» мешались, как коктейль, с «мыслями личными» - психолог вспомнила вчерашнюю разборку с супругом, которая началась с того, что она, как ему показалось, не долила ему чая в стакан, и он раскричался, словно его ужалили, и, как она ни пыталась успокоить его, все больше заходился в крике, а когда она повысила голос, осмелился поднять на нее руку, и чем, скажите,

изнасилование отличается от насилия, ибо и то, и другое калечит душу и тело; пациентка же, доверившая психологу свою исповедь, почему-то стала думать о душе – о том, как она придет, наконец, домой после сеанс, включит музыку, которая никому не помешает, и встанет под душ, чтобы смыть с себя остатки дерьма, почему-то называемого жизнью; странно, но в этот момент и психолог с тоской подумала о дерьме, в которое она вляпалась, взяв в банке миллионные кредиты на квартиру; о супруге, который, потеряв работу, похоже, вообще слетел с катушек; о детях - мальчике и девочке, - которые практически растут без отца, а денег едва хватает на то, чтобы свести концы с концами, а двенадцатилетний сын уже спрашивает: «Мама, почему мы так скромно живем, как нищие?!»; и вдруг показалось, что между психологом и пациенткой нет никакой разницы, как между ризницей и розницей»...

Но и здесь сюжет застыл. Другими словами, ни в том, ни в другом направлении сюжет развиваться не стал («Но Блоку Христос являться не стал... У Блока тоска у глаз...»). Я почувствовал себя тоскливым Самсоном, которому обчехрыжили волосы, и который лишился силы воображения, утратив для себя нечто важное, что не поддается описанию.

Впрочем, настоящий художник всегда творит под знаком утраты. Истинным образцом, - и теперь уже образом, - такого художника был и остается для меня Александр Гольдштейн. В марте 1998 года он подарил мне свою книгу эссе «Расставание с нарциссом», расписавшись на контртителе: «... а еще желаю тебе, дружище, разнообразного здоровья и удачи». Почему-то показалось, что в этих словах есть, помимо обычной мягкой Сашиной иронии, еще и какая-то затаенная грусть; возможно, и в какой-то степени пожелание самому себе, потому что через семь лет после этого его не стало; рак легких унес его в могилу прежде времени, подтвердив железную строку, которой начинается «Расставание с нарциссом»: «...Эта книга написана под знаком утраты...»

Александр Гольдштейн, Саша Гольдштейн, для меня – просто Саша. Невысокого роста, очки, переезжающие переносицу, кажутся старомодным пенсне, вежлив и учтив, ничто не выдает в нем парадоксалиста и ниспровергателя основ, участника скандальных перформансов, автора отточенных по мастерству эскападных эссе. Его слог умыт и крепко сколочен, обладает мощной энергетикой, которая

приводит в раздражение всякого рода «образованцев» от литературы и журналистики; «о чем он пишет? – вопиют они, - к чему призывает? почему сквозь его смысл приходится продираться, как сквозь густые заросли?»; если бы знать ответы на эти «почему».

Но странное дело: - во всяком случае, для меня – облик Александра Гольдштейна неизменен, как глянцевая обложка знаменитого шоколада «Альпенгольд», до той поры, пока не соприкасается со словом.

Нет, не так.

Облик его перетекает в облако,

но вот: явлено слово, звенящее, как кольчуга.

Боже мой, что делает с ним слово, как оно преобразует облик его, как корежит лик!;

и: не Гольдштейн это, а безумный «Бетмэн» в поисках золотого камня, в поисках совеющих словосочетаний, динамитных фраз, от которых махровые интеллигенты выпрыгивают из штанов.

«Энергейя и эргон революции» - вот название цикла статей, посвященных литературе победившего социализма. В орбиту внимания неугомонного Гольдштейна попадают оплеванный за последнее время Маяковский, облизанный Белинков, оболганный Харитонов... да мало ли еще кто?!

Полагаю книгу «Расставание с Нарциссом», в которую вошел упомянутый цикл статей, одной из лучших в сфере литературной критики за последние четверть века.

«Эта книга, - певуче предупреждает автор, - написана под знаком утраты: обширный цикл, или эон, русской литературы XX века от авангарда и социалистического реализма до соц-арта и концептуализма завершился, не оставив взамен ничего, кроме растерянности...»

Право, ничего, кроме растерянности, не оставляет попытка проникнуть в суть явления по имени «Александр Гольдштейн». Ибо внешняя его оболочка суть застенчивость и робость, нерешительность и сдержанность.

Парадокс, но, став редактором некоего литературного приложения, он – по идее – должен был обрести для себя, наконец, некую точку опоры. Но: Боже – куда только подевалась удаль и ярость, бушующая во всех его книгах? где, в каких мирах растворился азарт, наполнявший, как ветер, каждую гольдштейновскую строку?

Вот яркий пример того, как служение слову уступило служению делу, кондовому ремеслу.

«...«Мещане» у Товстоногова. Тоска смертная, но играют очень здорово...» - так записывает в дневник свои впечатления от этого спектакля Василий Катанян.

Такое же ощущение от приложения, которое редактировал Гольдштейн – и написано все вроде бы неплохо, и тоска смертная.

Кстати, по этому поводу вспоминается и еще один смешной случай, зафиксированный в этом же дневнике.

Алла Демидова рассказывала Катаняну, как она общалась в столовой какого-то дома отдыха с Мариэттой Шагинян. Как все глухие, «железная» Мариэтта говорила очень громко, через весь зал.

И вот она обращается таким образом к Демидовой:

- А где ты живешь в Москве?

- Там-то и там-то.

- А муж есть?

- Есть.

- А дети?

- Детей нет.

- Предохраняешься?! – орет Шагинян так, что слышно на кухне.

Может быть, редактируя свое литературное приложение, Гольдштейн предохранялся?

- Марик, дружище, привет! – это традиционный ритуал, с которого Александр, как правило, начинал нашу встречу, приветливо улыбаясь. И я вдруг понимал, что этот человек - отнюдь не человек тела, а человек слова; бестелесный, бестеновой, бестрепетный, беспутный, он бредет, не разбирая путей, токует, как глухарь перед совокуплением; более того, совокупление Гольдштейна со словом родит невероятную пульсацию.

Чешский писатель Иржи Грошек устами одной из своих героинь говорит о том, что, дескать, все писатели педерасты – потому что у них в голове совокупаются однообразные мысли.

Но что странно:

из головы Гольдштейна, как Афродита из пены, дивное рождается слово: слово-сочетания

и: слово-мысли.

Читая Гольдштейна-эссеиста, Гольдштейна-критика, хочется перейти на танцующий ритм, сбивчивый, как дыхание:

«...С наступлением же Судного дня нисходит мощная весомость скорби, парализующая ухватки обыденности, и

тело, спеленутое сознанием ничтожества, вымалывает милосердную запись в книге итогов...»

Вот он, ответ на вопрос – «почему»: его тело, спеленутое сознанием ничтожества, творит такое же спеленутое, немощное издание; дух же бушует, как вечный огонь, только в свободном парении.

«Гогиашвили в неволе не размножается!» - гласит заповедь, взятая напрокат из старого анекдота.

А чем, собственно, Гольдштейн в этом смысле отличается от Гогиашвили?!

И – как знать – может быть, отсутствие свободы и убило Александра Гольдштейна?!

Отсутствие свободы – это невозможность свободно дышать. Недаром Александр Блок говорил: «Пушкина убила не пуля Дантеса. Пушкина убило отсутствие воздуха». Собственно, и Блока убило то же отсутствие воздуха.

...К чему мне вспомнился Саша Гольдштейн? Потому что до сих пор, как только я вспоминаю о Надежде Николаевне, я начинаю задыхаться, мне категорически не хватает воздуха, такое ощущение, что легкие мои скукоживаются, их парализует. словно какой-то неведомый мне палач решил привести приговор в исполнение...

Ровно 190 лет назад, - а эти строки я пишу в январе 2020 года, - в январе 1836 года в «Литературной газете», которая выходила в Санкт-Петербурге, появилась неподписанная заметка в рубрике «Смесь». В частности, говорилось, что французские журналы возвещают о скором появлении «Записок Самсона», парижского палача. Безымянный автор саркастически добавлял: «Вот до чего довела нас жажда новизны и сильных впечатлений». Оказывается, уже тогда в ходу были мемуары и исповеди, и уже тогда разомлевшая публика жаждала откровений из темного мира преступлений:

«...мы не остановились на бесстыдных записках Генриетты Вильсон, Казановы и Современницы. Мы накинулись на плутовские признания полицейского шпиона и пояснения оных клейменого каторжника. Журналы наполнились выписками из Видока. Поэт Гюго не постыдился искать вдохновения для романа, исполненного огня и грязи. Недоставало палача в числе новейших литераторов. Наконец и он явился, и, к стыду нашему, скажем, что успех его «Записок» кажется несомнительным».

Палача и в самом деле не доставало. И потому сначала палачи-литераторы пришли в России с Запада. А потом стали появляться и свои собственные, восполняя дефицит. Дальше – больше, по нарастающей, и сегодня записок разного рода заплечных дел мастеров хоть пруд пруди, и все как один готовы поклясться на Библии, что служили отечеству верой и правдой; и, дескать, вела их по жизни надежда в светлое будущее.

Впрочем, разве помянутая к ночи Надежда Николаевна по нелепой прихоти и пересечению смыслов не сыграла – намеренно или ненамеренно – роль моего палача? Не хотела, но стала; говорила, что присваивая – теряешь, но присвоила, говорила, что любит, - и любила, но предала; говорила, что будет верна, но через неделю после мнимого разрыва отдалась первому попавшемуся мужику, едва познакомившись с ним в сети, да еще и сообщила об этом в личном послании.

Я понимаю, что она карала, таким образом, прежде всего, себя, но на самом деле казнила и меня.

Нет ничего нового под солнцем.

Мой давний приятель поэт, эссеист, историк Акрам Меликов, сгинувший «за стеной Кавказа», - говорил, что от «сытости стихов не напишешь»; боль - это ненасытность, желание выbleвать ее, но подавить ее можно только ненасытной жаждой творчества, как это пафосно ни звучит. Все остальное, - алкоголь, наркотики, азартные игры, военные забавы, пешеходные прогулки по контрабандным тропам, - никуда не годится. Потому что боль — это триггер, это «нигер» в страшных снах, когда ты просыпаешься весь в поту от ужаса, что все могло произойти в реальности, но происходит иное, куда ужаснее и страшнее.

Казалось бы - что страшного и странного в сочетании «Н.Н.»? В этом сдвоенном «н», больше напоминающем перекладину для виселицы или черную метку.

Ах, Н.Н. - Надежда Николаевна, вымученный симулякр больного сознания, белокурая бестия, едва заметно припадающая на правую ногу, что не убавляло, а добавляло шарма.

Мертвые шарму не имут.

Нет, это, скорее, не шарм, а шрам, который саднит, не переставая, беспокоя, царапая. Разве не так саднил шрам у Бродского, долгие годы помнившего об измене своей ветеранской возлюбленной? А разве Марина Басманова поступи-

ла с Бродским не столь же отвратительно? Или же это какая-то изощренная месть - соблазнить близкого друга, который и особо противиться не стал? А может, понимала, что боль и есть истинная муза? Но почему все-таки она ему изменила? Честно говоря, я не нашел внятного ответа, внятного объяснения. Какие-то постоянно встречающиеся сумбурные проборматывания. Может быть, среди друзей такое не редкость? В особенности, если речь идет о такой странной «четверке», как Иосиф Бродский, Евгений Рейн, Анатолий Найман и Дмитрий Бобышев.

Выделяя (и отделяя) гений Бродского, желчный и плевавший на авторитеты критик Виктор Топоров называл оставшуюся троицу «ахматовскими сиротами». Говорят, что «бог троицу любит», учитывая, что Топоров, скорее, считал себя сатаной, - но тем сатаной, который «вечно хочет зла и вечно совершает благо», - он имел полное право эту троицу не жаловать.

«Однажды Дмитрий Бобышев поделился с общей приятельницей недоумением: почему Топоров со мной не знакомится? Она пересказала ему мою «бродскую» мотивацию, и он благосклонно принял ее на свой счет. Узнав об этом, я долго смеялся: уж Бобышева-то с Найманом я всегда считал полной бездарью» - так писал Топоров в своей книге «Двойное дно»; так, может, и у Марины Басмановой оказалось это двойное дно?

...Лучше женщины никто не сможет проникнуться загадочностью другой женщины. Я разговорился как-то по этому поводу со знакомой филологиней, большой поклонницей Бродского и сальсы. После того, как мы обсудили преимущества танцпола, речь зашла о Басмановой.

- Во-первых, эта дама эта весьма туманна. - начала филологиня. - Все воспоминания, обрывочные и эпизодические, которые я о ней встречала, картину ничуть не проясняют. Молчаливая, красивая...

- На любителя... - прервал я собеседницу.

- «Загадочная»... - она продолжила, как ни в чем не бывало. - Если тебе интересно мое мнение, то у меня всегда возникал образ не очень далекой, но очень претенциозной барышни «в образе». Все-таки вся эта поэтическая тусня, и она вдруг - муза.

- Она и сыграла, в конечном итоге, роль музыки.

- Все говорят, что «Дорогая, я вышел из дому...» - это стихотворение-месть, а я вот так не думаю. Он просто

отдуплился, да и тоскует, скорее, не по женщине, а по чувству, с нею связанному. Но почему все-таки Иосиф так в нее втюхался?.. Да хрен его знает?! Сто процентов - он фигел от нее как от женщины, видимо, там было более чем стопроцентное попадание. Но разве из всех «Стансов к Августе» вырисовывается какой-то конкретный женский образ? Какая она была? Добрая, злая, чуткая, подлая, умная, равнодушная? Мы знаем, каким был он, и что он чувствовал к данной девице, «радости Кранаха», как он ее называл. Лично-сугубо мне кажется, она была достаточно холодная и никого не любила. Может, сына их любила... но, как известно, Бродский не смог потом найти с ним хоть мало-мальский контакт. Может, потому и длилась эта любовная лирика длиною в жизнь, что образ её был, как ни банально, выдуманный. Но это ж сугубое «ымхо», - она хмыкнула. - С другой стороны, у меня дикая невольная чуйка. И мне потому и было всегда дико обидно за него.

- Честно говоря, мне тоже, - согласился я. - И все-таки, почему она ему изменила?

- А почему бы и нет? Возможно, она его любила, но не шибко, а тут новогодняя ночь, пьяный Бобышев, она, поджигая какую-то блядскую штору... Инфернал и страсть...

В любом случае, - если верить воспоминаниям очевидцев, - было в ней нечто инфернальное, нечто завораживающее в ее внешности, не говоря о каком-то аристократическом чувстве собственного достоинства. Ведьма с бледным лицом и огромными зелеными глазами; вообще в зеленых глазах у женщины всегда есть что-то бесовское. Кто-то цитировал Ахматову, якобы она говорила о Басмановой: «Тоненькая, умная и как несет свою красоту! И никакой косметики. Одна холодная вода!»...

Давным-давно, в отрочестве, меня отправили в пионерский лагерь, расположенный в местечке под названием Шепси; пришептывающее название, врезавшееся в память - небольшое село в Туапсинском районе, помещенное в удивительной красоты ландшафт. Недалеко от лагеря пробегала бурная речка, нас иногда водили туда купаться. Плавать я не умел, потому держался ближе к берегу. Но однажды, задумавшись, сделал несколько лишних шагов по дну и неожиданно для себя вдруг почувствовал, что проваливаюсь в яму, теряю опору под ногами и начинаю медленно погружаться в холодную зеленую глубину. Я не знаю,

доводилось ли кому-либо испытать нечто подобное, тот ледяной страх, который сковывает все твое существо. На мгновение я ушел под воду, пытаюсь кричать и звать на помощь, но язык, казалось, не поворачивался, словно его приморозило к нёбу. Несколько раз я пытался выпрыгнуть из воды, несколько раз хотел нащупать дно, но - тщетно. Каким-то седьмым чутьем почувствовал, что надо плыть, плыть, во что бы то ни стало, и отчаянно замолотил руками и ногами по воде. Самое странное, что буквально через минуту я это дно нащупал, наглотавшись, правда, воды и хрипя от напряжения.

К чему это я всё? К тому, что это был некий пролог, предсказание чувства: «Надежда Николаевна» - так звали это чувство, не просто меня изменившее, но перекорезившее напрочь.

Говорят, что испытать такое чувство, огромное и непомерное, всё равно что неожиданно для себя самого стать обладателем, скажем, большой суммы денег.

Любопытная параллель, тем более, как утверждают, большие деньги меняют человека.

Я как-то задумался: а почему? Что это, в самом деле, за магия больших цифр, перепрограммирующая любого человека в диковинное существо?

Природа больших сумм напоминает мне природу «абсолютного нуля» - минус 273 градуса (если я не ошибаюсь), когда возникает другая среда, и в ней, в этой среде, начинают действовать другие законы.

У человека, на мой взгляд, прежде всего, меняются условия существования, что не может не влиять на его «психофизику».

И тут, как мне кажется, наблюдаются определенные закономерности, порожденные страхом.

Появляется страх, что:

- а) деньги могут отнять;
- б) деньги можно потерять;
- в) появляются бедные родственники, нахлебники и просители, от которых нет отбоя;
- г) денег может не хватить на все возрастающие потребности;
- д) деньги заменят хорошие отношения, любовь, сочувствие, теплоту;
- е) деньги делают его обладателя незащищенным и слабым перед любой угрозой...

Я считаю, что к людям с большими деньгами нельзя подходить с обычной меркой, потому что они (люди) живут в ином измерении; их нельзя любить или ненавидеть, нельзя искать их близости или бежать от нее; их - поймите меня правильно - стоит только пожалеть. Единицы из них сохраняют человеческий облик, и я таких встречал. Остальные - это уже не люди, это сущности, суккубы или инкубы.

Но разве всё вышесказанное нельзя сказать о поразившем тебя чувстве? Да-да, то самое чувство, которое заставило испытать все оттенки ледящего душу ощущения: того самого ощущения, когда ты идешь на дно, и, кажется, еще мгновение - и холодная вода, словно купол, сомкнется над твоей головой.

Так не бывает?

Еще как бывает!

Палач выполнил свою работу - и должен исчезнуть, как будто его и не было. А даже если и есть, то вряд ли дает о себе знать, поскольку он - знать, которая не должна показываться черни.

*Артикль украшает речь.
«Артикль» украшает литературу.*

Многоуважаемые читатели, дорогие друзья!

У нашего журнала появились новые возможности. Если раньше свежий номер «Артикля» в полиграфическом исполнении можно было получить только по подписке, а предыдущие номера – найти (если повезёт) в некоторых книжных магазинах Тель-Авива, то теперь можно заказать в редакции любой из выпущенных номеров. Их содержание представлено на нашем сайте: <https://sunround.com/article>. Воспользуйтесь формой обратной связи на сайте или напишите на электронную почту редакции.

Предусмотрена гибкая система прогрессивных скидок.

Домашний рай

(отрывки из романа)

*Велика Россия, а поступать некуда.
Из физтеховского фольклора*

*Мы на физтех собрались все
Постигнуть физики мир трудный,
Чтоб засиял науки свет
По всей земле из Долгопрудной.
Из гимна физтеха*

Долгопрудный ничем бы не отличался от других провинциальных городков Советского Союза, если бы не пара обстоятельств, делающих его уникальным. Во-первых, располагается он возле столицы, а, во-вторых, здесь находится знаменитый Физико-Технический институт.

Конец апреля 1985 года в Подмосковье выдался столь же капризным, как характер самовлюблённой красотки. Ещё двадцать четвертого стояла по-настоящему теплая погода с температурой двадцать градусов, а уже двадцать седьмого ртутный столбик едва дотягивал до девяти. Впрочем, в студенческом городке физтеха был обычный день из «шести счастливых лет», как написано в проспекте института. Прохладный, но солнечный денёк вытащил на корты и площадки никак не сопротивляющихся мягкой силе студентов. Шесть счастливых лет именно этих ребят пришлось на восьмидесятые - эпоху смены лозунгов. На улицах мертвенной Москвы, где на крышах домов, казалось бы, навсегда останутся лозунги «Коммунизм победит!» и «Партия - бессмертие нашего дела!», началось смутное, неясное брожение. Великая страна, словно проснувшаяся медведица в берлоге, начала поворачивать неправдоподобно огромное тело, не замечая, что ненароком рушит стенки непрочного, как на поверку выяснилось, жилища.

Из распахнутых дверей студенческой столовой, многострадавшая стена которой несла на себе объявления различной формы и расцветки, вышли трое студентов. Все они были шестикурсниками ФРТК, факультета радиотехники и кибернетики. В центре шла эффектная девушка Наташа в белой блузке и черной юбке, с сумочкой в руке. Слева от неё - высокий юноша спортивного телосложения со светло-

русыми волосами, с закатанными по локоть рукавами тёмно-синей рубашки. Он, сняв большие роговые очки, что-то доказывал своему конкуренту. Действительно, кем может быть другой мужчина в компании, где идет девушка, а в особенности такая красавица, спортсменка и комсомолка? Конкурент отличался плотной комплекцией, мощным плечевым поясом, носил пышные черные усы, и вид имел самый независимый и залихватский. Он неторопливо извлёк из дорогущей для простого студента пачки «ВТ» сигарету, которую тут же закурил.

Мимо них двигался студенческо-преподавательский народ. Те, кто шёл в столовую, обычно страшно торопились, в особенности в перерывах между парами. Мгновенно набиралась изрядная очередь. Запыхавшиеся раздатчицы не успевали разливать по тарелкам красноватую жижу борща с ложкой вялой сметаны, да шмякнуть в изголовье разваренной котлеты горку сливочно-жёлтого картофельного пюре, извлекаемого из огромной алюминиевой кастрюли. Для витаминов можно добавить в рацион тарелку винегрета, а если не жалко ещё восемнадцати копеек, принять на грудь сто граммов вкусной густой сметаны, заполировать стаканчиком, а то и двумя, компота из сухофруктов за четырнадцать, и вуаля - жизнь снова прекрасна и удивительна всего за один рублик.

Всё это уже троица проделала. Они постояли возле доски объявлений. Девушка со смехом прочитала: «Мужик, который взял в умывальнике мои золотые часы! Имей совесть, зайди, обменяй на простые в 1-202». Именно туда, в первый корпус, где жили студенты факультета радиотехники и кибернетики, направлялась троица.

Черноусый, Евгений Бирюков, снисходительно поглядывал на парней, взгляды которых, словно магнитом, притягивала стройная фигура спутницы. А третий, Семён Весник, никого не замечал, увлеченно объясняя суть метастимуляторов американского учёного Дональда Кнута и сущность моста Эйнштейна-Розена.

- Изучение чёрных дыр, Евгений, - уверял он, - сулит человечеству огромные перспективы. Только представь, что через этот самый мост можно путешествовать из одной вселенной в другую. Когда Эйнштейн узнал о полученном решении, то изумился и не поверил в его правильность, но ошибок не нашёл. Жаль, что сам Карл Шварцшильд ушел из жизни так рано...

Спутники зачарованно слушали его. Видно было, что Весник обладал огромными знаниями и эрудицией. Но когда они проходили профилакторий, Семён внезапно прервал речь на полуслове, остановился, хотел что-то произнести, но не смог, и рухнул в страшных конвульсиях на тротуар. Зрачки его сузились, Ему словно хотелось вырвать, он силился дышать, но не получалось; широко открытый, словно у извлеченной из воды рыбы, рот судорожно дёргался. Так продолжалось несколько секунд, а затем по всему телу прошли спазмы, тело дёрнулось раз, другой, - и всё внезапно закончилось. Весник перестал дышать.

Наташа закричала:

- Надо что-то делать, срочно зови «скорую»!

Не верящий своим глазам Бирюков вышел из оцепенения, выплюнул сигарету и побежал в профилакторий.

Вход в профилакторий охраняла вахтёрша баба Маша в вязаном свитере и пушистой шали. Она разговаривала по телефону и, увидев ворвавшегося студента, привстала со стула.

- Куда ты, оглашённый?!

- Баба Маша! Я врачей кликну, а вы «скорую» наберите. Веснику плохо, не дышит уже!

- Ах ты, Господи! Слышь, Валька, я тебе потом перезвоню. Потом, говорю!

Она, подслеповато глядя, начала набирать номер, не попадая заскоружеными пальцами в круглые отверстия. Бирюков выругался, подбежал к бабушке, вырвал из её рук телефон и лихорадочно набрал «ноль три». Баба Маша, шаркая ногами, поторопилась в кабинет со стеклянной дверью и надписью «Терапевт». Привлечённая шумом, из него уже выходила грузная женщина в белом халате. Бирюков, продолжавший кричать в трубку, судорожно махнул в сторону двери, и врач в хлюпающих тапочках на босу ногу побежала на улицу.

- Да! Семён Весник, двадцать два года, упал в обморок, а теперь не дышит! Первомайская улица, студгородок МФТИ, возле профилактория лежит.

Когда приехала «скорая помощь», всё уже было кончено. Искусственное дыхание, которое делали терапевт, Наташа и сам Бирюков, не помогло...

Проректор Николай Петрович Фомин сидел в кабинете в главном корпусе МФТИ и задумчиво вертел в руке карандаш. Воскресный день. Надо отдыхать на даче, а не сидеть

в душном помещении. Только причина выхода на работу ясна и понятна: уже третья громкая смерть за последнее время! Первым было самоубийство первокурсника; ну, там дело понятное, перетрутился парень. И соответствующее врачебное заключение есть. А со вторым было похуже, конечно. Осенним утром в шестом корпусе студгородка произошло убийство. Третьекурсника зарубили. Фомин нутром чуял, что нечто подобное случится. Буйные физтехи, подобно бурсакам, пускались во все тяжкие. Одурманенные тяжёлыми волнами молекулярной да квантовой физики, матанализа и аналитической геометрии, они словно искали отдохновения в простых человеческих радостях, порой напиваясь вдребезги и творя всяческие непотребства. Но вот человекоубийство, топором по голове, на его памяти - в первый раз.

Фомин перекрестился и, по привычке, посмотрел по сторонам: никто не заметил? За это по головке не гладили. Списки преподавателей, аспирантов и студентов, посетивших, даже ненароком, церковь, направлялись в первый, секретный отдел... Но он был один в своём роскошном кабинете. Да, нервишки пошаливают. Разные случаи происходили; уж столько лет на проректорской должности. Всякое бывало. Линия партии - она линией партии, но самое главное: чуйку иметь, чтобы не оплошать и впросак не попасть. Нет, чтобы на каникулах, тогда с тебя взятки гладки... Такое тоже бывало: тонули физтехи, от белоковия умирали. Но если во время учебы, тогда совсем другой колленкор... Теперь на тебе подарок на день рожденья, и именно с ФРТК. С чего это здоровый парень, спортсмен, внезапно умер? Врачи недоумевают, у них в практике впервые такое.

Фомин задумался. Умершего Весника он знал, и следил за его, как оказалось, недолгим жизненным путём на физтехе. Шесть лет назад секретная директива пришла: не пускать в студенты молодёжь еврейской национальности. Больше это, конечно, юношей касалось: в группе из пятнадцати человек - девушек раз-два и обчёлся. Николай Петрович разделял эту директивную линию. Сами посудите: государство тратится на студента, бесплатно обучает, общежитие - сущие копейки, да льготы разные создаёт. А тут выучится какой-нибудь Эйнштейн и шасть в Израиль, или ещё того хуже - в Америку. Что же получится? Мы сами на свою голову потенциального врага выкормили да обучили?

Пусть он хоть двадцать баллов из двадцати наберёт, - а хоть тресни, пускать такого нельзя.

Нет, двадцать баллов тогда Веснику набрать не позволили. На письменной по физике и математике он свои пятерки, конечно, получил. Их поставили, чтоб он бумажные доказательства в разные «Голоса Америки» не смог направить. А вот на устных завалить пробовали. Дали ему задачу о расходе воды из кипящего чайника. Сам Фомин даже и близко не знал, как к ней подступиться, а Весник расчихал её за две минуты, и ещё предъявил преподавателям, что условие некорректно. Профессора, конечно, в глубине души зауважали вундеркинда, но указание выполнять надо. Самый наглый, доцент Виров, завопил: дескать, ты сюда не учить, а учиться пришел. Вкатили ему трояк от всей души. И на математике должны были тоже если не двойку, то тройку всучить, да высшие силы вмешались. Сам отец-основатель академик Семёнов позвонил, разорался: «Что вы, с ума там посходили все?..» Пришлось принять чудомальчика. Фомина потом в антисемиты и человеконенавистники записали. А за что?

В двери показалось миловидное, но от того, что выйти на работу пришлось в неурочное время, хмурое лицо секретарши.

- Николай Петрович, пришли они.

В кабинет вошли все, кого он счёл нужным позвать: непосредственные свидетели случившегося красавица Наташа Донченко и Евгений Бирюков («Хахаль её или нет?» - задумался Фомин); Аркадий Сергеевич Туманов, доцент кафедры общей физики, плотного телосложения, с уже намечающимся брюшком, - начальник курса Семёна Весника; и земляк умершего - первокурсник Александр Нахимов.

- Товарищи, располагайтесь, присаживайтесь к столу.

Проректор по-своему пытался быть гостеприимным, но разговор не складывался. Сидели понуро, и тупо глядели на полированную поверхность огромного стола. Сам Фомин, сидящий под портретом генсека, тоже не находил слов. Наконец, произнёс:

- К вам претензий, товарищи, нет. Я просто хотел выяснить, как это могло произойти, что стряслось. Ведь это уму непостижимо: прекрасный студент, подающий надежды, победитель международных олимпиад, ленинский стипендиат, в конце концов, - и тут на тебе.

Начальник курса Туманов тихонько поставил на стол чайную чашку и сказал:

- Судьба, видно, такая. Но нелепо, нелепо... Вы говорите, что Семён надежды подавал, а я вам больше скажу: он мог горы свернуть, гениальным учёным стать. Знаете, на первый курс много одаренных ребят приходит, победителей всесоюзных олимпиад и международных, межнаров по-простому. И, представьте, многие не доучиваются. Думаю, что от потери мотивации. Чтобы оставаться наверху, надо пахать и напрягаться. Не у всех это получается. Я же тоже физтех, лично всё прошёл на своей шкуре. Знал я, например, олимпиадника-звездника с уникальным мозгом. Решал задачи раза в три быстрее остальных. До третьего курса на занятия вообще не ходил, а преподаватели кафедр с ним за руку здоровались. Задачу на три доски в уме решал! Посидит, побарабанит пальцами по столу,— и ответ готов. Однако он отвык учиться и понимать новое. И обломал зубы на квантах... А другого победителя международной олимпиады по физике отчислили на третьем курсе...

Фомин возмущился и вступился за честь студентов.

- Что вы такое говорите, Аркадий Сергеевич? Таких случаев раз-два и обчёлся. Просто заметные они, межнары эти, оттого и кажется, что много.

Туманов переполошился:

- Да-да, Николай Петрович, разве ж я спорю. Просто хотел подчеркнуть особенность Весника.

Фомин выдержал мхатовскую паузу.

- Судьба, говоришь? Ладно бы война, стихийное бедствие; а тут раз - и нет человека.

Проректор потянулся к стопке газет и журналов, лежавших на краю стола, и с гордостью продемонстрировал собравшимся февральский номер «Писем в Журнал экспериментальной и теоретической физики».

- Американским физикам из Пенсильванского университета показали, где раки зимуют, студенты с ФОПФа.

Туманов оживился.

- Вы про работу трёх студентов с идеей о икосаэдрических жидких кристаллах? Я всех троих отлично знаю. Мои студенты. У них квазикристалл представляет собой трехмерный скол регулярного кубического кристалла в шестимерном пространстве. А элементарная ячейка такого кристалла при проекции на наше трехмерное пространство как раз образует икосаэдр. Кстати, вы знаете, что сейчас появилась теория, что мы живем в четырехмерной проекции

двадцатishестимерного пространства? Если ребята разовьют теорию, они могут до таких глубин докопаться, что все просто ахнут!

Фомин отложил в сторону журнал и посмотрел на Бирюкова и Донченко.

- Вы что скажете?

Наташа прикусила губы, словно готовая разрыдаться, и только махнула рукой. Бирюков выдохнул:

- Николай Петрович, я слышал, что есть такие гипнотизеры, которые могут на расстоянии воздействовать на человека. Поработают с ним предварительно, а потом раз, какой-нибудь сигнал подадут и отключают...

Фомин побагровел.

- Ты что, Бирюков, насмехаешься надо мной? Лекций по аномальным явлениям наслушался? А ещё физтех, в мистику веришь! Постыдись. Кстати, товарищи, переговорите с мамой Семёна; возможно, от него остались ценные для нашей науки записи. Понятно, что большая часть его работ или уже опубликована, или осталась на базовой кафедре. Но всё-таки... Нахимов, ты же знаком с матерью Весника. Хочу вместе с тобой письмо ей написать. Вроде никто и не обязывает, да сердце просит, будто виноват в чём-то.

- Так ведь это, - вырвалось у первокурсника, - она здесь уже. Вчера и прилетела, как услышала про смерть Семёна. Зачем письмо-то?

Фомин замахал руками.

- Уезжаю я срочно, не будет меня, поэтому и письмо, понятно? Ладно, можете идти, вас я больше не задерживаю.

Нахимов молча сидел, всё так же глядя перед собой. Начальник курса легонько потрепал его по плечу, и трое медленно вышли из кабинета. Фомин уселся в кресло, опять взял в руки карандаш и изучающе глянул на чуть сгорбленную фигуру высокого темноволосого парня.

- Вы ведь земляки с Весником, так? Оба из Кургана?

Нахимов кивнул.

- Опекал, значит, он тебя. Ты уже здесь с ним познакомился или раньше знал?

- Раньше... Он мне и посоветовал на физтех поступать. На каникулах приезжал, по физике и математике натаскивал. Даст задачи из прошлых вступительных, сам рядом садится, время засекает и говорит: «Ну, давай, Сашка, время пошло!»

Фомин угрюмо глядел на ссутулившегося студента, прекрасно понимая, что тот о нём думает. Сказать бы этому

юнца, что жизнь сложная штука, нельзя смотреть на неё через розовые очки, есть в ней такие моменты, когда приходится поступаться и принципами, и убеждениями, - да всё равно не поймёт. В таком возрасте у них только два цвета: чёрный и белый, как в допотопном кино...

- У него же только мать была; а с отцом что случилось, ушёл?

- Нет, отец умер, когда он ребёнком был.

- Один в семье?

- Да, один.

Нахимов замолчал. Неожиданно для студента Фомин в сердцах воскликнул:

- Надо было просто национальность поменять и фамилию взять поскромнее! Учить вас некому. Умные люди все так делают, а они что за шишки такие?! Эх, да что уж тут говорить, поздно... Послушайте, Нахимов, не в службу, а в дружбу: напишите письмо, потом мне принесёте, я отредактирую и отошлём. Очень меня вы выручите! Сами понимаете, неудобно всё это бездушно пустить на самотёк, надо бы как-то по-человечески...

Нахимову так сильно хотелось покинуть душный кабинет, словно пронизанный как раз атмосферой казённости, что он поспешно согласился и поторопился уйти. Попрощался с секретаршей, гневно стучавшей по пишущей машинке, толкнул тяжёлую дверь и вдруг увидел в коридоре тучную фигуру Туманова.

- Не знаете, что с Бирюковым стряслось? - спросил доцент Нахимова. - На встрече с проректором ахинею нёс. Но в такой день зачем? На Донченко сейчас огрызнулся, да так, что та обиделась и умчалась, как скорый поезд. А ведь они вроде друзья?

Аркадий Сергеевич вопросительно взглянул на Александра, ожидая от него пикантных подробностей. Но Нахимов промолчал.

- Пойдёмте пообедаем вместе, Саша, - не дождавшись подробностей о взаимоотношениях Бирюкова, Наташи и Весника, предложил Туманов,

Во время прогулки к столовой Нахимов, неожиданно для себя, разговорился.

- Вечером тётя Надя, мама Весника, прилетела. Я её встретил, в комнате Семёна она сейчас. Так вот, пришли к ней Бирюков с Донченко. Она вдруг на Наташу взглянула мрачно и говорит: «Ты в смерти сына виновна». Не знаю,

что на тётю Надю нашло. Наташка побледнела, ничего не ответила и выбежала из комнаты...

Они не спеша взяли еду и уселись за столик, расположенный возле окна. Туманов обладал изрядным аппетитом и деловито расправлялся с едой, а Нахимов вяло ковырял вилкой картофельное пюре.

- Аркадий Сергеевич, я плохо разбираюсь в медицине, но возможно ли такое, чтобы человек ни с того ни с сего вдруг потерял сознание и умер?

- Видишь ли, Александр, - доцент маленькой ложкой отведывал сметану. - Учёба на физтехе сложная штука, нагрузки огромные, напряжение, как бы сказать, интегрально накапливается. Особенно у Семёна. Ведь он постоянно думал о работе. В голове только формулы, опыты, теоремы...

Нахимов отложил вилку.

- Да, Аркадий Сергеевич, я прекрасно знаю о всех трудностях; но Семён отличался исключительным здоровьем, плавал, в футбол играл. А тут раз, - и сердечная недостаточность. Врачи ведь сами разводят руками.

- К чему ты клонишь, Саша? - насторожился Туманов. - Ты думаешь, что смерть Семена не была естественной? Может, детективов начитался? Брось, кому выгодно это? Мы же не в какой-нибудь Америке, где убийства на каждом шагу. Маму Весника лично я готов понять; она теперь в каждом или каждой готова видеть убийцу. Но ты-то должен рассуждать логически и не впадать в истерику.

В открытое окно с Первомайской донёлся зычный разнотойный хор студентов:

*«Я променял девичий смех
На голос лектора занудный,
На этот ёпанный физтех,
На плядский город Долгопрудный!»*

- Пятикурсники, на сборы собираются, маршируют. Плохо поют, а маршируют ещё хуже. За это и в воскресенье отработывают, - произнёс Туманов. При каждом выкрикнутом нецензурном слове его передёргивало. Но тут донёлся голос капитана Дорохова, рявкнувшего на студентов; запела начал другое, разрешённое:

*«У солдата выходной,
Пуговицы в ряд,
Ярче солнечного дня
Пуговицы в ряд!»*

- И эту песню испортили, ну что ты будешь делать, - вздохнул Туманов и взглянул отеческим взглядом на Александра. - Ты эти криминальные мысли бросай, Саша, у тебя сессия на носу сложная. Ты же на отлично идешь, тебе ни тройки, ни четверки ни к чему.

- Почему всё-таки не открыли дело, Аркадий Сергеевич? Заявление тёти Нади так и осталось без дела.

- У них своя кухня. Экспертное заключение показало, что смерть наступила естественным путём, и тут ничего не попишешь. Жалко безумно Сеню, да ведь его уже не вернёшь...

Уравнение без начальных условий — это то же, что и джентльмен без денег. Оно представляет лишь теоретический интерес и никакого практического.

Из физтеховского фольклора

Загруженный вещами Семёна, Нахимов поднялся на третий этаж, полутёмный и тихий. Поставил коробки на пол, упокоил на них плечики с вещами Семёна, а рядом пристроил гитару, всё норовившую упасть, отпер ключом дверь и вошёл в комнату, Относительный порядок здесь присутствовал. Он-то знал, какой бардак могут устроить молодые парни в отсутствие женского пригляда. В некоторые комнаты было невозможно войти из-за разбросанных вещей, разорванных листингов от программ, порванных перфокарт, валяющихся там и сям книжек и тетрадей. Самое большое бедствие представлял обычно стол, где смирились со своей антисанитарной участью невымытые тарелки и остатки пиршества. Некоторые готовили прямо в комнате, но для этого необходимо было тщательно прятать плитку, поскольку комендантша общежития, резкая голосистая Ольга Петровна лично делала обход и реквизировала запрещенный электроприбор.

Неистребимый запах клопов особенно чувствовался после свежего воздуха улицы. Нахимов открыл форточку. Слова тёти Нади не выходили из головы. Она уверена, что Семён убит. На милицию у неё надежды нет. Что же это получается? Какой-то неопытный первокурсник сможет найти тех, кто, по её мнению, убил сына?

Александр подошел к книжной полке и насторожился. Он увидел, что порядок книг изменился. Ещё в мирной жизни, до смерти Семёна, Нахимов читал Беклемишева, и именно эта книга должна была смотреть на него лицевой стороной.

Теперь на него взирала «Термодинамика и молекулярная физика» Сивухина. Никакого беспорядка не наблюдалось, но что книги переставлены - в этом Нахимов мог поклясться. Что понадобилось неведомым вора́м? Нахимова пронзила мысль, что неизвестные охотились именно за тетрадью Весника. Нахимов извлек её из пакета. Обычная, в девяносто шесть страниц, толстая тетрадь в коричневом переплёте. Там имелись и формулы, и схемы. Семён рассказывал, что нашел кое-что новое в области квантовых вычислений, собирался для ускорения применять бозоны, говорил, что через недолгое время человечество ожидает прорыв как в области телефонов, так и в области компьютерной техники. В лабораторном корпусе физтеха располагался зал с чудовищно огромной БЭСМ-6, где студенты прогоняли задачи по программированию на «Алголе», «Фортране» и «Ассемблере». Вводили данные с перфокарт; поэтому то, что иногда говорил Семён, вызывало у Нахимова изумление. Но привыкший доверять другу во всём, он верил и в это, - только не представлял себе маленький портативный компьютер на столе, который заменит огромную БЭСМ.

...Воровство, как и клопы, имело место на физтехе. Не только высокоинтеллектуальные и высокоморальные люди учились во флагмане советской науки. Нахимов припоминал, как в первом семестре, постирав спортивный костюм и футболку, повесил их в ванном отсеке, где наличествовали пара душевых кабинок и верёвки, протянутые для сушки белья. На следующий день, полагая, что процесс испарения влаги полностью завершён, поспешил к своему отстиранному от футбольного пота инвентарю и... ничего не обнаружил. Как корова языком слизала. Да где ж теперь искать? Не пойдёшь же по всем четырём этажам, и не будешь проводить обыск. С тех пор он зарёкся вешать белье в людном месте. В комнате протянул верёвку, закрепив один её конец на вертикальной трубе отопления, а другой прищпандорив к ушку крепления книжной полки.

Но вору - это одно, а убийство - совсем другое...

Нахимов взглянул на вещи, оставшиеся после Семёна: брюки, костюм, рубашки, туфли. Тётя Надя просила раздать всё студентам, но Александр, поразмыслив, не решился. Мало ли как воспримут такое подношение. Он уложил вещи в пустые коробки от печенья, купленные за двадцать копеек у продавщицы в кондитерской в Институтском переулке, и

задвинул под кровать. Ещё оставались библиотечные книги. Их надо вернуть.

Нахимов открыл дверь и выглянул. Длинный коридор, покрытый узенькими плитками серого паркета, пустовал. Внезапно дверь одной из комнат открылась, и вышел среднего роста парень с морщинистым угреватым лицом.

- Славик Замазкин! - удивился Нахимов. - Ты что в комнате сидишь?

Тот удивился в свою очередь:

- А ты чё? В Курган не собираешься, Семёна хоронить?

- Нет, дела у меня есть.

- У меня тоже дела, - Славик загадочно улыбнулся. Показал перебинтованную ладонь. - Нагноение у меня тут, резали в двух местах, страшное дело. Сашок, я таких страхов натерпелся, если б ты только знал. Не дай Бог попасть в больницу, врагу не пожелаю. В палате с одним пенсионером лежал, тот раньше на электроламповом заводе пахал. И пошёл мне уши полоскать. При Брежневке спекуляция развилась, мол, очень сильно, тащат всё и тащат. На заводе, говорит, поставили автомат-робот, а станки старые, не успевают. Робот через определённое время отключается, а станок ещё работает. Всё, теперь надо чинить на корню.

- Удар, значит, по психике тебе, Славик, нанесли, - проговорил Нахимов. - То, чему тебя учили в школе и институте, оказывается, не совпало с реальностью. Послушай, ты не видел, кто-нибудь заходил в мою комнату? Понимаешь, кто-то у меня в книжках и тетрадках рылся. Возможно, тетрадь Семёна искал...

- В тетрадках, говоришь? - в водянистых страдальческих глазах Замазкина появился то ли страх, то ли смятение. - Про тетрадки ничего не знаю. А вот про гибель Семёна ты у Сеницына Андрюхи спроси, у него целая теория на этот счёт имеется.

- У Сеницына? - оторопел Нахимов. - Да он же псих конченный. По нему больница плачет давно горькими слезами, не дожждётся пациента.

- Не псих, а экстрасенс. Помнишь, на прошлой неделе во всей общаге свет вырубился?

- Помню, - усмехнулся Нахимов. - Не хочешь ли сказать, что это Сеницын сотворил?

- Он, - уверенно заявил Замазкин. - Сеницын может всю планету испепелить, но не хочет, потому что сам...

Что «сам», Славик не договорил, из его комнаты вдруг донёсся женский голос, жеманный и призывный.

Нахимов, оставив Славика решать не менее сложные, чем исследования абсолютно сходящихся рядов, проблемы пола, решил последовать его совету. Он запер дверь на ключ и пошёл на второй этаж в надежде застать на месте студента третьего курса Сеницына.

Нахимов постучал в дверь, но ответа не дождался. Он с досадой дернул ручку, и - о чудо, - дверь оказалась не заперта. Три койки, аккуратно застеленные покрывалами, с водружёнными на них подушками в белых наволочках, пустовали; а в дальнем углу на кровати, прикрыв глаза, лежал сам Сеницын в новеньком, как видно, дорогом спортивном костюме, и слушал музыку из магнитофона «Астра»: *«Они красят стены в коричневый цвет и пишут на крышах слова, имеют на завтрак имбирный лимон и рубль считают за два. Мне было бы лестно придти к ним домой и оказать сильней, но, чтобы стоять, я должен держаться корней».*

Сеницын смотрел на вошедшего первокурсника и ждал. Нахимов не знал, с чего начать. О хозяине комнаты рассказывали всякое; одни относились к нему насмешливо, даже презрительно, другие, как Замазкин, с уважением и скрытым опасением. Тот, зная о своей репутации среди друзей-студентов, вёл себя соответственно; глядел надменно и свысока, словно не осталось для него в жизни ни малейших тайн. Экстрасенс приехал из Самарканда, родины дервишей, магов и предсказателей. Ни одно модное поветрие не ускользало от цепких глаз Сеницына. Он начал первым:

- У меня три версии гибели Весника, ни одну из них я пока отбрасывать не могу, но тебе могу сказать лишь вот что...

Нахимов оторопел, он ещё не заикнулся о цели прихода, а его ошарашивают прямо с порога.

- Андрей, откуда ты знаешь, зачем я пришёл?

Сеницын искривил тонкие губы в подобие улыбки.

- Мне не обязательно спрашивать, космос даёт ответы сам. Ты ешь мясо, Александр?

У Нахимова отпала челюсть, так неожиданно прозвучал для него вопрос.

- Ем, да, в супе, в жарком. Бефстрогановы разные.

- А я не ем... Я просто знаю, Саша, - то, что я сейчас скажу, покажется глупым, сумасбродным.

- Нет, нет, Андрей, - поспешил заверить его Нахимов, - ты же знаешь, как глубоко я тебя уважаю...

Экстрасенс поморщился.

— Только не надо этих штучек, я-то прекрасно знаю, как ко мне народ относится. Как к чокнутому. Да, я точно не такой, как все, ну и ладно. К делу давай. Ты присядь, Саша, в ногах правды нет.

Нахимов осторожно прошёл через всю комнату, ухватил за спинку стул, выдвинул его в центр и сел, неотрывно глядя на собеседника. Тот, в свою очередь, сел на кровати, вложил ноги в уютные мягкие тапочки, приглушил БГ, просящего положить его в воду, и начал:

- Мы все знаем прекрасно, чем занимался Весник. Его интеллект и мощь мысли поразительны. Думаю, такой человеческий экземпляр встречается крайне редко. Что мне тебе рассказывать, ты лучше меня знаешь. Мне по фигу, что обо мне думает масса. Но предвижу у тебя большие неприятности, поэтому и предупредить хочу. Думаешь, это ты сам ко мне пришел?

- Нет, - честно сознался Нахимов, - Замазкин посоветовал.

- Этот таракан? Что он может посоветовать? Я тебя через него усилием воли к себе пригласил.

«Странно, - промелькнуло в голове Александра, - сам пригласил, а когда я стучался, даже не услышал».

- Так вот, Александр, повторю: ум Весника проделал такую эволюцию, что стал проникать в вещи, которые простым смертным узнавать рано. Все слышали, что в последнее время он занимался и черными дырами, и квантовыми ЭВМ. А ведь он и математик блестящий, и физик отличный. Знание этих наук, помноженное на врождённую или приобретённую гениальность, дало такой мощный синергетический эффект, что он просто не мог не подойти к открытиям вселенского масштаба. Улавливаешь, к чему я клоню?

- Нет, - признался Саша.

- Тогда слушай дальше. Возьмём Эвариста Галуа; о группах Галуа все слышаны. Гений из гениев, такие открытия совершил, даже идею римановой поверхности открыл. А умер всего в двадцать лет.

- Так он вроде на дуэли погиб? - припомнил Нахимов.

- То есть случайно, хочешь сказать? - прищурился Синицын. - Нет, милый мой, на таких великих людей случайности не распространяются. Если бы его хотели сохранить, то или от дуэли уберегли, или жребий так выпал, что Галуа стрелял бы первым. Вариантов множество! Возьми Абеля. Умер, как Лермонтов, в двадцать шесть. Об Абеле Шарль Эрмит сказал: «Нильс Абель оставил математикам столь

богатое наследие, что им будет чем заниматься в ближайшие сто пятьдесят лет». А возьми Матвея Бронштейна. Работы в области релятивистской квантовой теории, астрофизики, космологии и гравитации. К чему я клоню? Я мог бы назвать тебе ещё десяток имен молодых гениев, погибших загадочной, а зачастую излишне правдоподобной смертью. Самолет тридцатитрёхлетнего Виллема Якоба ван Стокума сбивает зенитка. Двадцатитрёхлетний Илья Усыскин погибает на стратостате. В тридцать один год величайший математик Ютака Танияма кончает жизнь самоубийством. Двадцатилетний Павел Урысон, разработывавший теории дифференциальных уравнений в бесконечномерном пространстве, тонет во время купания. Если ты сейчас скажешь, что все эти и другие случаи преждевременной смерти случайны, то упадёшь в моих глазах, Нахимов. Через несколько лет будут говорить, что двадцатидвухлетний Семён Весник, подававший большие надежды, мог столько совершить, но погиб от сердечной недостаточности. А может, его труды присвоят другие люди и выдадут за свои. Сколько таких случаев было в научном мире! Ты обратил внимание, что все эти смерти по-своему оригинальны; как будто тот, кто за ними стоит, тщательно избегает тавтологии, боясь обвинений в повторе?

- Так кто же это по-твоему? - не выдержал Нахимов. - Можешь сказать без выкрутасов, конкретно?

Синицын выждал паузу и тихо произнёс:

- Серые.

- Какие ещё серые? - удивился Александр, сбитый с толку.

Экстрасенс впери́л тёмно-синие глаза в пространство, глядя сквозь собеседника, словно что-то видя в других измерениях, и начал описывать:

- Существует бесконечное количество вселенных, но именно Серые, они с Квинтонии, на расстоянии шестидесяти восьми световых лет от Земли. Маленькие, рост около полутора метров, живут по два с половиной века. У них большие головы, тонкие хлипкие тела, высокий лоб, чёрные глаза без зрачков, носа и ушей практически не видно. Но пальцев на руках и ногах по пять, - Вселенная-то едина, числа Фибоначчи везде... Позвонок три, волос на коже нет нигде, а кожа зеленовато-серая. Оттого и Серые. Нам они кажутся уродливыми из-за того, что смещены привычные пропорции, об этом хорошо знают художники. Например, если опустить перпендикуляр со зрачка, он должен упасть

на краешек губ, тогда будет человеческая гармония и симметрия. У этих своя гармония и совершенство. Скорее всего, и мы для них выгядим неразвитыми уродцами. Жизнь для них - понятие случайное, мораль другая, принципы жизни абсолютно отличаются от земных. Они считают, что мы не видим - и не способны увидеть - истину. Мы придумали мир, который, с их точки зрения, иррационален. Перемещаются с помощью антигравитации, взлёт кораблей практически вертикальный, бесшумный. К нам добираются за время одного школьного урока, минут за сорок пять. Корабли - частые визитёры Земли. У них счёт совсем другой, Саша. Например, какое-то открытие год назад позволить рано; а уже через пару лет, например, - можно. Логику Серых мы никогда не поймём, потому что они - высшая раса. Некоторых забирают с собой, некоторых ликвидируют; делятся с людьми той информацией, которую считают необходимой. Шаг влево, шаг вправо - попытка к бегству, прыжок на месте - провокация. Мы для них, как рыбки в аквариуме, не более того. Когда какая-то рыбка, даже золотая, пропадает, рыбки лишь строят гипотезы, отчего этого произошло, но сути не видят.

- Ты это всерьёз сейчас, Андрей? Или разыгрываешь? Скажи, что шутишь, - не выдержал Нахимов.

Но Синицын не ответил на вопрос, а лишь продолжил:

- Поэтому надо осторожней, Саша, не высовываться; тише травы, ниже травы. Залезешь на минное поле, и ищи-свищи потом тебя.

Нахимов ни секунды не верил в то, что мелет Синицын, но на всякий случай спросил:

- Ты их видел, Андрей?

Тот промолчал, не желая отвечать, и сделал неопределённое движение рукой, как бы давая понять, что есть секреты. Нахимов выждал, не скажет ли ещё что неумёмный экстрасенс. Затем спросил:

- Ты говорил, что ещё две версии есть? Какие?

- Нет, Сашка, про них ничего не скажу, они мирские, и корни не в миру, а у Серых. А тебе советую забыть про всё это и не рыть. Ты ничего не изменишь, а Серым можешь не угодить. Такой мой совет как старшего.

Синицын снова лёг на кровать, словно монолог отнял у него много сил, и закрыл глаза, показывая, что аудиенция закончена. По неведомому, но существующему закону совпадения смыслов Вселенной БГ именно в этот момент начал петь: *«Видел ли ты летающую тарелку над домом сво-*

им, над крышей своей? Тарелка приносит в наш быт забвенье душевных обид, и темой для светских бесед мы обязаны ей...»

Нахимов, ошарашенный, покинул комнату экстрасенса. Он ожидал услышать от него всё, что угодно, только не рассказы про серых правителей мира, то ли прибывших с других планет, то ли всё время проживающих рядом с нами. Единственное, с чем согласился Нахимов, так это с тем, что мистический элемент в смерти Весника, несомненно, присутствовал.

*Зюзька — общежитие «Зюзино»,
Зюзя — житель общежития «Зюзино»,
Зюзенька — гостя общежития «Зюзино»,
Зюзюка — комендант общежития «Зюзино»,
Позюзюкать — приятно провести время
в общежитии «Зюзино»,
Назюзюкаться — очень хорошо позюзюкать.
Из краткого «Зюзинского толкового словаря»*

С чего начать? Непонятно. Кого спрашивать? Надо поговорить с Наташей Донченко, возможно, это что-нибудь прояснит. Честно сказать, Нахимов всегда робел при встрече с этой эффектной и умной красавицей. Она снисходила до разговоров лишь с гением Весником да наглым прожигателем жизни Евгением Бирюковым. Кроме того, Евгений являлся коренным москвичом, что наверняка в глазах провинциалки Донченко придавало тому дополнительный шарм. Москва притягивала, как магнит, всех - и девушек, и парней. Не зря в физтеховской песне со словами: *«Настанет час, сказав «пока» и, уложив багаж свой скудный, разъедемся, взгрустнув слегка, по всей земле из Долгопрудной»* - слова «по всей земле» меняли на «по всей Москве». Как говорили французы: гений рождается в провинции, а умирает в Париже. Физтехи умирать не торопились, а жить предпочитали в Москве.

Наташа, как большинство пятикурсников и шестикурсников, жила в общежитии «Зюзино» у метро «Каховская». Чтобы доехать до «Зюзьки», как ласкательно называли общежитие физтехи, надо проделать немалый путь. Нахимов накинул курточку, потому что по вечерам становилось прохладно, сунул в пакет тетрадь Семёна и двинулся в сторону платформы «Новодачная» по длинной извилистой тропинке, окруженной деревьями и кустами.

Комната Наташи - угловая. Обычно такие угловые комнаты давали семейным студентам. Остальные жили в бло-

ках, состоящих из «двушек» и «трёшек», с общими ванной и туалетом.

- Неплохо устроилась! - оценил Нахимов.

- Да, по-свойски поговорила с начальником, общий язык быстро нашли.

Нахимов не стал уточнять, как она нашла с начальником общий язык, но догадался, что без некоторых манипуляций, связанных с деньгами или предметами, пользующимися повышенным спросом, не обошлось.

Наташа подмигнула ему и сказала:

- Поселишься в «Зюзьке», научу, как и что надо будет сделать. Чувствуй себя как дома, Саша. Садись на кровать, не бойся. Думала квартиру снять, а потом поняла, что пока нет особой необходимости. На те сто рублей, что за аренду отдашь, лучше парфюмерии закупить.

Александр чувствовал себя неуверенно с этой наверняка опытной женщиной, старшей его на целых пять лет. Наташа поставила на стол пару чашек, в вазочку налила клубничного варенья и выставила тарелку с печеньем. Сама уселась на стул напротив него.

- Я с пустыми руками, - сконфузился Александр.

- Ну и ладно, - улыбнулась Наташа. - В следующий раз будешь умнее. Говори.

Нахимов отпил из маленькой чашки терпкий красноватый чай и спросил:

- Наташа, я понимаю, что тебе тяжело об этом говорить, но расскажи о последних часах жизни Семёна. Ничего необычного или странного не происходило?

Девушка внимательно взглянула на него, словно старалась прочесть что-то в голове собеседника.

- Ничего странного, всё как всегда. У меня репетиция в театре была, в главном корпусе, Женька, как обычно, по картёжным делам; а Семён очередную программу на БЭСМ обсчитывал. Возле лабораторного корпуса я их встретила, а потом мы троём в столовую пошли.

- Может, он съел там что-то не то? - попытался найти зацепку Нахимов.

- Да мы все вместе одно и то же ели. И сам подумай, несколько сотен людей через задрипанную столовую проходят, - и ничего!

- А мне нравится наша столовая. Первое - хоть борщ, хоть лапша; второе - жаркое или котлета, гарниры разные, компотик, салаты там...

- Хоть борщ, хоть лапша, - передразнила его Наташа. - Что ты вообще знаешь о жизни? О чём вы, физтехи, вообще думаете? Возьми бедного Семёна - гений, в любой другой стране он бы миллионы получал! Знаешь, как их там ценят? Да нет, тебе не объяснишь. Ты всегда варился в этой похлебке, прокис и пропах ею. За границей не был; как люди по-настоящему могут и должны жить, не знаешь. Да и Семён такой же. Ты же тоже из Кургана, я знаю. Ну, и как там жизнь? Тоже в магазинах шаром покати, а носите костюмы фабрики «Большевичка»?

- Какие-то меркантильные у тебя интересы.

- Ладно, ладно, институт закончишь, будешь получать мизерную зарплату, семью заведёшь, - потом мои слова припомнишь.

- Значит, ничего странного ты не заметила? - он помедлил немного, не решаясь спросить, но затем произнёс: - Ведь он тебя... Ты ему нравилась, правда?

Она вдруг посерьёзнела, задумалась и, глядя в сторону, сказала:

- Иногда смотришь на парня, мужчину. Всё вроде при нём: и симпатичный, и умный, и с будущим, и чувство юмора есть, - а душа не лежит. И хочешь его полюбить, а не выходит. А другой разгильдяй, выпивоха, авантюрист, а поманит, - и как собачонка за ним. Но это всё не про меня. Я сегодня одна, завтра другая... Мне тебя жалко, Нахимов, забудь про смерть Семёна. Хватит. Сама стараюсь об этом позабыть, и тебе советую. У американцев есть хорошее выражение to move on, что значит - двигаться дальше. С английским-то как у тебя? Move on, Александр. Семёна не вернёшь. И ко мне не приходи больше.

Нахимов легонько кивнул, не желая нервировать девушку. Да и не поспоришь с такой, сам дураком и останешься.

- У тебя диплом на какую тему? - спросил он, как бы давая понять, что он паинька-мальчик и хорошо воспринимает информацию.

- Новая тема появилась, мне её Семен посоветовал: распознавание образов. В Японии её раскручивают для вертолётов, но потом это везде будет. Представь, идут люди по улице, а их камера снимает и на ЭВМ изображение передаёт. Потом, подобно тому, как по отпечаткам пальцев узнают преступника, программа распознает лицо и выдаст информацию о человеке.

- Милиционеры будут рады, - меланхолично заметил Нахимов.

- Но для этого мощнейшее оборудование нужно. Семён потому и занимался поиском в этой области. Чем он только не занимался?! Да что врать: большую часть диплома мне он и написал, буквально за два часа, на коленке, можно сказать. И с вычислениями помог. Мне осталось только плакаты подготовить.

- Звучит неплохо, - согласился Нахимов. - Ученье свет, как говорится...

- А неученье - чуть свет и на работу, - закончила она.

Нахимов вышел из общежития и быстрым шагом двинулся к метро. Поезда следовали быстро. Вот он, Савеловский вокзал, который помнит все поколения физтехов - талантливых, гениальных, удачливых, энергичных, флегматичных, спортивных, музыкальных, вспыльчивых, патриотичных, космополитичных. Колёса мерно стучали. Окружная, Дегунино, Бескудниково, Лианозово... Всё, скоро можно будет вставать, приближается Новодачная.

Электропоезд, зашипев, остановился. Группа физтехов быстро пробежала перед поездом, стараясь сэкономить секунды, пока стоит электричка. Нахимов решил не торопиться, подождал, когда состав тронется, и не спеша перешел пути. Он был совершенно один на пустынной тропинке, ведущей к общежитиям; думал о Семёне, о Наташе, о Женьке Бирюкове, о непонятном загадочном Синицыне. Внезапно сзади раздались шаги. Кто-то приблизился к нему. Александр инстинктивно оглянулся, но от удара защититься не успел. Падая, он увидел лишь кружащиеся над ним ветви берёзок.

Если бы я вчера поступил на физтех, то стал бы прилежным студентом. Я бы вставал в 7 часов, делал зарядку, готовил себе завтрак и шёл учиться. Я не пропустил бы ни одного занятия. Все задания делал бы сам, и не в последний момент, а заранее. Спать я ложился бы в 22.30. Со второго курса я бы занялся научной работой, а к третьему курсу имел бы статью в научном журнале. Но я пока не сделал ничего из этого и насколько об этом не жалею.

Из физтеховского фольклора

Когда Нахимов пришел в сознание, увидел, что над ним участливо склонились два лица, показавшиеся смутно знакомыми. Так и есть: оба с кафедры философии, доценты Сергей Васильевич Ларин и Пётр Михайлович Четвертаков. Преподаватели вдвоём подняли на ноги Нахимова, постепенно приходящего в себя. На затылке его запеклась кровь.

- Молодой человек, можете идти, или сюда «скорую» вызвать? - осведомился Четвертаков.

Нахимову стало неудобно, что он отвлек столь уважаемых людей, видимо, спешащих на одну из последних электричек в Москву. Он промычал: мол, спасибо большое, я сам добежу до общаги, мне недалеко.

- Добежать-то вы добежите, - заявил Четвертаков, - только мы с Сергеем Васильевичем опасаемся, что хулиган, ударивший вас, может опять появиться. Знаете что: мы вас отведём в общежитие, там и «скорую» вызовем.

Делать нечего, пришлось смириться. Как выяснилось из разговора, доценты отпраздновали защиту кандидатской одного из коллег и по этому случаю шли в весёлом расположении духа.

- Воспользовался темнотой и скрылся, аки тать в ночи, - заметил Ларин, на ходу закуривая папиросу.

- Похоже, надо обратиться в милицию, - сказал Четвертаков.

- Думаете, есть смысл, Пётр Михайлович? - с сомнением произнес Ларин. - Ни свидетелей, никого. Вряд ли они даже примутся за поиски.

- Есть в этом странность. Молодой человек, простите, как вас зовут?

- Нахимов. Александр Нахимов.

- Вы с какого курса?

- С первого.

- Есть предположения, кто мог напасть на вас?

- Не знаю, Пётр Михайлович, долгоп какой-нибудь.

- Но с какой целью? Неужели просто ненависть к студенчеству? Такие обычно стремятся поглумиться, позадираться, выставить себя доминирующим; им важно донести своё отношение к жертве. Выходит: некто выбегает из-за кустов, бьёт первого попавшегося физтеха по голове - и убегает.

- Если бы он не услышал нашего приближения и того, как вы засвистели, Пётр Михайлович, возможно, Александр так легко бы не отделался.

- Да, неприятная ситуация. Но, судя по всему, сотрясения нет, это радует. Голову перебинтуют, и до свадьбы всё заживёт.

Они приблизились к «единичке». Ларин заметил:

- Лет тридцать назад и я жил именно в корпусе номер один. Много воды утекло.

Четвертаков с интересом огляделся вокруг; видно было, что он нечасто посещал физтеховские общежития.

Вахтёрша Вера Ивановна всплеснула руками:

- Батюшки, что случилось-то с ним?

Ларин при свете лампы внимательно осмотрел голову Нахимова.

- Кровь уже остановилась, но ещё не полностью запеклась.

Вера Ивановна водрузила на нос большие очки и попросила Нахимова наклониться.

- А, ерунда, сейчас я йодом обработаю.

Она усадила Нахимова на стул, прогнала парой крепких слов заслонявших свет доцентов, и со словами «терпи, казак, профессором будешь» обильно прижгла йодом рану. Философы ещё чуток постояли, посмотрели на уверенные действия вахтёрши, и Ларин спросил:

- Александр, что вы решили насчёт вызова милиции?

От этого обращения, как к равному, у Нахимова стало тепло в груди. Возле двоих уважаемых философов он чувствовал себя уверенно и в полной безопасности. От них исходило сияние мудрости и спокойствия.

- Большое спасибо вам, но, наверное, не буду звонить.

Преподаватели переглянулись, как бы взвешивая слова студента, но ничего не сказали. Это не семинар и не экзамен, где решающий вывод принадлежит им. Нахимов же чувствовал, что чего-то не хватало. Во время потери сознания, в пылу волнений и последующей суматохи, он совсем забыл про пакет с тетрадью. Его не было! Одно из двух: либо он обронил во время драки, либо это хулиган забрал. Странно, кошелек с десятью рублями не забрал, а десятикопеечный пакет с тетрадью почему-то ему приглянулся...

Изучая метод Гамильтона-Якоби-Беллмана, трудно удержаться от сожаления, что придумал его не ты.

Из лекции на физтехе

Онастакиздел этот край, и заепало все до жопы, пора домой, в домашний рай, пора уёпывать в Долгону.

Фольклор

Шёл одиннадцатый час вечера или, скорее, ночи. Но для физтехов - самый разгар студенческой жизни. Кто-то возвращался из читалки, где, обложившись толстыми учебниками, усиленно готовился к зачётам, кто-то совершал вечернюю пробежку. В концертном зале закончилось меро-

приятие, и со стороны учебных корпусов повалила куча народа. Нахимов и Бирюков шли молча.

- Я её с первого курса полюбил, - сказал Бирюков, и Александр внутренне собрался, насторожился. Евгений продолжил: - Красивая, умная, стройная, чувство юмора, даже одевается хорошо. Как не влюбиться? Мы же тут девушек мало видим. Приезжают к нам на дискотеки студентки из разных институтов: культуры, медицинского, педагогического, - не то это всё. А она всё время рядом, на лекции, на семинаре, на дне рождения, даже на картошке. Вот и втюрился. На третьем курсе пошёл в читалку, книг набрал, уселся у окна, читаю, задачки решаю. Потом вдруг посмотрел: и она там сидит, в том же ряду, только с другой стороны, через проход, тоже возле окна. На улице весна, листочки распустились, птицы поют. А мы сидим, как дураки, к зачёту готовимся.

Бирюков замолчал. Они стояли возле корпуса номер три. Во всех окнах горел свет. Кто-то решал задачи, кто-то играл на гитаре, а в некоторых комнатах, подобно заговорщикам, запирали двери и расписывали «пульку».

- А дальше? Ты подошёл к ней? - не выдержал Нахимов.

- Нет, не подошёл. Видел же, что она смотрит на меня, а не подошёл. Встал, собрал книги, молча кивнул ей и пошёл на выход. Книги сдал и сел на первом этаже, напротив стенда с членами Политбюро. А в концертном зале хор репетирует, и так красиво поют. Вдруг смотрю, она ко мне подходит. А я сижу. «Позанимался?» - спрашивает. «Да», - говорю. Она ещё постояла немного, и ушла, грустная.

- А ты?

- Так и остался сидеть.

- Женя, мне кажется, она тебя любила тогда.

Бирюков зло махнул рукой.

- В том-то и дело, что нет! Кто я такой, чтобы меня любить?! На мне уже тогда клеймо разгвоздя висело. А я ведь олимпиады выигрывал, такие задачки решал, что только одному Семёну под силу были. Как там у Хайяма: *«Если б я властелином судьбы своей стал, я бы всю её заново перелистал, и безжалостно вычеркнув скорбные строки, головою от радости небо достал!»* Сашка, будешь Хайяма читать, бери перевод только Германа Плисецкого. Остальные не вштыривают. А в читалку я пошел не учиться даже, как теперь понимаю, а на неё лишний раз взглянуть; подсознательно влекло. Каждый день случайно встречались, но за-

говорить с ней о своих чувствах не мог. Нет, Семёна она всегда любила и хотела. А вот здесь облом и произошёл.

- В чём же облом?

- Ты и сам знаешь. Самая любимая женщина Семёна - наука, и он ей никогда не изменял, даже с красивыми девушками наподобие Наташки.

Из открытого окна четвёртого этажа вылетела тарелка и со звоном разбилась на тротуаре. За ней последовала и другая. Товарищи отошли в сторону. От подгулявших студентов ожидать можно чего угодно. Снова раздался бой посуды, на этот раз уже в комнате, затем всё затихло. Окно захлопнули, оборвав фразу «Уймись, Колян, заи...!» на самой задушевной ноте.

- В тот день мы случайно встретились. Любовный треугольник произвольной формы, где моя сторона - самая безнадежная. Я люблю Наташку, она Семёна, а Семён - науку. Но при этом все друзья, хорошо общаемся, подкалываем друг друга. Все голодные были, с утра не жрали. Семён вообще есть забывал, святым духом питался. Поклюёт что-нибудь, и сыт весь белый день. Я в физтеховской столовой давно не обедал, всё дома или по кабакам. Наташка тоже предпочитает сама готовить. А тут решили вспомнить молодость, младшие курсы. Поднялись на третий этаж. Ну, там обычный галдёж. И мы троём в очередь встали. У каждого поднос. Наташка впереди, за ней Семён, я замыкаю. Как всегда, без очереди студенты лезут. Один из группы займет, и все потом перед ним подстраиваются.

Наташка первая свободное место отыскала и оттуда помахала нам. И мы все три подноса взгромоздили на стол. Тут Наташа села и говорит: «Столько лет сладкого не ела. Хотела же кекс взять - и забыла!» Семён, как джентльмен, отодвинул стул и пошёл за кексом. А Наташа за большой ложкой потянулась, хотела протереть - и вдруг на пол уронила. Тут я джентльмена из себя строить начинаю: «Сейчас я, Таша, ложку тебе чистую принесу, а ты, если хочешь, мою пока возьми. Я ещё не прикасался к ней». Она сидит, улыбается, но ложку мою не берёт. Иду я за чистой ложкой, вижу Семёна; я инстинктивно обернулся, и в этот момент увидел...

Бирюков замолчал.

- Что ты увидел, Женя? - почти вкрадчиво произнёс Нахимов.

- Увидел, Саша, что в руке у неё какой-то пузырёк или флакончик, и она накапала его содержимое в тарелку с

борщом Семёна, - на выдохе произнес Бирюков. И, испугавшись собственных слов, замолчал. Видно было, что сказанная вслух фраза поразила его самого своей фантастической нелепостью.

- Я думал, что показалось. Успокаивал себя мыслью, что глаза подвели меня, и она просто посолила борщ Семёна. Хотя это выглядело тупым объяснением. Я взял ложку и вернулся к столу. За мной подошёл и Семен с блюдечком, на котором лежал кекс. Я всё порывался спросить у Наташки, не примерещилось ли мне, но что-то остановило. Побоялся, не высмеет ли она меня. Тем более, что я всю ночь играл в преф, пил, толком не выспался. Боялся, что она скажет: «Ты скоро до белочки допьёшься, Жека!». А Наташка может так высмеять, что потом долго будешь ходить как оплётанный.

Нахимов так и застыл с разинутым ртом.

- Подожди, Женя, - наконец выдавил он. - По твоим словам, Наташа вылила какую-то жидкость в борщ Семёна. Но зачем?

- Если б я знал, Саша, - устало ответил Бирюков, - если бы я знал.

- Ты Наташу спрашивал об этом? — сказал Нахимов, когда Евгений замолчал.

- Нет, что-то страшно мне стало, понимаешь. Я же люблю эту дуру. А тут она твоего лучшего друга, считай, убила. Как я к ней с этим подойду? Не могу смотреть на неё даже. Видеть пока не могу. В запой опять ушёл и в карты. А мы же на майские праздники в Крым планировали поехать, по пещерам лазить. Билеты купили, провиантом запаслись. И тут такое...

Решение созрело в голове Нахимова мгновенно. Бирюков, действительно, не обманул. Его информация была ясной и конкретной. Отравительница, несмотря на отсутствие всяких тому медицинских подтверждений, - Наталья. Зачем она это сделала - уже другой вопрос.

- Евгений, а за что тебя Семён ударил? – задал Нахимов ещё один животрепещущий вопрос.

Бирюков поморщился.

- Донесли уже? В мстители меня записали? Плюнь на это и разотри, Саша. Матюгнулся в присутствии Наташи тогда, а Семену показалось, что я её обозвал. Сам знаешь, как он к мату относился. А мы же на физтехе матом не ругаемся, мы на нём разговариваем. Он подумал, что я Наташку так выругал, ну и приложил меня.

- А ты?

- А что я? Кто он, а кто я?! Утёрся. Я от него любое унижение мог снести. Но - только от него!

- Понятно, - только и осталось пробормотать Нахимову.

- Понятно ему, - усмехнулся Евгений. - А Наташка ведь за солёным словечком тоже в карман не полезет. Это она при Семёне тихую овечку из себя строила. Будет надо, так тебя приложит, что и сам дар речи потеряешь.

Они стояли на углу Первомайской и Институтского переулка. И улица, и переулок пустовали. Только изредка проходила влюбленная парочка, да какой-нибудь физтех, раздумывающий о постоянной Планке или теореме Пуанкаре, и никого вокруг не замечающий, нарезал ночной кросс, тяжело дыша и сопя.

Нахимов рассказал про бесследно пропавшую тетрадь. Бирюков, не прерывая, выслушал его, а потом задумался.

- Что-то мне это, Саша, всё меньше начинает нравиться.

- Мне тоже, - ответил тот. - Послушай, Евгений: то, что ты рассказал про Наталью, не вписывается ни в какие рамки. Надо бы проверить сначала. Хочу снова с ней поговорить, раз ты даже видеть её не хочешь.

Бирюков снова задумался. Затем полез во внутренний карман и извлёк оттуда железнодорожный билет, но отдавать Нахимову не спешил. Нахимов не стал слушать наставлений и вразумлений, потому что видел, как колеблется Евгений. Он просто выхватил билет и спрятал в свой карман.

- Всё, Женя, забыли. Это теперь моя ответственность. Ты всё равно ничего от неё не добьешься; она тебя высмеет, запутает, окутает своими чарами, и ты будешь лапшу с ушей снимать.

- Ну, а ты что? - усмехнулся Бирюков. - Броня у тебя есть, или как?

- Броня не броня, а чувств к ней у меня никаких нет. Надавлю на неё, и признается.

Бирюков открыто засмеялся.

- Эх, Сашка, Сашка, зелёный ты ещё совсем юнец. Я ведь почему не хочу её видеть? Да боюсь, что как только начнет мне врать, задушить её могу! У меня такое бывает, ярость какая-то, остервенение находит. Могу обругать человека, избить, а на следующий день отхожу. Бегаю за ним, прощения прошу. А тут, может быть, и прощения не у кого будет потом просить. А вот женщину ты никогда не обманешь, они к природе ближе. У них инстинкты звериные. Ло-

гикой не взять. И в милицию не обратишься. Доказательств-то никаких. Да никто и не будет расследовать, потому что смерть для них наступила по естественным причинам.

- Значит, самим надо вместо милиции поработать, Женя. Я же матери Семена обещал.

- Обещал он, - буркнул Бирюков. - Обещалкин!

- Только я по пещерам ещё не лазил никогда. Абсолютно никаких навыков.

- Ладно, не ссы раньше времени. Будь осторожней и сохраняй спокойствие. Это в любом деле пригодится. Поезд в час пятьдесят, на такси поедем. Сейчас зайдём к Мирону, там у него в комнате мой рюкзак со «снарягой» и консервами лежит. Я тебе покажу, как узлы веревки правильно вязать, а остальное на месте узнаешь...

Двое летят на воздушном шаре над незнакомой местностью.

Внизу, на холме, мужик сидит. Ну, они его и спрашивают:

- Уважаемый, скажите, где мы сейчас находимся?

Уважаемый подумал и говорит:

- На воздушном шаре.

Эти двое летят дальше, а потом один говорит другому:

- Этот человек стопроцентно математик.

- Почему ты так думаешь?

- Ну, во-первых, прежде, чем ответить, он подумал. Во-вторых он сказал абсолютную истину. А в-третьих, эта истина никому не нужна.

Физтеховский анекдот

В вагонах ехали физтехи-спелеологи, и среди них - главная подозреваемая в гибели его друга. Нахимов искать её пока не торопился, памятуя, что спешка нужна только при ловле блох, повторяя слова мичмана из анекдота про подводную лодку, лежащую на грунте: «- Сидоров! - Да здесь я, здесь! - А куда ты денешься с подводной лодки?!» «- Донченко! - Да здесь я, здесь!» Он ещё не научился ненавидеть, а в особенности девушек. Умом понимал, какая она жестокая тварь, но сердцем - нет. Дай ему в руки пистолет и позволь убить преступницу - наверняка не сумел бы. Это не из автомата Калашникова по мишеням стрелять в школе на военной подготовке. Через полигоны проходит каждый юноша. Только гранату кидать не позволил старший лейтенант. «Вам гранату в руки дай, вы тут и меня подорвёте!»

Мысли Нахимова занимала Наташа. Вместо того, чтобы размышлять, за что она погубила Семёна, он думал о том, как же она красива. Или дело в том, что Наташа Донченко -

физтешка? Есть безумное очарование в девушке, сидящей над листком бумаги и выводящей уравнения Максвелла или вычисляющей гамильтониан. Хотя, с другой стороны, и жалко. Нахимов вспомнил, как один профессор-физик, когда к нему на экзамен пришла студентка с животом, выкрикнул: «Я у беременных экзамен не принимаю!», поставил «пять» и отправил домой. В том и дело, что предназначение женщины - давать жизнь другим, а как сюда вписываются тензоры и волновые функции? И всё равно, девушки идут в физику и математику, как мотыльки летят на пламя беспощадной свечи. Нахимов уже понимал, что достичь выдающихся успехов в науке можно лишь путём полного отрешения от всего. Так делал Семён, который просто жил наукой. Даже когда играл в волейбол, мысль его постоянно работала. Он мог за обеденным столом достать ручку и листок, чтобы занести туда пришедшую мысль. Но чаще он носил с собою тетрадь, которую у растяпы Нахимова умыкнул неизвестный.

Наташа, Наташа... Бирюков говорит, что она из столовой вышла радостная, как будто получила «пять» на экзамене по общей физике. С чего бы ей радоваться? Отравила любимого человека и счастлива от исполненной миссии? Вот и Бирюков говорил, что никак не стыкуется это...

В автобусе все сидели по двое, кроме Севы, - ему пары не досталось. Заняли четыре ряда. Понятно, что Валера сидел со своей Мариной, Гриша с Леной, а Володя с Катей. Здесь иных раскладов не предвиделось. Резо беседовал с Кайратом, вместе они зашли в автобус и рядом же сели. Когда Наташа села у окна, туда же юркнул и нахальный Глеб, явно положивший на нее глаз. Глеб этот был шестикурсником с ФАКИ, рослый, слегка полноватый, но пышущий энергией здоровяк, горбоносый, с крутым лбом и пухлыми губами. Реденькие волосы он зачёсывал набок. Одень его в рясу, - и вылитый монах ордена иезуитов, правда, пустившийся во все тяжкие. Вот и сейчас он нагло подкатывал к Наташе, зная, что она как бы свободна. Семена - нет, Бирюков - слился. Значит, надо попробовать и свои маленькие, но все-таки шансы. Действовал он аккуратно, не спеша, не перегибая палку, как опытный Дон Жуан в католическом монастыре. Завёл разговоры про крымские пещеры, притворился, что всё время путает сталактиты со сталагмитами. Наташа призналась, что тоже не могла запомнить, и пришлось использовать метод ассоциаций.

- Дурацкий, правда, метод, но для меня работает.

- Какой же? - искренне заинтересовался Глеб.
- Сталактит - сверху, напоминает слово потолок, сталак - потолок. Так запомнила.
- Но ведь сталагмит - тоже сталаг.
- Нет, разница есть, там буква «г».
- Сложненько, - признался Глеб.
- Не сложнее квантовой физики, - улыбнулась Наташа, и какой-то лёд между ними был подтоплен. Хитрый Глеб решил придерживаться такой вот тактики - постепенности, но неуклонности. Валуцкий же считал себя обязанным позаботиться о самом младшем члене группы, как бы взял над ним шефство. Поэтому сел рядом с ним и стал рассказывать о некоторых аспектах науки спелеологии. Пристроившийся за Валуцким и Нахимовым Сева остался один и недовольно озирался по сторонам.

Валуцкий собрал физтехов недалеко от стоянки, окинул взглядом, все ли на месте, и на всякий случай пересчитал.

- Сейчас у нас намечается небольшой марш-бросок на плато Караби-яйла. В переводе с татарского «караби» - чёрный паук. Понятно, что надо быть осторожными? Можно и на тарантула нарваться, и на ядовитую змею, и на бешеную лису. Однако паниковать не стоит. Не зря говорят: трус умирает дважды. А нам помирать и вовсе рановато. Будем идти не спеша, чтоб никто не отстал. Получаем от ходьбы удовольствие, любимся пейзажами, запасаемся впечатлениями. Вопросы есть?

Вопросов не имелось, и пятнадцать человек выдвинулись на марш.

Бог сотворил нас по своему образу и подобию. Но откуда уверенность, что он работал в реалистической манере?

Станислав Ежи Лец

Глаза понемногу привыкли к темноте палатки. Снаружи слышались голоса ребят, выкрики преферансистов, уханье каких-то ночных птиц, облетающих свои владения на Караби-яйле.

- Я в первый раз с Семёном поехала в пещеры. Он меня и научил всему: как по верёвке лазать, как спускаться; даже навеску могу сама, если надо, укрепить. Он же мастер на все руки, и обучал хорошо, даже лучше, чем Валера. Тот, я знаю, Семёну подражает, даже интонации перенял.

Нахимов порывался спросить: «а что же тогда случилось в столовой?», но решил подождать. Ночь впереди длинная.

- В него невозможно было не влюбиться. Все наши девушки по нему с ума сходили. Красавцем нельзя назвать, но симпатичным - да. Плюс обаяние и интеллект, манеры обхождения. Любую трудную задачу объяснит на пальцах. На семинарах его даже профессора побаивались. Но при этом ужасно скромный. Помню, однокурсник Захар ещё на первом курсе услышал, как кто-то пожаловался, что не смог понять трудную тему на лекции. Так он и похвастался: «А я пришёл домой, прочёл один раз и - сразу просёк». Тогда Семён с такой непередаваемой иронией замечает: «Как хорошо, что в Советском Союзе есть такой Захар!» Сам ведь он никогда не хвастался, а потому и знал много. Это, между прочим, связано друг с другом. Чем меньше хвастаешь, тем больше знаешь... Захар клёвый парень, просто молодой был. А Семён уже в школе, кажется, повзрослел.

В палатке становилось всё теплее. Нахимов подумал, что зря он лёг в штормовке, надо бы снять. Повернулся на бок и начал стаскивать с себя рукав. Случайно задел Наташу, и та засмеялась.

- Поаккуратней тут, не в апартаментах находимся... Что тебе Бирюков там напел? - вдруг без всякого перехода спросила она, и в голосе её Нахимов услышал жёсткие нотки.

Александр замер, не зная, как подойти к щекотливому вопросу.

- Вы же вместе, втроём в столовую ходили, перед смертью Семёна, - он выделит слова «перед смертью Семёна», чтобы немного придавить её агрессивный пыл. А она легко могла вспылить, закрыться, - а потом жди опять удобного случая для разговора.

- Ну. и?.. - нетерпеливо произнесла Наташа.

- Женя говорит, что вы сели за один столик, но потом ты уронила ложку и послала за ней Бирюкова, а Семён отправился за творожным кексом. Говорит, тебе десерта захотелось.

- Без него знаю, что мне захотелось, - перебила девушка. - Дальше?

- А дальше - больше, - вздохнул Нахимов. - Бирюков оглянулся и увидел...

Нахимов сделал паузу. Ему самому не верилось в то, что это было возможно. Вдруг Бирюков действительно напугал.

Сам же твердил, что не спал несколько дней, играл в преферанс да беспробудно пил.

- Что увидел? - не унималась Наталья. Ей, похоже, надо было знать наверняка, какой информацией владеет первокурсник. То, что рассказал Бирюков, показалось теперь туманным и неправдоподобным. «Сейчас она поднимет меня на смех», - подумал Александр. И быстро произнёс:

- Евгений увидел, как ты подлила какую-то жидкость в тарелку Семена. Точнее, в его борщ.

«Зачем добавил про борщ?» Нахимов ждал реакции девушки. Смеха не последовало. Уже радуется. Сейчас просто скажет: «Дебил твой Бирюков, с пьяных глаз ему примерещилось». И ведь он не найдёт, чем на это крыть. Её слово - против слова спивающегося преферансиста - будет весить куда больше!

Наташа тихо сказала, без всякой агрессии и вызова:

- Правильно всё увидел твой Бирюков. Я действительно накапала кое-что Семёну в борщ в нашей столовой.

Нахимов похолодел. Сердце застучало так сильно, что он начал слышать удары даже через толстую ткань спального мешка. Или это стучит жилка в виске? Признание убийцы? Но ведь еще пять минут назад он практически поверил в то, что она невиновна.

- Я, Наташа, не прокурор и не следователь. Спасибо за правду. Значит, ты признаёшься, что отравила Семёна? Но за что? Ты же любила его!

Девушка вдруг нащупала в темноте руку Нахимова и сжала в своей. Ладонь её оказалась горячей. Александр вздрогнул. Соблазняет? Хочет привлечь на свою сторону? Мысли бегали в его голове, как голодные тараканы в комнате в ожидании удара тапка от безжалостного студента. Он чувствовал странную апатию. Вот она, убийца, рядом; а он вместо того, чтобы выбежать наружу и закричать: «Я нашёл убийцу Семёна!», продолжает лежать неподвижным кулём и бездействовать.

- Ты думаешь, только тебе сложно? Мне в тысячу, миллион раз сложнее! Ты это понимаешь?

Она повернулась на бок, и горячее дыхание обожгло ему лицо. Нахимов мог поклясться, что увидел, как в темноте сверкнули её глаза, наполненные яростью и гневом.

- Меня-то хоть кто-нибудь пожалеет? Только родители, и всё. Больше я никому не нужна. У тебя есть родители? - спросила она.

Нахимов замешкался.

- Нет, отец и мать погибли, когда я был малышом. Бабушка меня воспитала.

Наташа замолчала.

- Извини, не знала.

- Ничего, я привык жить без родителей.

Девушка помедлила, а потом произнесла:

- Семёна я не убивала. Та жидкость, которую я накапала ему в тарелку, не яд, не отравка. Ничего опасного из себя она не представляла.

Нахимов ничего не понимал.

- Что же это?

Он почувствовал, как она улыбнулась.

- Ты молодой ещё, не поймёшь, смеяться будешь.

Александр сжал её руку.

- Не буду, говори. Как я могу смеяться, когда случилось такое?

- Ты, кроме формул, Нахимов, знаешь хоть что-нибудь о жизни? С девушкой хоть раз целовался?

Он покраснел.

- А что про вас знать? Дуры вы все.

Наташа засмеялась.

- Далеко не все дуры. Но я та еще дура, ты стопроцентно прав.

- Я не в том смысле, - начал оправдываться Нахимов, но она прервала его.

- А я в том...

Снова замолчала. Нахимов ждал.

- Про женский организм что-нибудь слышал? Во дворе, может, чего объясняли, или нет?

Наташа постепенно сама превращалась в следователя, а он тогда кто? Подсудимый?

- Так, немного.

- Ладно, не буду с тобой в кошки-мышки играть, - сказала Наташа, и Нахимов почувствовал, что слова ей даются с трудом. - Короче, Саша, дура я и есть дура. Мне кто-то сказал, что если кровь месячных подлить в еду мужчины, то он наверняка тебя полюбит больше жизни.

Сказала, словно головой в колодец прыгнула. У Нахимова отвисла челюсть. Наташа и это почувствовала, шутиливо ударила его ладонью по подбородку.

- Муха залетит, рот-то закрой!

Но Александр продолжал пребывать в оцепенении и долго не мог произнести ни слова. Ему и так было жарко в душном спальнике, а теперь стало ещё жарче. Конечно, он

думал о том, что могла подлить Наташа в тарелку Семёна? Перебирал множество вариантов: от жуткого смертоносного яда кураре до безобидного снотворного. Только зачем снотворное? Задачу эту он решить так и не сумел, а теперь Наташа, как добренькая последняя страничка задачника, подсовывает такой ответ, какой он вообразить не в состоянии был. Даже подогнать решение никак не получалось! Он лежал, не зная, что и сказать. Наконец одними губами ему удалось выдать:

- Но зачем?

Наташа, уже освободившаяся от своей странной и в прямом смысле головокружительной тайны, пришла в обычное состояние хладнокровия и высокомерия.

- Сказала же: чтобы Семёна влюбить в себя!

- Но как в это можно верить? Тем более тебе. Ты же физтешка!

Наташа усмехнулась:

- В том и дело, что физтешка, а не физтех. Когда женщина влюблена и хочет взаимности, она во всякую ерунду поверит. Подрастёшь - поймёшь.

На этот раз намёк на его юный возраст Александра несколько не задел, настолько чудовищными прозвучали слова Натальи. Нахимову хотелось выбежать из палатки, побежать по Караби-яйле и завывать волком. Наконец, он успокоился и спросил:

- От этого разве мог Семён умереть?

Наташа помолчала и ответила:

- Нет, конечно, нет; какое-то совершенно чудовищное совпадение. Думаешь, я сама себя не винила? Иной раз думала, что, может, действительно, кровь моя отравой оказалась. Нет, никаким образом! Мы же с Семёном целовались, и моя слюна ничего ему не причинила.

Девушка осеклась, чувствуя, что начала затрагивать слишком интимные вещи. Но ей хотелось оправдаться перед этим первокурсником; слишком долгое время чувствовала она, что находилась у него на страшном подозрении.

- Это же только моя кровь, пусть и из такого места. Хотя и говорится у Гёте: «Кровь - сок совсем особенного свойства», но что в ней может быть ядовитого?

Нахимов помнил, что Наташа блистала в физтеховском театре, играя роли красивых женщин. Отсюда и цитата. Во время её рассказа он то краснел, то бледнел, ибо в первый раз обсуждал щекотливые темы с девушкой. В любом случае, он удостоверился в главном: Наташа никоим образом

не хотела погубить Семёна. Наоборот, влюбить, приворожить к себе. И так совпало, что в результате её действий Весник случайно погибает. Нет, здесь не может быть случайностей. Каким-то боком поступок девушки связан и со смертью Семёна. Но каким?

- А Сева знает что-нибудь обо этом? — спросил Нахимов, желая отойти от физиологических подробностей. От мысли об этом его начинало слегка мутить. Зачем такое вообще рассказывать? Нет, знать это следовало, но хотелось поскорей забыть и не вспоминать больше никогда.

- Я ему никогда об этом не говорила. Но он ведёт себя так, как будто всё знает.

Наташа помедлила, как бы раздумывая, сказать или нет.

- Да ты и так, наверное, знаешь. Слышал, что он стукач?

Нахимов кивнул. Они уже и в темноте различали жесты друг друга.

- На первый отдел, то есть на КГБ работает. Работёнка простая: слушать, что ребята между собой говорят и в блокнотик записывать. Потом отчёт, куда надо, отправлять. За это ему кое-какие коврижки полагаются. На прегрешения сквозь пальцы могут посмотреть, на неуспеваемость, и даже протолкнуть могут на тёпленькое местечко. Из таких ведь и вербуют обычно. Например, напился парень, отчислить хотят, - а тут приглашают в первый отдел, обещают инцидент замять, а за это от него маленькие услуги ожидают, в благодарность. Есть и те, кто соглашается. Уж очень заманчивое предложение.

- Знаю я, как это происходит, - сказал Нахимов, Наташа усмехнулась.

- Методика отработанная, проверенная годами, опыт огромный; зачем, спрашивается, менять? Так, видать, во всех спецслужбах мира практикуется.

- А о чём вы всё время с ним шептались, даже в поезде? - поинтересовался Нахимов.

- Что-то выпытывал всё время. О тебе тоже спрашивал. Да всё намёками разговаривал. Он ведь в последний момент в поход собрался. И билет в другой вагон купил, но на хорошее место. Так что пассажир с бокового места в нашем вагоне поменялся с ним за милую душу... Да, теперь всё стыкуется. Знал, получается, он о столовой. А меня всё вопросами терзал, что да как. И главное, так хитро спрашивает, что послать его подальше нельзя. Знаю же, откуда он, и боязнь какая-то во мне. Диплом на носу, кому нужны непри-

ятности? А потом я, дура, сказала ему, что ты интересуешься этим делом. Тут он вообще будто с дуба рухнул.

- Значит, он не хотел, чтобы ты рассказала кому-нибудь о случае в столовой? А сам и ведать не ведал, что произошло? - спросил Нахимов.

- Получается, что ведал. Просто не хотел со мной это обсуждать.

- Значит, для кого-то очень важно то, чтобы ты никому не рассказала об этой крови.

- Не дура, понимаю. Только к отравлению она никакого отношения не имеет. Сама голову ломаю. Все дни после смерти Семёна голова кругом идёт. Я себя винила. С Семёном заранее договорилась. Тут Женька Бирюков откуда-то взялся, а Семён программу прогонял в лабораторном корпусе. Женька всегда откуда-то вылезает; следит за мной, что ли?

- Он же любит тебя, - тихо заметил Нахимов.

- Любит! - презрительно ответила Наташа. - Разве так любят? Если бы любил, как ты говоришь, в карты бы не играл, меньше пил и базу не прогуливал!

- Так он из-за любви постоянно в депрессии; и водка с вином отсюда.

- Значит, я виновата? Что я, с пистолетом в руке над ним стою и заставляю всё это вытворять? Саша, не выгораживай приятеля.

- Он мне не приятель, но человек, я уверен, хороший. Знаешь, он ведь мне рассказал, почему с тобой не поехал.

- Представляю, - пробормотала Наташа, - наверное, всяких ужасов наговорил про меня?

- Нет, - соврал Нахимов. - Ну, немного... Ведь он сомневался, думал, может, померещилось или после бессонной ночи глюки пошли. Сказал, что могла высмеять его за такие подозрения, да так, что мало не показалось бы.

- Прав, - спокойно согласилась девушка. - Так и было бы. Я бы лично ему, Бирюкову, ни за что бы не призналась, ещё бы морально уничтожила. До конца жизни трезвым бы ходил!

Наташа замолчала. Нахимов молчал тоже. Та, которую и он, и Бирюков подозревали столько времени, оказалась чиста, как слеза младенца. Оставался Сева, страшный и непонятный человек. Судя по словам Наташи, он не хотел, чтобы она рассказывала кому бы то ни было о своём поступке в столовой. Если бы ему удалось, он бы просто убил Наташу в пещере, выдав всё за несчастный случай. Сева хотел, чтобы тайна Наташи умерла вместе с ней. Но теперь Александр это узнал, значит... Значит, теперь и его жизнь находится в большой опасности!

История о доблестном Ровшане и правдивой Сиддике (журнальный вариант)

*Все ложь, вопросы роковые задающий.
Из пасти тянется жестокий смрад.
Несчастливым каждый станет,
Словам твоим внимавший.
Исчезнет вера и погибнет фэриште¹
Шах Исмаил Сефевизи*

- Аллах великий, куда это мы попали? - Каменщик Осман оглядывался, дрожа всем телом. - Поднялся на пригорок, там тоже везде трупы. И что за страшный холод охватил мир? Неужто скатились в преддверие дома Иблиса? Жаль кроткие души наши. Смерть пришла!

- Не мели попусту языком. - Фируз-ага крепко вцепился в поводья осла, мотавшего головой. - Какое бы ни было страшное место, все же не переселились в царство мертвых. А будем слушать трусливые речи, так погибнем скорее. И семьи останутся без главы. Возьми себя в руки... Где Джафар?

- Пошел разведать, что к чему.

Горстка людей, затерянных в бескрайней степи, была подобна песчинке. И солнечный луч не проходил сквозь свинцовое небо; из близлежащих оврагов слоями поднимался душливый туман. Из густого тумана послышались торопливые шаги. Прошло несколько томительных мгновений - и показался кузнец Джафар, бежавший к маленькому каравану. Вид Джафара был страшен: он трепетал всем телом, словно безумный, сузившиеся зрачки его были устремлены в пустоту.

- Фируз-ага, ужас! - Окладистая борода Джафара ходила ходуном. - Трупы рассыпаны по всей равнине. Грудь женщин вырезана, лица мужчин разбиты, словно глиняные сосуды, глаза вырваны. Такие невысказанные вещи не сдела-

¹ Фэриште (перс. فرشته), она же фраваша — ангельская сущность в зороастрийской мифологии, часто играющая роль психопомпы (проводницы душ). Имеет вид невинной стыдливой девушки-воительницы с узкими пестрыми кормилами, бдительно охраняющей свое земное отражение от мерзости.

ет и полчище диких маджуджей. Не пожалели даже грудных младенцев, я видел их разорванные тела. То дела дьяволовы! Куда податься, как спастись от когтей тьмы?

- Кто они? К какому племени принадлежат эти несчастные?

- Ничего не знаю. Нынче в краю выблядков пес не хочет признать хозяина. Кто знает, какой палач содейл это зверство? Умоляю, скорее бежим. Может, счастье будет нам сопутствовать. Аллах велик! Слышите? Это адский посланник с нетопырьими крыльями прилетел забрать невинные души наши!

Вдали стремительно распространялся странный режущий звук, схожий с сухим стрекотанием крыл пустынной саранчи. Услышав это знамение, люди Города распростерлись на земле и стали торопливо молиться. Лишь Фируз-ага сохранил бодрость духа. Через некоторое время, схожее с вечностью, звук стал слабеть, затем полностью растворился в пространстве. Старик позвал друзей тихим голосом:

- Дорогие братья, вставайте. Чем бы ни было это существо, оно улетело. Мы должны идти. У нас нет другого выхода. Ежели останемся здесь, смерть рано или поздно найдет нас. Вставайте, вставайте! Во имя Аллаха!

Мастера стали подниматься, оглядываясь в великом страхе. Фируз-ага, вцепившись в узду осла, твердо повел людей навстречу судьбе.

Путешествие сквозь седьмой круг ледяной пропасти продолжалось без конца. Потрясенные мастера тихо шли, опустив головы. Внезапно Фируз-ага остановил караван, подняв руку.

- Кажется, туман рассеивается. Гляньте! Воздух стал теплеть.

- Воистину, Фируз-ага правду говорит. - Вынырнувший из тумана Джафар нерешительно сделал несколько шагов. - Смотрите... Проглянули небеса!

Объятые радостью, странники торопливо шли к свету. Фируз-ага позвал подмастерье и передал ему поводья своего серого. Осман заметил, как старый мастер снова пошел во влажную трясиину, и растерянно позвал:

- Куда ты? Неужто в тумане что-то есть?

- Не двигайся. - Повернувшись, Фируз-ага помахал рукой. - Буду возвращаться, укажешь путь.

Туман съедал все звуки. Фируз-ага сделал несколько шагов и стал внимательно всматриваться в тьму. Может, показалось? Наконец, почувствовав едва заметное движение,

он подошел к трупу молодой женщины. К заледеневшему остову прильнула дрожащая маленькая тень. Он опустился на колени и перевернул на спину девочку, чьи кудри смешались с черными длинными волосами погибшей матери. Тельце девочки было совсем легким. Она заплакала.

Огромная фигура Османа возникла на его пути внезапно. Прервав ненужные расспросы резким движением руки, Фируз-ага повел друга в сторону прорывавшихся в сумеречное царство светлых лучей. Мгновение - и они вырвались из липких объятий тумана на свободу.

Все хотели взглянуть на странную находку. Дрожащая девочка уткнула лицо в плечо старика. Наконец, Джафар нетерпеливо спросил:

- Кто это, шейх? Что за добычу принес ты из долины смертной тени? Аллах знает, что за чудовище прячется в ее теле...

Фируз-ага осторожно погладил волосы девочки и ответил хриплым голосом:

- Опять ты мелешь чепуху. Стыдись! Это просто ребенок. Дитя человеческое. Понял?

Ночные стражники уже стали обходить улицы Города. Кюбра-хатун¹ тревожно ожидала мужа в эндеруне. Когда же раздался знакомый скрип старых ворот, бросилась наружу. Бледный Фируз-ага стоял на пороге, прижимая к груди тяжелый сверток. Женщина пораженно застыла на месте. Затем прошептала робко:

- Муж мой, как прошло ваше путешествие? И что за дитя ты держишь в твоих объятиях?

- Всё расскажу... - Фируз-ага, пошатываясь, прошел внутрь дома. - Сын спит?

- Недавно лег. Каждый вечер ожидал тебя. И сегодня до сумерек сидел у ворот. Исхудал весь, кожа да кости. - Кюбра-хатун в отчаянии махнула рукой. - Так как же с припасами? Смогли раздобыть?

- Всё прошло благополучно, хоть и не без сложностей. - Фируз-ага говорил спокойно, но что-то в его голосе застав-

¹ Кюбра (араб. الكبرى) — «Великая», одно из имен Хадиджи бинт Хувайлид, первой жены пророка Мухаммеда. В традиционной культуре это имя часто давалось старшей дочери в семье. Хатун (перс. خاتون) — уважительное обращение к женщине, чаще всего, замужней и родившей.

ляло сжиматься сердце. - Прими же ребенка... Моя доля у Османа. Заберем завтра, когда будем делить.

- Не могу больше терпеть, ноги дрожат от голода. Сейчас же пойду и немного одолжу... - Кюбра-хатун тяжело вздохнула, забирая у Фируза-аги девочку.

- Завтра. - Голос мужа не допускал пререканий. - Раздень-ка лучше ее и хорошенько протри, да и волосы помой. Я принес эту обессилевшую птичку из юдоли скорби...

Кюбра-хатун посадила на низкую скамью девочку и стала стягивать с нее одежды. И до чего же они были странные: прошитый тонкими нитями забавный халатик из поблескивающей черной ткани, набитой хлопком. Еще более поразило ее то, что она увидела под верхней одеждой. На девочке были хитро сшитые синие шаровары в обтяжку и темная рубашка со множеством смешных штуквин, проде-тых в прорезанные на ткани отверстия - пришлось провозиться, прежде чем их снять. К худенькому тельцу прилегла еще одна белая рубашонка без рукавов и что-то вроде затейливой набедренной повязки. Маленькие ушки были уже проколоты, на них висели тонкие золотые сережки с красным камнем. Всё время, пока раздевали ее, девочка не проронила ни звука. Кюбра-хатун вдруг подумала, что уж больно она смахивает на маленькую иноземную царевну в несчастьи, брошенную на растерзании демонам.

Супруги внимательно осматривали гостью. С чисто промытыми целебной глиной волнистыми черными прядями, распущенными по хрупким плечам, в старой нательной рубашке, достающей ей до пят, она выглядела столь чудно, что супруги переглянулись. Затем Кюбра-хатун вполголоса спросила:

- Откуда взялась эта маленькая красавица? Знаешь, вся она - загадка. Эти невиданные одежды, взгляд... Хоть умеет говорить?

- Не знаю. Но то, что мне ведомо - скажу. - Фируз-ага провел рукой по бороде. - Только ты мне дай слово, что не будешь болтать. Это дело очень, очень странное... И страшное.

По своему обыкновению, суховато и без лишних слов он поведал жене о том, как они внезапно очутились в жутком месте, полном клубящегося ядовитого тумана. Когда Фируз-ага закончил свой рассказ, Кюбра-хатун сидела, прикрыв от изумления и страха рот, временами качая головой. Затем промолвила:

- Муж мой, а что, если она и в самом деле какая-нибудь иноземная царевна или иная важная особа, уцелевшая после расправы? Ты посмотри, во что одета. Да еще эти золотые серьги. Не миновать нам беды, ежели прознает кто... Да и как мы двух детей будем кормить, в такой тягостной беде и разорении?

- Про то не беспокойся. - Фируз-ага успокоительно погладил жену по руке. - Аллах великий не оставит своей милостью людей, желающих спасти сиротку. Но вот про ее прошлое лучше будет молчать. Я поговорю с людьми, чтобы не слишком распускали языки. Все знает только Осман, а он человек надежный... Астагфируллах¹, да что же с ней?

Девочка начала лепетать тонким голосом. По бледным щекам вдруг градом полились слезы. Внимательно слушавшая ее Кюбра-хатун вдруг сдавленно вскрикнула:

- Эйвай², да это же туркоманская девочка! Мне приходилось иметь дело с женщинами этого свирепого племени. Успокойся, дитя мое, успокойся! Я буду твоей мамой... Но великий боже, до чего же она хорошенькая. Похожа на хрупкого детеныша лани. А глазки-то, глазки!.. Совсем как миндаль, да еще и черные, как ночь!

- А как ее зовут? Спроси-ка ее. - Фируз-ага в задумчивости огладил бороду.

Мучительно наморщив лоб, Кюбра-хатун пыталась вспомнить тюркские слова. Девочка изумленно смотрела на нее. Затем она произнесла несколько фраз на загадочном языке и неожиданно добавила:

- Умай.

- Что-что? - Супруги недоверчиво переглянулись.

Фируз-ага покачал головой и строго спросил жену:

- Ты не ошиблась? Она точно туркоманка?

Кюбра-хатун растерянно ответила:

- Я только спросила, как ее зовут.

Девочка задумчиво потерла висок. Затем опустила голову и прошептала:

- Сиддика.

- Слава Аллаху, дочь правоверного! - Кюбра-хатун облегченно вздохнула. - Я-то думала: может, из числа нечестивых. А у тебя славное имя, дитя. Верно, ты совсем не умеешь лгать?

¹ Астагфируллах (араб. أستغفر الله) — «да простит (меня) Аллах!», одна из ритуальных формул в исламе.

² Эйвай (перс. هی وای) — возглас, выражающий изумление и испуг.

Сиддика печально молчала. Потом встрепенулась и робко посмотрела в угол комнаты, где с постели поднялся мальчик, сонно протирая глаза. Он был худеньким, с тонкой шеей и умными тоскливыми глазами. Заметив большую фигуру отца, на которую падал отблеск ярко горевшего чирага¹, мальчик радостно вскричал:

- Отец, ты пришел! Я так долго ждал тебя!

- А вот и мой сын проснулся. - Фируз-ага ласково пома-нил рукой. - Познакомься с сестрицей.

Мальчик порывисто бросился вперед, но замер на месте. Затем, нерешительно приблизившись, стал разглядывать девочку вблизи. Удивительные ее глаза пугали, казались бездонными. Вдруг в них вспыхнули яркие лучи, и она неожиданно звонко рассмеялась. Кюбра-хатун вопросительно посмотрела на мужа. А тот покачал головой и спо-койно сказал:

- Сынок, эта девочка будет жить у нас и станет для тебя родной. Ее зовут Сиддикой. Смотри: не обижай, будь добрым братом.

- Откуда она? - Мальчик говорил, не отводя взгляда. - Похожа на крылатую царевну, прилетевшую из далеких островов пряностей. Ты мне про них сказывал.

- Нет, что ты, просто сиротка из дальнего угла махаллы², - Фируз-ага говорил серьезно, четко разделяя каждое сло-во. - Ты ее родителей не знаешь, они были из пришлых.

- Смотри-ка, что делает... Да она признала тебя, - Кю-бра-хатун улыбнулась, глядя на детей. - Воистину, это лю-бовь с первого взгляда!

Сиддика робко протянула ручку и дотронулась до плеча мальчика. А тот накрыл ее узкую ладонь своей, чувствуя нежную шелковистую кожу.

Ты знаешь, что такое ад?

Ад - лишиться души. Геенна - жить без тени. Знай, что с тех времен, как падшие боги рухнули в пределы нашего мира, в нем появилось высокомерное зло, полагающее, что

¹ Чираг (перс. چراغ) — лампа с вытянутым носиком. Обычно ее заправляли хлопковым или конопляным маслом.

² Махалла (перс. محله) — улица (квартал) в средневековых городах Южного Кавказа, Ирана, Мавераннахра и Хорезма. Очень часто люди в махалле принадлежали к одному и тому же ремесленному цеху.

можно управлять сущностью тварей земных с помощью гнусного колдовства.

Слушай же рассказ о юноше, узревшем то, что ожидает живущих. Слушай, мальчик.

Ровшан был удивительным человеком. Кому-то довольно благо мира сего: сначала открыл лавочку, потом заработал деньжат, свил гнездо, дети народились, женил сына на вскормленной честным молоком, выдал дочь замуж за приличного человека. Достойная участь... Вот только наш герой всё время желал странного. Как выглядел? А вот так: паренек роста высокого, сильный и широкоплечий. Девушки, верно, почитали бы его славным малым...

Был он сыном одного из городских дабиров¹. Помимо службы при вали, Фируз-ага писал прошения и письма для всей махаллы. Выглядел он строгим и замкнутым - но сердце у него было очень доброе, и денег он с бедных не брал. Из чего выходит, что сам он тоже жизнь вел весьма тяжкую. Сына старый ученый прилежно обучил письму и чтению Корана, как велит закон шариата. Но, помимо этого, постарался ознакомить с жемчужинами, собранными поэтами и учеными из океана времени.

Порой мимо дома на рысях проходил отряд храбрых тюрок, закинувших щиты за спины и придерживающих колчаны, полные стрел. И тогда Ровшан начинал грезить о битвах да звоне мечей. Представлял, что станет учтивым воином, будет нести правую веру заблудшим язычникам, защищать вдов и сирот и истреблять разбойников. В такие мгновенья он хватал старый большой нож у растерявшейся матери, раскатывавшей тесто на низком столике, и носился по двору, свирепо размахивая им и яростно выкрикивая угрозы сонму воображаемых врагов.

Дошло и до того, что, заигравшись, Ровшан поставил шрам на ладонь Сиддике - живущей в доме сиротке, с которой дружил с малолетства. Отец пришел в ярость и запретил подходить к ней, но толку-то было мало. Она словно бы стала его тенью и не отступала от Ровшана ни на шаг. Добрая мать Ровшана до того привязалась к ласковой девочке, что почитала ее домашней невесткой и приютила в эндеруне.

А как выглядела-то неописанная красота? А вот так: черноглазая девчонка в весело сдвинутом набок арахчыне. Носила она платье с пестрыми узорами, а в длинные косич-

¹ Дабир (перс. دبیر) — писец.

ки вплетала темные ленты. Ткать - было ее страстью: выпросила у хозяйки дома старую ханá - традиционный ковроткаческий станок, и сидела за ним часами. Была у нее и еще одна черта: она совершенно не умела лгать и, провинившись в детских шалостях, сразу же признавалась во всем. Словом, не было в ней и следа светского блеска. Конечно же, в глазах искушенных знатоков науки о любви простодушная дочь Города никак не могла быть обольстительной.

Успокоившись, Ровшан шел в тесную светелку и, привалившись к стене, заворожено смотрел, как она работает. В такие мгновенья ему становилось так покойно и хорошо, что он даже переставал мечтать о подвигах да славе.

Но одолевали беспокойные мысли. И Ровшан начинал рассказывать Сиддике о далеких островах пряностей и огромных городах на краю земли, где делают удивительные вещи. Его маленькая наперсница слушала чудесные рассказы, с восхищением следя за каждым его движением. Он увлеченно рассказывал об ужасной пустыне, где живут песчаные драконы, а палящий зной в дневные часы переходит в такой холод под лунными лучами, что замерзший песок скрипит под ногами, и не спасают даже самые плотные одежды. Были и рассказы о руинах некогда прекрасного города Мадаин, о странных людях с половиной тела - насасах, а также о свирепых единорогах, именуемых каркаданн, что были способны расправиться даже со слоном.

А Ровшан уже о науке думает. Увидит проезжего мошенника-звездочета - и сразу же мечтает о том, что изучит магию да алхимию, обретет знания великие, сумеет управлять демонами и прорицать будущее. Что он будет делать дальше, мальчишка так и не мог решить толком. Но полагал, что знания дадут ему немалую власть и силу.

Однажды, когда повзрослевший Ровшан тоскливо стоял у ворот Города, он увидел странное зрелище. Мимо шел большой караван, полный товаров. Впереди шагал караванбаши, напевая с великой грустью:

*Как стихнет ветер утренний,
Придет покорный раб...
Скажи же ей:
Готов к твоим приказам злополучный караванщик.
Раскрой ее замолкшие уста,*

*Не медлит пусть,
Придет скорей -
А коль передо мной
Она предстать не пожелает,
То получу лечение иное от логмана,
Искусного в волшебье.*

Ровшан заморожено смотрел, как мимо него проплывали величественные корабли пустыни. На спину одного из верблюдов была навьючена большая кеджаве¹, тщательно закрытая занавесями. И тут чья-то рука, схожая с когтями хищной степной кошки, раскрыла полотно, обнаружив пустоту, из которой на юношу уставился жуткий взгляд. Парившие во тьме закрытых носилок загадочные глаза затягивали, словно сузившиеся в смертельном прищуре зрочки ядовитой гюрзы в тот самый миг, когда она, бесшумно скользя по песку, подкрадывается к беспечной птичке.

Это продолжалось всего лишь мгновенье. Занавесь плавно опустилась. Верблюд, покачиваясь, проплыл дальше и исчез из виду за поворотом в узкой махалле. Пораженный Ровшан застыл на месте, затем вздохнул и прислонился к глинобитной стене. Солнце уже заходило, и кроваво-красные тени легли на минареты и дворцы великого Города. Он горько подумал, что вот так, бессмысленно в своей размеренности, и пройдет его жизнь: станет дабиром, как и почтенный Фируз-ага, будет переписывать набело небрежно составленные более удачливыми писцами бумаги, рыться в пыльных летописях и познавать радость битв и прелесть красавиц лишь из книг. Такова участь, уготованная ему неудачливым отцом!

Верно, мать тоже давно решила: она женит его на домашней невестке, которую давно и с великой заботой приготовила себе на замену. На этой юной ткачихе-простушке, целый день ходящей за ним по пятам с сияющими от неуместного обожания глазами. Конечно же, они потухнут, как только пойдут дети, и на ее узкие плечи в полной мере навалятся домашние заботы. Сиддика преобразится: сварливая, с красным лицом и морщинистыми руками, упорно будет требовать, дабы он зарабатывал больше и хоть что-нибудь предпринял; например, открыл лавку. Разве мать не ведет порой таких речей? Все женщины одинаковы!

¹ Кеджаве (перс. كجابه) — особый род крытых носилок, которые устанавливали на спинах двугорбых верблюдов-бактрианов.

Ровшан с отвращением вспомнил, как Сиддика принялась прилежно читать при нем книги, которые выпрашивала у отца. Верно, только чтобы выглядеть умнее, и половчее овладеть им для домашнего рабства.

С тяжелым сердцем он зашел во дворик. Глухо покашливая, Фируз-ага творил вечерний намаз. Ровшан внимательно оглядел старика, с величайшим усердием отбивающего поклоны, - и стал напряженно думать.

«Ну, какой смысл пять раз в день биться головой об джанамаз, сплетенный Сиддикой? А после этого снова садиться за писанину, прилежно выслушивая косноязычных бред ремесленников, наставляющих сыновей на чужбине, и отказываясь от платы, которую пытаются внести дехкане, околачивающиеся у дворца со своими унылыми жалобами. А между тем, все в махалле уже знают отцовские свычаи, и полагают, что можно и не платить! А он-то и рад: окружающие величают его устазом¹, и превозносят заведенные им порядки в семье. А мясо мы видим от праздника к празднику, женщины ходят в обносках, и единственный сын не имеет будущего. Верно говорят: «Коль скоро станешь держать лошадей в одном стойле, станут схожи не мастью, так нравом». Мама тоже с утра до вечера, как заведенная, повторяет о радостях жизни простой и добродетельной, хоть порой и жалуется на трудную жизнь. И я должен буду обречь себя на это гнусное рабство, в конце которого нет и не предвидится ничего, кроме бессильной старости. А вся радость сосредоточена в улыбающейся черноглазой девочке, каждый день моющей матери ноги, и так робеющей перед отцом, что кланяется в ноги и торжественно целует его слабую руку, как будто старик - уважаемый шейх... Что в отце есть достойного, чтобы почитать его чуть ли не святым? Нет, я бы построил свою жизнь иначе!

...А хорошо было бы иметь страшные глаза, которые я увидел в кеджаве нынче вечером. Взгляд настоящего повелителя! Вот таким и должен быть мужчина: внушающий ужас, - властным, мудрым, богатым. Такого будут любить, потому что человек преклоняется перед силой. Свести бы знакомство с могущественным обладателем знаний и силы. Настоящих знаний, а не лепета о влюбленных птичках да цветочках, над которыми льет слезы наша глупая малышка.

¹ Устаз, оstad (перс. استاد) — наставник, учитель.

Кому нужна такая любовь? Разве может она дать настоящее счастье? Эх...».

Ровшан тоскливо прошел внутрь дома. В эндеруне доносился знакомый стук киркита¹, переплетающийся с низким голосом Сиддики. Он бесшумно подошел к порогу. Кюбра хатун, устало прислонившись к мутакке², с удовольствием слушала работавшую за станком девочку.

- Матушка, сегодня я видела во сне райские кущи. И знаешь, они схожи с земным садом. Там маленький ховуз с прекрасными золотыми рыбками, кроткие серые гумири³ проносятся над крышей каменной хижины, оплетенной виноградом. По краям стоят стройные деревья серв⁴, словно прекрасные высокие царевны. Внутри растут гранаты с алыми цветами и стыдливые миндальные деревья, надевающие наряд в раннюю весеннюю пору. Воздух чистый и прохладный, хоть за пределами сада мир задыхается от зноя. Вместо земли - сияющий золотом мелкий песок. Я сидела на ступенях вместе с Ровшаном и рассказывала ему удивительные истории. А издали доносился шум волн большого синего моря...

- Быть того не может. Какое море в наших краях? Ты же, отродясь, такое видеть не могла.

Женщины одновременно вскрикнули. Побледневшая Сиддика пытливо всматривалась в лицо Ровшана. Он заметил мимолётный ужас, мелькнувший в глубоких черных глазах сестрицы. Но затем Сиддика успокоилась и кротко ответила:

- Ну да, это было море. Я слышала, как буйные волны бьются о скалы, и чувствовала запах удивительной свежести. Это был райский запах, от которого кружилась голова. - Сиддика приложила руку к сердцу. - Там было так хорошо! Ты держал меня за руки, и я чувствовала себя счастливейшей из девушек. В этом саду можно пребывать вечность, наслаждаясь его чудесным покоем.

- И что было в развалившейся хижине? - Ровшан с отвращением махнул рукой. - Какие сокровища ты нашла в бесплодной земле, где не может вырасти ничего путного, а

¹ Киркит (старотюрк. *كيركيت*) — специальный частый гребень для уплотнения сотканых рядов в ковре.

² Мутакке (старотюрк. *موتاکا*) — небольшая подушка в виде жесткого валика.

³ Гумири (старотюрк. *قوميرى*) — дикая горлица.

⁴ Серв (перс. *سرو*) — кипарис, считавшийся в исламском мире символом красоты и грации.

жизнь состоит из ненавистного труда? Дурочка! Верно, корень твой из тупых дехкан, радующихся каждому восходу. А может, ты по сути своей туркоманская бродяжка, коль скоро видишь такие ничтожные картины. Безродным кочевникам и степь покажется раем. Райский сад, стоящий на морском песке? Ничего не может быть глупее.

Сиддика стала плакать, закрыв лицо от стыда. Смутьившись, он смотрел на ее содрогающиеся хрупкие плечи и на тонкие пальцы, меж которых падали крупные слезы. Задышавшись, Сиддика прошептала:

- Ты топчешь ногами мои мечты...

Кюбра-хатун тихо позвала из своего угла:

- Дочка... Выйди-ка на воздух, успокойся. Дело у меня есть с сыном. Ну, иди, иди...

Не отрывая ладоней от лица, девушка выбежала из комнаты. А мать, тяжело вздыхая, позвала Ровшана:

- Сынок, помоги-ка встать. Совсем слабая стала в коленях, без девочки мне теперь уже сложно подняться. Так...

Она тяжело поднялась со своего ложа, опираясь на руку юноши. И внимательно всмотрелась в его взволнованное лицо.

- Сынок, что с тобой? В последнее время ты стал сам не свой. С чего это ты нанес бедной Сиддике такое незаслуженное оскорбление? Сам знаешь, она не безродная. Основа и уток известны. У нее чистая кровь! Когда случились великий глад и засуха, через наши земли шли отряды свирепых коршунов степи. В тот страшный год влага осталась только в глазах сирот, а последний кусок несправедливые властители вырывали из ослабевших рук умирающих людей. Тогда-то я и подобрала осиротевшую дочь нашего соседа. Родственников у девочки не было. Родители-то ее были чужестранцы. Ты всегда любил Сиддику, хоть временами с ней ссорился. А теперь стал злым. Злым! Сирот обижать нельзя. Аллах непременно покарает того, кто с размаху бьет по склоненной голове беззащитного...

- Да не обижал я ее. И слова сказать нельзя? - Он с досадой дернул плечом и прошелся по комнате. - Сиддика хорошая девушка, но я не желаю гнить здесь вечно. Будто я не знаю, что ты давно носишься с мыслью сделать ее моей женой и со спокойной совестью вверить сына невестке? Так вот, запомни: она хитрая! Ласка - оружие слабых. В последний год Сиддика стала просто несносной. Я не желаю более видеть эту заискивающую улыбку и вечные попытки угодить нам. Она только поджидает меня целый день во

дворе, натянуто смеется и плачет, читая по вечерам разного рода бред. И вообще, надоело! - Он с ненавистью топнул ногой.

Кюбра-хатун слушала яростные речи Ровшана с раскрытым от ужаса ртом. Когда он повернулся к ней с угрожающим видом, она отшатнулась к стене и прошептала:

- Сынок, это наваждение, гнусное колдовство. Верно, сегодня вечером мой мальчик встретил у ворот города самого дьявола! Слова твои о нашей девочке просто ужасны. В ней нет места лжи и притворству. Разве ты не видишь, что эта чистая душа просто влюбилась в тебя?..

Утром следующего дня Ровшан проснулся, когда солнце высоко поднялось над горизонтом. Время утреннего намаза давно прошло, отец ушел по своим делам. На сердце было тяжело. «Конечно, я обидел Сиддику. А мама просто испугалась. И что это вчера на меня нашло? - Он напряженно раздумывал. - Жуткие глаза в кеджаве... Что, если это и в самом деле шайтаново отродье? Нет, лучше об этом не думать. Надо помириться с Сиддикой. Только как это сделать? Верно, стоит попросить мать...».

Кто-то тихо поскребся за стеной. Ровшан неохотно поднялся, оделся и распахнул занавесь. К его величайшему удивлению, за порогом стояла Сиддика. Отец строгонастрого запрещал ей чересчур вольно ходить по дому. Под глазами ее залегли синие тени, лицо вытянулось и выражало тоску. Увидев названного брата, Сиддика потупилась и нерешительно заговорила:

- Доброе утро. Тут за тобой пришли...

- Что? - От удивления Ровшан даже забыл поздороваться в ответ.- Почему ты зовешь меня? Где мама?

- Мама захотела побаловать себя утренней водой, и пошла в баню.

- Хорошо. Но кто пришел?

- Какой-то страшный раб.

Сиддика продолжала упорно смотреть в пол. Равшан подошел к воротам. Действительно, там стоял человек странного вида: по виду кипчакский гулям¹, одетый в бога-

¹ Гулям (старотюрк. قولاام, *qulam*) —воин-раб, уникальное явление в истории человечества. Поскольку правящие династии исламского мира из числа арабских и иранских властителей к девятому веку от Р.Х. не доверяли своему же населению, склонному к исповеданию шиизма и бунтам, они стали формировать войско из числа военнопленных, которым предоставляли привилегированное положение. Чаще всего гулямами становились тюрки-«неверные», но ино-

тые черные одежды, с хищным и бесстрастным взором. Увидев юношу, он высокомерно прищурил свои и без того узкие глаза - и сказал, раздельно произнося слова:

- Не ты ли Ровшан, сын дабира Фируза?

- Да, это я.

Дивясь, юноша оглядел махаллу. Пара любопытных соседей уже выглядывала из своих дверей и окон.

- Передаю приглашение моего высокородного господина, которое может весьма заинтересовать. Оно касается твоего будущего и предстоящих славных дел. Господин ждет в караван-сараяе у Колодца Желаний. Если пожелаешь, я могу проводить тебя.

Сердце юноши нетерпеливо забилося. Все угрызения совести и колебания мгновенно исчезли. Он торопливо кивнул гуляму и бросился в дом, чтобы надеть новый халат,

«Вот случай, о котором я так долго мечтал! А что, если это западня, и меня поджидают лихие люди? Надо рискнуть! Отец никогда не рисковал - и вот, впал в ничтожество и безвестность». Задумавшись, Ровшан снял со стены старый кинжал в потертых ножнах. «Себя в обиду я не дам и сверну джаханнамову отродью шею, ежели вздумает заманить меня в клетку». Он собирался уже выйти во двор, когда кто-то ухватил его за рукав халата. Ровшан обернулся и увидел Сиддику. Девушка дрожала, словно в лихорадке. Повиснув на нем всей тяжестью своего тела, Сиддика зашептала, заливаясь слезами:

- Умоляю тебя, не ходи... Это существо - посланец нечестивого Ахримана. Я следила за вами и увидела... Прозрела! Демон гнусно взлаивает и хрюкает, словно нечистый пес или свирепый кабан в зарослях. Знаю! Подлый раб обрушит наш дом. Папа, мама... Бедные, где они? Ровшан, милый! Послушай свою душу, не ходи, это ловушка дьявола!

Ровшан заколебался, чувствуя, как у него стала кружиться голова. Кто-то кричал внутри него тонким, полным беспредельного ужаса голосом, удивительно похожим на плач

гда в это войско принимали славян, горцев Кавказа и чернокожих. Институт гулямов способствовал деградации и падению исламского мира, поскольку вооруженные рабы были склонны к бесчинствам и насилию по отношению к угнетенному населению и легко смещали своих хозяев. Впрочем, в случае египетских мамлюков и османских янычар гулямы могли сыграть определенную положительную роль в становлении государства.

Сиддики. В это время гулям, приоткрыв ворота, угрюмо крикнул:

- Эй, мужчина дома! Долго я буду ждать? Или тебя не пускают женщины эндеруна?

Решившись, юноша освободился от цепких объятий и направился к воротам. Он уже перешагнул порог, когда девушка издала дикий вопль и, протиснувшись мимо Ровшана, бросилась на гуляма, пытаясь выцарапать ему глаза. Потрясенный Ровшан застыл на месте. А Сиддика звонко кричала, напрягая все свои силы:

- Люди добрые! На помощь все, все! Моего любимого брата хотят похитить злодеи! Помогите!

Соседи окружили их негодующе гудящей толпой. Гулям, ошалело отбиваясь от рыдающей девушки, зарычал в бешенстве:

- Оттащите от меня эту сумасшедшую! У вас не город, а притон, здесь на гостей кидаются развратные женщины, позабыв стыд и обычаи ислама!

Опомнившись, Ровшан намотал длинные косы Сиддики на кулак и поволок прочь от гуляма. Она ударяла по земле нежными руками, раздирая их в кровь, и причитала:

- Я великая, великая грешница! Ровшан, убей меня - только не ходи! Умоляю... Забей до смерти, но остановись!

Втащив девушку во двор, Ровшан наложил засов и, поставив Сиддику на ноги, толкнул к стене. Она бестрепетно встретила его взгляд, бездонные зрачки были полны переливающимся светом. Размахнувшись, Ровшан нанес страшную пощечину. Ясные глаза Сиддики затуманились, из носа хлынула алая струйка - и она сползла на землю, лишившись чувств.

Ровшан шагал, погруженный в угрюмое молчание. С того мгновенья, когда он свалил Сиддику на землю жестоким ударом, сердце горело огнем. Он никак не мог забыть странный свет в ее глазах и стенания, отдававшиеся эхом в душе. Он потерянно думал: «Удивительное дело, а ведь такое уже не впервые! Когда я забил камнями любимую белую кошку Сиддики, забавляясь с мальчишками в махалле, она потеряла сознание при виде этого зрелища... Ведь я тогда просил у нее прощения, торчал в эндеруне целыми днями, а она не хотела меня видеть. Как я ее тогда любил! Что изменилось? Или тот страшный удар по хрупкой ладони. Почему набросился на нее с ножом? Ведь я не хотел убить или искалечить... Тогда тоже кто-то плакал внутри и просил, чтобы я стал перед ней на колени. И сейчас... Ал-

лах великий, какой позор. - Перед глазами Ровшана встали растерянные лица соседей. - Что они подумают обо мне, о несчастной сестре? Может, вернуться? Сиддика от радости взлетит на седьмое небо. А родители? Что почувствует мама, вернувшись домой? Бедный отец! Сейчас повернусь и уйду...».

- Мы дошли! - Голос раба властно перебил думы юноши. Только сейчас Ровшан заметил, что они стояли перед главным входом в великий караван-сарай Города. Купол Колодца Желаний виднелся неподалеку. Широкий двор караван-сарая был полон отдыхающих от долгого перехода купцов, чьи верблюды жадно пили воду из каменной поилки. Он узнал караванщика, напевавшего песню в переулке - тот сидел на скамье у затененного ховуза с чистой водой и задумчиво смотрел на ровную гладь. Гулям указал место рядом с караван-баши и сказал негромко:

- Пойду и дам знать господину, что ты пришел. Жди меня и не уходи далеко.

- Хорошо. Я буду здесь.

Ровшан ответил кратко, памятуя древнюю мудрость о сдержанности, приличной мужчине.

Раб едва заметно кивнул и направился к полутемной лестнице под аркой, сложенной из красного обожженного кирпича. Караван-баши, по-прежнему разглядывая темные воды ховуза, прошептал, глядя в сторону:

- Отважный мальчик... Не тебя ли я заметил сегодня утром, проходя с караваном по улицам Города?

- Ты не ошибся.

«Что бы это значило? - Ровшан лихорадочно думал, впившись взором в сонное лицо караванщика. С чего этот шейх так хорошо запомнил меня?»

- Да... Отважный мальчик и смелая девочка... - Караванщик тяжело вздохнул. - Удивительные существа люди: счастье в скромных одеждах живет в соседней комнате и будит каждое утро звонкой песней - а вы упорно ищите его в странах дальних и полных зла. В сущности, что нужно мужчине, чтобы навсегда обрести покой в душе? Песчаный берег моря и любимая женщина рядом. Но нет. Поколение за поколением всходит на корабли и шагает в туманные дали, забывая о том, что без нежной души все мечты о покорении высот власти и силы станут жуткими блужданиями по бесконечным переходам мрачного ада...

- Не знаю, о чем ты говоришь. - Юноша напряженно слушал, не понимая ни слова из рассуждений караванщика.

- Кого ты вез в кеджаве на верблюде? Вот что мне надобно знать.

- Тебе необходимо это? - Караванщик поднял голову и Ровшан поразился тоске в его темных глазах, глубоких, словно Колодец Желаний. - Так в том нет никакой тайны. Я веду сквозь пески времени караван печали. Караван-баши шел перед верблюдами во времена, когда мир был еще юным. Он будет идти до последнего вздоха творения, когда прозвучит глас Сура, и мир придет к ужасному концу. А в караване ты можешь найти зло, столь же древнее, как адиты Ирама Многоколонного. И пока у тебя есть еще время, я даю тебе последний совет: беги!

Ровшан вскочил на ноги. Он заметил, что одежды караванщика ветхие и более похожи на вретисе дервиша, отринувшего мир, чем на платье уверенного в себе и успешного купца. А тело, сквозящее через дыры в лохмотьях, истощено и покрыто ранами. В тот же миг девичий голос в груди умоляюще заговорил о чем-то миллом, добром и бесконечно родном. Ровшан нерешительно оглянулся в сторону ворот и тут услышал голос раба:

- Господин ждет тебя.

Отбросив колебания, Ровшан шагнул в сторону арки. Кто-то схватил его за рукав халата. Оглянувшись, он увидел караванщика. Вид тот имел такой, что зашевелились волосы на голове. Глубокие впадины глазниц на лице его были схожи с мертвым черепом, Караван-баши произнес, не разжимая губ:

- Итак, ты не захотел покаяться. Что же, ступай. Я дважды предупреждал тебя: утром, у ворот Города, и здесь, в преддверии Джаханнама. Увы! Сын Адама желает слушать только то, что любезно его плоти. Третье знамение будет явлено через несколько лет в заброшенной хижине, далеко в горах, и от него тебе захочется разбить преступные руки о скалы. Мне только жаль невинных девочек и их предопределенные мучения. Временами я желаю выколоть себе глаза, чтобы не видеть всех гнусностей вашего мира. Но я всего лишь божий раб, а раб обязан подчиняться!

Ровшан поднимался вслед за гулямом по крутой лестнице. Прощальные слова караванщика глубоко уязвили его. На террасе гулям нетерпеливо обернулся. Юноша поразился простору и чистоте эйванов, выложенных пестрыми плитками из майолики. Пройдя в конец коридора, где красовалась большая красивая резная дверь из орехового дерева, гулям распахнул ее настежь и отошел в сторону, про-

пустив Ровшана. Тот вступил в комнату с бьющимся сердцем, ожидая встретить уже знакомый угрожающий взгляд змеиных глаз незнакомца в кеджаве.

Первое, что бросилось в глаза Ровшану - роскошь. Такого сын бедного дабира даже представить не мог. Комната была сплошь застелена дорогими коврами. Они закрывали пол и стены сплошным пестрым покрывом, не оставляя и пяди свободного места, словно одежды богатой женщины. Вокруг дастархана на низком столике были разложены изящно отделанные мутакке. На них непринужденно расположилось несколько человек в прекрасных одеждах, по виду - богатых купцов. Один из них повернул голову и радостно щелкнул пальцами:

- Ага, вот и наш пахлаван¹ пожаловал. Я говорил вам, что парень непременно придет! Человек с таким дерзким и полным мечтаний взглядом никогда не упустит своего случая в торговле с судьбой!

Ровшан растерянно остановился на пороге. Он ожидал чего угодно: мрачной пещеры, шипения свирепых змей, даже Аждаху² во плоти - но только не этих хохочущих господ, небрежно кидавших в рот пригоршни риса. Приветствовавший его человек поднялся во весь рост и подошел. Ровшан сразу же почувствовал расположение к этому уверенному в себе господину. Рослый, с окладистой бородой и в богатейшем халате, он говорил и ступал так, как это делает только тот, кто с рождения привык властвовать. Глаза у него были странные, поминутно менявшие свой цвет, словно кожа хамелеона. Холеные пальцы, к которым прилипло несколько рисовых зернышек, никогда не знали унижительного труда. Пройдясь по комнате и упершись руками в бока, купец весело оглядел Ровшана.

- Удивлен, парень? Тот, кто имеет дело со мной, сразу вступает в мир чудес. Зовут меня Сахиб Дейлеми³, и я царского роду-племени. У нас тут вспыхнул спор. Приятели

¹ Пахлаван (перс. پهلوان) — богатырь, сильный духом и телом человек. Происходит от среднеперсидского слова, обозначавшего парфянского аристократа, чья тяжеловооруженная конница наводила ужас на римские легионы.

² Аждаха (перс. اژدها) — хтонический змей, дракон. Часто персонифицировался с зороастрийским дьяволом, Ахриманом.

³ Дейлем (перс. دیلمان) — историческая горная прибрежная область на юге Каспийского моря. Была населена дейлемитами, прямыми предками современных тальшей, гиляков и мазандаранцев. Дейлем поставлял самую боеспособную пехоту в войско Сасанидской империи и долгое время сохранял независимость после ее драматического падения к началу VII века от Р.Х.

уверяют, что человек низкого происхождения обречен вечно прозябать в зиндане, в который его посадила судьба. А я вот так не считаю! Ежели все так и сидели бы на своем месте, словно курица на насесте - человечеству очень скоро настал бы конец. Корень любого знатного рода может оказаться столь неожиданным, что его утонченные потомки, взглянув на своего пращура, разом потеряют рассудок. Кого мы там только не можем найти! Наемные убийцы, азартные игроки в кости, кривляющиеся на площадях мутрибы, обездоленные крестьяне и трудолюбивые ремесленники - словом, выбор весьма и весьма разнообразен. И всем им судьба может послать птицу счастья, которая сядет на голову последнего бедняка и сделает его великим.

- Но послушай, табаристанец¹, - один из купцов в зуннаре, смеясь, отпил из кубка рубиновое вино. - Положим, случай может дать в руки самому последнему бедолаге закаленный меч. Но сумеет ли тот воспользоваться им? Человек пребывает в омуте неизвестности, потому что весь его род слаб в коленях. Какую пользу принесет оружие дехканину, отроду не державшему в руках ничего опаснее кетменя²?

Собрание одобрительно зашумело. Сахиб-ага предупреждающе поднял руки и, запахнув полы халата, торжественно продолжил свою речь:

- И это предусмотрено! Ежели человек по сути своей не джомард³ - конечно, не принесет! Тут одной только силы в руках недостаточно. Бык силен, но может ли сделать сила мышц и острота рогов быка тигром? Слон могуч и опасен своими длинными бивнями и сокрушающим хоботом. Но, при всей красоте и силе этого царственного животного, убийцей он не будет. Для того, чтобы вознестись над скучным стадом людишек, необходимо обрести кровожадное в своей мудрой дерзости сердце. Тогда и кетмень станет оружием куда более страшным, чем самый острый меч.

¹ Табаристан (перс. طبرستان) — провинция, расположенная на южном побережье Каспийского моря.

² Кетмень (перс. کتمن) — вид мотыги, распространенный в земледельческом ареале иранской цивилизации.

³ Джомард, джаванмард (перс. جاوانمرد) — буквально «молодой человек». Это слово служит в современном азербайджанском тюркском языке для обозначения человека доблестного и не склонного к интеллигентским колебаниям и прочим антимониям. Ближе всего к этому своеобразному понятию подходит латинское *virtu*, разумеющее безусловную и бестиальную доблесть.

Предводитель купцов сделал резкое движение, словно снося с плеч голову.

- Расскажу-ка я вам историю. Мой дед был правителем в Табаристане. Он был очень жестоким человеком. Убивал и казнил знатных людей и гулямов в войске без счету. Наконец, семь человек из числа полководцев решили его свергнуть. Подбили на это дело дядю угрозами отдать шахство чужакам. Дед и очнуться не успел, как его арестовали и повезли в отдаленное узилище. Везли его в кеджаве, рядом скакал один из заговорщиков. Тут сердце старика не выдержало, и он спросил: мол, как это вы сумели так слаженно повернуть дело совсем не простое - а я ни сном, ни духом? Полководец ему все и рассказал, назвал все имена. И добавил, что винить он должен, в первую очередь, свою кровожадность. «Верно, - ответил дед, - вина, конечно же, моя. Только не в том, что много отрезал голов. Не те были головы, не те! А вот ежели перестал бы калечить людей без пути, а прямо отрубил бы голову тебе и тем шести смутьянам, - до сих пор бы сидел на престоле».

Главное в мире сём - задушить свою душу и возвысить разум! Таков приговор судьбы, и тот, кто сумеет ею овладеть, станет счастливейшим из смертных. Вы только посмотрите, сколько в мире талантливых людей, какие прекрасные вещи они создают! Вот эти ковры соткали нежные руки ткачих, вложивших в них всю свою суть. Тут приходит истинный победитель и даже не покупает их - а захватывает. Благородных царевен насилуют его веселые шершни, и они истекают кровью вдоль дорог под палящим солнцем с бесстыдно задраным подолом на своих же полинялых покрывалах. Как прихотливо стекают алые капли по белым коленям обесчещенных ткачих... Вот истинное наслаждение! Забавно внимать бессильному жужжанию и плачу добродетельных пчёл. Какое нам дело до того, сколько мер ячменя собрано в деревне, коль скоро наша ватага покинет ее на следующее утро? Выгребайте всё, только избегайте возвращаться той же дорогой! Но тот, кто не будет заботиться о своем скакуне, вряд ли дойдет до следующего перехода!

- А ты не боишься, что ковры расскажут людям о злодействах, табаристанец? - спросил краснобородый купец.

- Я? Нисколько! - Проповедник завоеваний разума сурово прищурился. - Думаете, мне доставляло удовольствие отдавать такие приказы? Приходилось не только торговать, но участвовать в джихаде против неверных. Эти де-

ла прибыльные и богоугодные. И когда я захватывал прекрасных румийских рабынь, первым делом успокаивал их. В конце-то концов, зачем портить товар? Быть может, судьба решила осчастливить их через убийцу ближних. Попавшие мне в лапы самые решительные и пригожие девочки станут фаворитками гаремов сильных мира сего. И невольников никогда не избиваю почем зря. Для чего человеку разумному лишняя жестокость? А на одно злодейство всегда найдется сотня добрых дел. Аллах великий нуждается для промысла не только в овцах, но и в волках тоже. Ну, что скажете на это, славные мои друзья?

Купцы затихли. А Сахиб-ага, торжествующе рассмеявшись, завершил свою убедительную речь:

- Вот и ваш приятель решил сыграть роль слуги божества и рассудить по справедливости.- Он повернулся к Ровшану всем телом. - Я приметил тебя вчера стоящим на махалле с видом посаженного в клетку волчонка. И сразу же решил: этот мальчишка достоин большего, нежели без толку киснуть среди городского люда. Меня на скакуне ты не приметил, потому что прилежно разглядывал кеджаве с прекрасными рабынями. Проси, парень! Воздвигнуть дворец не могу, да и не хочу. Но вполне способен дать тебе ключ, с помощью которого отпнешь все двери. Ну? Что желаешь?

Ровшан понял, что настал решающий миг. В горле пересохло. Он собрал всю свою волю в кулак, оправил халат и произнес твердым голосом:

- Совета и помощи.
- Чего же ты хочешь?
- Скажи мне, как кратчайшим путем человек с сильной волей и мужеством может достичь вершин власти и могущества?

Сахиб-ага задумался. Затем ответил:

- Путей много. Но для черного люда самый верный пролегал через теснины рабства. Расторопный гулям может многого достичь во дворце и на поле битвы, коль скоро не задумывается перед тем, как пустить в дело перо или меч.

- Но ведь я свободен!
- А ты продай себя в рабство! Будет тебе прибыль и возвышение!

- Согласен! Сахиб-ага, я продам себя в рабство. Стань покупателем и введи меня во дворец сельджукского султана, владыки многих царств и областей. Как тебе такое желание?

- Это дело возможное. Но ты разумеешь, что говоришь?
- Сахиб Дейлеми жестко рассмеялся. - Гулям может достичь вершин власти, да. А может погибнуть злой смертью или найти позорное калечество.

Вместо ответа Ровшан протянул руку купцу. Тот помедлил на мгновение и расхохотавшись, от души крепко стиснул ее.

- Решено! Коль скоро ты такой храбрый мошенник, то дам за тебя лучшую цену. Покупаю толстую шкуру с придачей души! Ну, сколько хочешь?

- А дайте ему за нее тридцать дирхемов! - Один из купцов поднял руку. - Это будет вполне подходящая сумма для такой сделки!

- Ну, тридцать сребреников по нашим временам уж слишком ничтожная цена за раба, сведущего в науках да чистописании. - Сахиб-ага насмешливо прищурился. - За душу я и столько бы не дал, а вот хорошее и крепкое тело пойдет за золото. Тридцать золотых динаров! Согласен?

Пораженные столь неслыханной суммой, купцы вскочили. Полновесные динары давно стали редкостью. Предложение было просто невероятным. А Ровшан стоял с мучительно сведенными бровями. Ему мешал звон заклепываемых цепей, отдававшийся эхом в ушах. Наконец, юноша поднял голову и твердо ответил:

- Согласен!

Сахиб Дейлеми торжествующе оглядел собрание. И провозгласил:

- Быть по сему! Нарекаю тебя лагабом Джомард! Что же, в добрый путь!

К исходу следующей недели Ровшан уже ехал на юг по древней караванной дороге. Вечерело, и закат окрасил кроваво-красным багрянцем небо. Сахиб-ага поручил получить денежный заклад и догнать караван на следующем переходе. Придирчиво оглядывая юношу в купленных обновках, новый устаз юноши проворчал:

- Будь осторожен и не теряй времени. Одинокий путник в этих неверных местах, полных кочевий свирепых огузов, может запросто потерять не только свободу, но и жизнь. С конем справишься?

- Справлюсь. Приходилось ездить.

Ровшан отвечал односложно, чувствуя, что вне своего философствования хозяин не терпит излишней болтовни.

- То-то. С родными попрощался? - Сахиб Дейлеми пылливо оглядел ученика.

- Попрощался.

Юноша отвечал уверенно, но сердце болезненно жалось. Пришлось сочинить целую историю для отца, рассказать о том, что он решил заняться купеческим делом и одолжил денег у странников, с которыми свел знакомство в караван-сараяе. Счастье, что отец плохо разбирается в жизни! А Сиддика...Он оболгал сестрицу, сказал родителям, что с ней приключилась падучая, когда она кинулась на почтенного гостя, словно бешеная кошка. Отец строго выговорил приемной дочери и приказал ей сидеть в эндеруне, пока позорное происшествие не забудется в махалле.

- Ну, смотри. Уж больно задумчив. - Сахиб Дейлеми усмехнулся. - Шамшир тебе не дам, владеть оружием ты пока толком не умеешь. Кинжала пока довольно. И запомни одно: не вздумай обмануть. Те, которые плутовали со мной, долго не жили. Я разбираюсь в людях, потому и доверяю. Но моё доверие дорого стоит. Всё понял?

- Всё. Будь уверен, хозяин. - Ровшан поклонился.

Приближаясь к перекрестку больших караванных путей, Ровшан с удивлением заметил фигурку в синем покрывале, стоящую у дороги. Припоминая, что демоны нападают на людей, по легкомыслию заговоривших с ними, Ровшан решил проехать, храня молчание. И только когда он сравнялся со странной женщиной, та откинула рубенд¹ и подняла голову. Ровшан тотчас же узнал её. Это была Сиддика.

С девушкой произошла разительная перемена. Она шаталась от слабости. Лицо осунулось, черные глаза смотрели с глубокой печалью, которая бывает только у безнадежных больных. Изумившись, он остановил коня.

- Что ты тут делаешь в такой час? Кто тебя выпустил из эндеруна? Как ты умудрилась пробраться через ворота Города одна?

- Я убежала. - Голос Сиддики был хриплым и надтреснутым. - Мчалась, как бегущая вода по кехризу²...

- Зачем? - Дивясь, он сошел с седла. - Ты в своём уме?

¹ Рубенд (перс. روبند) — специальная волосяная сетка в хиджабе, закрывающая лицо.

² Кехриз (перс. کهریز), он же канат (перс. قنات) — традиционная подземная гидротехническая система в ареале тюрко-иранской цивилизации. Кехризы часто совмещают водопровод и систему орошения и представляют собой подземную горизонтальную штольню, выходящую из водоносного слоя.

Сиддика упала на колени перед Ровшаном и заговорила, протягивая к нему тонкие белые руки:

- Не уходи! Если бросишь меня, не смогу жить и скоро умру! Но коль ты твердо решил уйти, возьми с собой. Никогда не предам тебя. Окружат сонмы врагов - не отшатнусь. Даже если нужно будет пройти двадцать фарсангов, не услышишь жалоб. Стану охранительницей от козней дьявола и буду преданно ухаживать за тобой, варить пищу, стирать одежду и мыть усталые ноги, когда будешь возвращаться из дальних походов.

- О чём это ты? - Ровшан рывком поднял ее и яростно встряхнул. - Очнись, малоумная! Тебя взять никуда не могу. Я стал рабом и должен выполнять приказы господина! Никто не превращал меня в раба. Я сам запродался могущественному человеку, чтобы достичь своей мечты.

«Сколько будет мучить меня эта собачья дочь? - Ровшан с раздражением смотрел на ее поникшую голову. - Она готова наложить на себя руки прямо посреди дороги, только чтобы остановить меня и привязать к своему гнусному городу мастеров да ткачих!»

Сиддика подняла лицо и заговорила низким голосом, смотря прямо в глаза юноши:

- Если ты стал рабом, то я осталась свободной. Коль сейчас меня прогонишь, то вернусь в наш славный Город, расскажу всё отцу, и тебя вернут силой. Ты не понял, что продавать свободу нельзя. Мой любимый брат - презренный раб! Но у меня только одно тело, одна жизнь, одна душа, и я никогда не смогу принадлежать другому. Твой грех - мой грех тоже, потому что я не смогла удержать тебя...

Ровшан с ненавистью подумал, что Сиддика хочет уничтожить его блестящее будущее, обречь на неудачи. И холодно ответил, вбивая зазубренные слова в ее сердце:

- Совсем забыла о законах ислама, безумная? Не хватало еще, чтобы я нарушил наши свичаи и потащил за собой слабую в коленках девицу, которая будет виснуть на шее. Немедленно ступай в дом, укороти язык и сиди в эндеруне - ты, женщина! Знай свое место и уважай старших, подобранных и выращенных сироту. Когда подрастешь, выдадут замуж. Жаль будущего мужа, которому придется укрощать дерзкую душу. Ну, да ничего - он справится. Тычки да затрецины и не таких исправляли. Прощай, Сиддика, и да помилует тебя Аллах.

Ровшан ударил ногой в грудь цеплявшейся за него девушки, вскочил на коня и, не оборачиваясь, быстро поехал

прочь. Он не видел, как Сиддика, споткнувшись у края дороги, грянулась наземь, прямо на большой камень с зазубренными краями, и алая кровь хлынула на землю. Когда же до него донесся пронзительный крик, полный нестерпимой боли, Ровшан пересилил себя и помчался дальше к манящему горизонту, гордый своей мужской решительностью.

Прошло несколько лет с тех пор, как Сахиб Дейлеми подарил Ровшана великому везиру Низам-аль-мульку. Дело шло к поздней осени, когда Ровшан, торопливо нахлестывая коня, поднимался на перевал в горах Альборз, дабы передать поручение везира эмирам доблестного султана Алп-Арслана¹, готовившимся к решающей битве с неверными. Другие гонцы были посланы в Алеппо и Мосул, где стояли отряды храбрых туркменских гази. Лишь племена в Азербайджане и Арране еще не выставили ополчение. К ним-то и шел Ровшан, напряженно думая о том, что сейчас решается всё в его судьбе. Если он сможет дойти до Казвина, то возвысится - и, облачившись в заслуженный халат, достигнет сияющих высот власти.

Солнце вскоре должно было скрыться. Он заметил приметный домишко у темной линии горного леса. Юноша несколько раз повелительно ударил рукояткой камчи по ветхой двери. Не получив ответа, он толкнул ее и вошел внутрь. В лицо пахло запахом склепа. Ровшан подумал, что путь к славе иногда может проходить через кладбище.

Скорчившаяся в глубине комнаты тень шевельнулась. Раздался надсадный кашель, и странное существо, покачиваясь и цепляясь за стены, появилось перед ним. Изумление юноши росло - это была женщина. Она была молода, но все ее лицо было разбито и иссечено уродливыми шрамами. Увидев статную фигуру Ровшана, девушка в ужасе закрыла лицо изодранным синим покрывалом. Он властно позвал обитательницу этой пещеры:

¹ Алп-Арслан, он же Смелый Лев (старотюрк. *آلپ ارسلان*, 1030-1073 от Р.Х.) — великий султан и полководец государства Великих Сельджуков. Завоевания Алп Арслана привели к широкой миграции огузов на всей территории Большого Ближнего Востока. Самым его известным деянием стал грандиозный разгром ромеев при Манцикерте в 1071 году от Р.Х., после которого греки утратили практически всю Малую Азию, ставшую новой родиной для степных кочевников.

- Чего ты боишься? Не обижу. Выходи. Мне нужен кров и тепло перед тем, как я отправлюсь в дальний путь. Ну, выходи же!

Девушка была в старой, поношенной одежде и выглядела совсем больной и обессиленной.

- Ну что, душа-девица, что тут делаешь? Кругом на много фарсангов ни души. Ты что, живешь совсем одна?

- Нет, я потеряла силы в пути и осталась тут умирать.

Ровшан вздрогнул, испытал странное волнение. На миг у него мелькнуло подозрение, что он угодил в ловушку злой пери, принявшей облик изувеченной молодой женщины. Но она выглядела такой безобидной и подавленной, что Ровшан быстро отбросил мысль о чарах да колдовстве. Девушка коснулась его плеча узкой ладонью.

- Я ищу суженого по белу свету. Мы выросли вместе под крышей его доброго отца. Думала, что прекрасный юноша любит чистую невесту, и была готова стать преданной женой. Всё оказалось иначе! Он жестоко искалечил меня и оставил погибать в одиночестве. Но не мне суждено оборвать тонкую нить, посадившую нас рядом узелками на основу, потому что у меня есть только одно тело, одна жизнь, одна душа - и я никогда не смогу принадлежать другому.

Ровшан рассмеялся и заметил к жестоким добродушием:

- Да, не повезло, красавица! С таким обликом тебе будет прилично стать только женой дива.

- Я не всегда влачила жизнь такой, - девушка говорила, опустив голову, - а была милой, желанной. Теперь я стала некрасивой, утратила голос, не могу ткать ковры, и никто не хочет меня любить. Но я не виню бедного мальчика. Он только лишь хотел узнать больше о мире и угодил в ловушку дьявола. Это он развратил сердце любимого. Ахриман сделал его злым. Человек - существо доброе...

- Ну и хорошо, а мне уж пора позаботиться о тепле.

- А я читал фатхнаме¹ о славных деяниях полководцев ислама. - Рассказываю, с удовольствием наблюдая, как

¹ Фатхнаме (перс. فتح نامه) — особый вид панегирической литературы, где восхвалялись достижения полководцев на ниве завоеваний стран дальних и ближних. Несмотря на интересные детали, многие из них представляли собой нестерпимое по обилию лести и чудовищных преувеличений зрелище. Апология разбоя и грабежа делала чтение такого рода нерукотворных памятников еще более тягостным занятием.

слушает Сиддика: широко раскрыв черные глаза, с полуоткрытым ртом, в котором виднеются жемчужные зубы, испуганно застывая, когда дело доходит до самого поразительного. Перевожу дыхание и продолжаю:

- При разделе наследия старой династии с завоевателем Благородной Бухары славный Махмуд Газневи предложил тому выпить вина. Предводитель карлуков тогда напомнил, что вино запрещено религией, на что султан ответил: «Этот грех простится тому, кто истребил такое множество неверных в Индии».

- А много он убил людей?

- Неверных? Целые полчища! При взятии каждого города он приказывал разрушать кумирни и убивал дерзких, осмелившихся оказать сопротивление. Отчаявшиеся молодые женщины бросались в огонь, уцелевших продавали в рабство. А сколько сокровищ тогда захватили мусульмане! Это был прекрасный поход.

- То, что ты рассказал, ужасно. - Очнувшись, замечаю, что Сиддика сидит, опустив голову и уставившись на чередующиеся полосы ковра на глиняном полу. - Может, они кафиры, но у них тоже есть гордость. Как ты можешь столь беспечно описывать людские страдания?

- Страдания подлых язычников? А за что их жалеть? Они же поклоняются демонам, заключенным в камне и совершают другие мерзости, неугодные Аллаху.

- Ты не хочешь понять. - Девочка говорит торопливо, прижимая руку к сердцу и дрожа всем телом. - Представь себе женщину... Хорошую, добрую женщину. Может, язычницу, но что же из того? Она слушается свекрови и старших невесток, готовит пищу, возится с малышами, моет белье и растапливает очаг. У нее есть муж, который ее любит и ласкает по ночам. А потом приходят они...

- Кто это «они»?

- Они. - Сиддика смотрит прямо мне в глаза своим темным бездонным взором. - Приходят, убивают мужчин, которые хотели защитить свой дом от жадных лап насильников, забивают сапогами убеленных сединами старших, поджигают дом, выносят оттуда скромный скарб и гонят молодых женщин и детей на базар. Там их всех разлучают. А ее, еще вчера свободную и вольную, жадные торговцы выставляют, словно скотину, на продажу. Ты говорил, что мы ведем войны за истинную веру. Отныне я знаю, что

пьющие вино мунафики¹ нападают на безвинных людей, чтобы удовлетворить терзающую их страсть к насилию и грабежу. Только потерявшие души животные способны на такие гнусности. Священная война - ложь. Я поняла это с великим стыдом!

Теряюсь от ее резких слов. Подходящего ответа нет, и в комнате повисает неловкое молчание. Неужели она говорит правду? Что, если она говорит правду?!

Ровшан часто погружался в забытие, из которого всплывал, чтобы бесцельно блуждать по улицам Шабрана², куда забрел после того, как отдал эмиру войска фирман султана. Молодые женщины внушали чуткую нежность. Каждая смущенно кутавшаяся в покрывало черноглазая девушка напоминала ему Сиддику. Ровшан с любопытством разглядывал крепостные стены с полукруглыми башнями, облицованные на диво ловко подогнанными тесаными камнями. Даже улицы здесь были вымощены каменными плитами и плоским булыжником. Ловки же были ширванцы³ по камню работать...

Сиддику теперь он видел постоянно. Довольно было заснуть, как она приходила и начинала вести непринужден-

¹ Мунафик (араб. مُنَافِق) — лицемер в лоне исламской религии. Согласно Писанию, мунафик лишь внешне носит личину примерного мусульманина. Внутри же он все тот же жестокосердный и лживый язычник. Вынужденный существовать в исламской умме, мунафик уподобляется подслеповатому кроту, который убегает от врагов через потайной выход. Считается, что именно мунафики разрушили единство и чистоту ислама, погрузили его в нескончаемые циклы несправедливости, насилия и отвратительной тирании.

² Шабран — средневековый город, существовавший в V—XVIII вв. от Р.Х. в северо-восточной части современного Азербайджана. Сефевидо-османские войны первой четверти XVIII в. привели к разрушению города, а последовавшее за этими печальными событиями землетрясение окончательно стерло его с лица земли.

³ Ширван (перс. شیروان) — историческая область в восточной части Южного Кавказа. Основными городами урбанизированного Ширвана были Шемаха, Шабран и Баку. Это царство сумело продержаться около восьмисот лет: с момента основания арабской династией Мазьядидов (араб. بنو مزید *Banu Maziyad*) правившей в период 799-1027 гг. от Р.Х.) и до падения в 1537 г. от Р.Х. сменившей их династии Дербенди под натиском Сефевидского Ирана. Ширван с его тюркизовавшимся за века иранским и кавказским населением стал основой для возникновения современной азербайджанской государственности и литературного тюркского языка.

ные разговоры. Во снах Ровшан снова становился мальчиком, ссорился с ней и мирился в старом отцовском дворе.

Теперь он стал видеть сны, где он снова и снова овладевал Сиддикой. Удивительное дело! Шрамы на лице у девушки исчезли уже во время первого сна. Зубы во рту сверкали здоровой белизной. Он чувствовал ее запах, волнующую смесь кисловатого девичьего пота в подмышках и душистых роз, когда он жадно впивался в ее свежие уста. Длинные распущенные волосы источали аромат дикой степной полыни. Это было поразительно. Сначала девушка выглядела смущенной. Но затем стыдливость ее прошла, она непринужденно снимала одежды с торжествующей уверенностью любимой женщины, блистая гибким телом с высокой грудью и тяжкими бедрами. Раз за разом землянка, где он познал Сиддику, становилась все уютнее и уютнее. Сначала исчезли очаг и сочащиеся сыростью стены. На полу появился ковер, затем полотнища оплели пестрым узором всё вокруг. Они страстно любили друг друга на широком ложе. Казалось, некая странная сила пыталась стереть из памяти уныние и тягостное чувство вины, терзавшее его в часы бодрствования.

С тех пор, как фэриште покинула его, Ровшан частенько заходил в дрянной кабачок в христианском харабате, брал вина и часами лежал в углу, почти не притрагиваясь к чаше. Там он и засыпал, пытаясь вновь соединиться с растворившейся в небесах душой. Но каждый раз лишь проваливался в бесконечную тьму.

Станный посетитель зашел в кабачок и подсел в его угол. Казалось, само время умерло и сгнило в складках одежд незнакомца. Он был худым, словно в жизни своей не пробовал плодов земли и не ведал свежего мяса. При этом на его лице не было ни единой морщинки.

«Счастливец, - мысли Ровшана ворочались с трудом, - верно, ни разу не испытал в жизни горя. Сколько лет голубоглазому молодцу? И не поймешь - то ли мой сверстник, то ли, может быть, ему все пятьдесят, или даже больше...».

Незнакомец терпеливо ждал. Ровшан не выдержал и спросил, с отвращением кривя рот:

- Кто ты такой и чего подсел ко мне? Коль решил налакаться у этих нечестивых псов, бери кубок и пей. А меня оставь в покое.

Незнакомец улыбнулся с какой-то непонятной снисходительностью. И важно произнес:

- Что, не снится кроткая гурия? Бедняга. Ничего не поделаешь. Путь в наш мир не так-то прост, а они смертельно утомляются и должны отдыхать в своем саду. Ты считаешь меня обманщиком? - Незнакомец зевнул. - Извини. вечно приходится слышать одно и то же. Позволь-ка представиться: зовут меня Кёса¹, и я маг, обучившийся ремеслу у лучших мастеров нашего братства в Ширване, истинном прибежище змей.

- Кёса? Смешно. И что же, почтенный Кёса, у тебя нет ни куньи, ни имени с насабом и нисбой? К примеру, меня зовут Ровшан ибн Фируз, по прозвищу Джомард. А ты, видать, живешь в этом мире с одним поганым лагабом, вполне приличным гебрскому отродью.

Ровшан хрипло рассмеялся, надеясь вывести подозрительного собеседника из себя и подтолкнуть его к неуместной откровенности.

- Ну да. Кёса, просто Кёса и ничего более. - Маг улыбнулся с подкупающей простотой. - Зачем лишнее нагромождение слов там, где требуется имя, способное одним словом описать всю суть человека? Вот ты - Джомард, и этим всё сказано. А я - Кёса. Для людей, сведущих в моем деле, этот короткий лагаб скажет больше, чем витиеватое перечисление предков да титулов. Успокойся. Думаешь, хочу заманить тебя в ловушку? Я человек прямой. Когда вошел в эту комнату, сразу же увидел доблестного убийцу с твердым взглядом и хорошим слогом в письме, без раздумья свернувшего не одну шею. Одна лишь беда: у таких молодцов можно легко обнаружить в потаенных углах памяти замученную невинную пчёлку. А это делает тебя весьма ценным для тех средств и целей, которые стоят передо мной...

Ровшан рывком облокотился о стену и спросил, обжигая Кёсу взглядом:

- Теперь ты мне расскажешь всё? Иначе, клянусь душой погибшей любимой, я тут же вытрясу из тебя твою, ежели она имеется!

¹ Кёса (Коса) — на территории Южного Кавказа и северного Ирана в дни новогоднего праздника Новруз популярны народные представления с участием таких комических персонажей, как Коса, он же Редкобородый. Коса надевал шутовской наряд, на голову нахлобучивал войлочную шапку, а лицо прикрывал маской или бородой. Однако есть иная традиция, где Кёса далеко не так безобиден.

- Конечно, я расскажу всё, и даже куда больше, чем ты смел надеяться! - Кёса встал и запахнул полы халата. - Приглашаю тебя в свой гостеприимный дом. О, всё превосходно знаю! Ты меня уже сейчас ненавидишь и считаешь врагом. Но я не враг тебе, а всего лишь скромный ученый, преданный науке. Ты ведь хочешь встретить свою любимую во всей ее дивной красоте, и навеки жить с ней, отринув лживый мир? Это дело возможное. Я торжественно обещаю тебе исцеление и приведу кроткую девочку, облаченную в нежную плоть, даже если ей вздумается упираться. - Кёса рассмеялся. - Ты ведь у нас джомард, и не испугаешься слабого старика и его бедного обиталища?

Они шли долго, плутая по улочкам Шабрана. Выйдя из ворот, Кёса несколько мгновений принюхивался к потокам теплого вечернего воздуха, словно чуткая собака, и уверенно пошел в сторону темнеющих высоких гор. Потом он обернулся к Ровшану и делая плавные движения руками, заговорил увлеченным тоном исследователя, всецело поглощенного своим предметом:

- А ведь странно, почему зло так любит потаенные пещеры в лоне высочайших гор? В то же время ему не место на бесконечных равнинах и степях, благоухающих полынью. Народы, живущие там, могут быть жестокими в своем торжестве над врагами. Но истинная развращенность им недоступна. А знаешь ли ты, в чем состоит чистейшее зло?

- Не знаю и знать не хочу. - Ровшан исподлобья взглянув на жестикулирующего Кёсу. Маг был похож на шута в высокой шапке, кривляющегося в новрузовском балагане.

- А стоило бы. Возьмем тебя. Я внимательно прочел гороскоп, прежде чем подойти и свести, так сказать, более близкое знакомство. В детстве ты забил камнями любимую белую кошку своей невесты и кинулся на нее с ножом. Позволю себе прояснить сокрытую причину чудовищных поступков. Тебе хотелось увидеть и почувствовать страдания невинной плоти. Счастье пресное, а разврат такой пряный! Признайся же: ты много раз представлял себе, как душишь девочку ее же длинными душистыми косами, а она хрипит, и из ее прекрасных глаз потоком льются слезы! И главное, насилие никогда не приедается. Нет ничего скучнее, чем ухаживать за капризными розами в саду и поднимать новые ряды в основе ковра. Наоборот, боль так интересна! В этом основа основ всякого настоящего доблестного - он доходит до последних пределов, недоступных простым смертным.

Ровшан почувствовал, как его пробирает мелкая дрожь. «О Аллах великий, куда я иду? Этот бес совсем не так прост, как кажется. Откуда он узнал про гнусные мысли в мальчишескую пору? Что, если я не справлюсь, и погублю Сиддику, как ранее погубил свою душу?»

- ...Так вот, одна из причин жестокости людской в неисправимой развращенности, соединенной с великой гордыней. - Кёса говорил назидательным тоном учителя, наставляющего учеников в медресе. - А другая - те самые пределы! Поверь мне, пока человек не упрется в свои пределы, он не остановится. Ты думаешь, почему мы еще не летаем? Потому что таковы наши пределы. Но ведь летают же птицы? Следственно, может полететь и смертный червь. И он полетит, поверь мне! Я верю в человека и в его способность покорить самые глубокие тайны Вселенной. Человек - мой Бог! Правда, во имя Бога приходится иногда убивать бога, такое вот противоречие...

Но я отвлекся. Почему зло любит пещеру и сторонится пустыни? Чтобы вспыхнул огонь и разметал тесные преграды, ему нужно стиснутое каменными плитами пространство. Зло - величайшая созидаящая сила и ему нужна покойная тишина, даже если она схожа с могильной. А вот открытые просторы породят лишь народ Бадгира¹ да Кехриза - и хищных шершней, кормящихся с этих трудолюбивых пчелок. И еще праздных мечтателей, называющих себя пророками. Суть истинного творения пустыне чужда, для этого она слишком уныла и, по сути своей, пресна...

Очнувшись, Ровшан увидел, что они подошли к подножию огромной скалы, словно упировавшейся в небеса. Шабран растворился в непостижимой дали, хотя прошло совсем немного времени. На вершине утеса возвышались

¹ Бадгир, он же ветролов (перс. بادگیر) — одно из удивительнейших достижений иранской цивилизации, служащее для вентиляции зданий и поддержания комфортной температуры в самый страшный зной. Бадгир представляет собой очень высокую и массивную башню, обычно имеющую внутри воздушные каналы, выходящие на четыре стороны света. Высота этой громадной башни позволяет использовать так называемый «каминный эффект». Прохладный ночной воздух струится через бадгир в здание и охлаждает раскалившиеся за день толстые стены традиционных иранских жилищ. Лучшие бадгиры способны понижать температуру внешней среды на двенадцать-пятнадцать градусов. Звучит невероятно, но в комбинации с подземными каналами (кехризами) бадгиры были способны образовывать лёд в подземных хранилищах.

развалины мрачного замка с причудливой цитаделью. Кёса повернулся к Ровшану и сказал, посмеиваясь:

- Ну, вот мы и дошли. Нет, совсем не эти унылые развалины твердыни гордого Хосрова Первиза, где ухают совы. Видишь эту неприметную дверцу? Там мой любимый дом.

Кёса подошел к двери и произнес несколько фраз на лающем языке. Дверь плавно раскрылась, и Ровшан шагнул во тьму, вдруг вспыхнувшую огнем десятков чирагов, горевших холодным и ярким светом. Кёса вошел вслед за ним. В глубине громадной залы Кёса быстро скинул с себя обноски и вытащил из ниши длинный белоснежный халат и такую же доппи. Он строго посмотрел на оробевшего Ровшана и тщательно запахнул свои одежды, подтянув их белым же шнурком. После чего водрузил на нос странное сооружение из окаймленного блестящим огнем тонкого стекла и надел белую полотняную маску, закрывшую нижнюю часть лица.

Остановившись в нескольких шагах от юноши, колдун скрестил руки и заговорил голосом Сахиба Дейлеми:

- Вот видишь, мальчик, - а ты еще искал меня. Не дивись! Я умею мастерски подделывать голоса, как искусный дабир - почерки, не чета добродетельному Фирузу. Суть же в том, что истинная доблесть может иметь множество отражений. Но все они рано или поздно сходятся в одном облике. Ну что, займемся замученными пчёлками? Готов, любознательный мальчик? Ты уже пожал мне руку, когда согласился пойти на это сомнительное во всех отношениях дело. Я - не Сахиб Дейлеми, мне не нужны договоры, рукобיתье и прочие заблуждения купцов. Идем же! И не вздумай плутовать, тут даже стены мне повинуются. Оружие я имею привычку отбирать, потому что не доверяю никому. Что стоишь? Тебе предстоит увлекательная прогулка.

Схватив Ровшана за предплечье стальной хваткой, Кёса повел его вглубь бесконечных переходов. Наконец, они вступили в переход, терявшийся в сиреновом дрожащем мареве. Звуки обрушились со всех сторон. Плач, крики, полные боли и страдания, метались в стиснутом пространстве пещеры, словно стая перепуганных горлинок в сети жестокого ловца. Ровшан увидел длинный ряд рамок, в которых были картины существ, по облику своему схожих с невинными девушками. Волшебным образом эти изображения трепетали и менялись на глазах, представляя всё более ужасные сцены насилия над хрупкими девичьими телами. Потрясенный Ровшан отступил назад, во тьму. Но

Кёса выволок упирающегося юношу обратно и заговорил мертвящим голосом:

- Испугался? Правильно сделал, что испугался! Хочешь знать, кто эти девочки в цепях? Они невинные души уловленных мною жадных до земных благ сводников да шлюх. Каждый раз, когда людишки грешат против своей тени, я накидываю новые петельки на светозарные тела. Да-да, я тоже алхимик, как одна черноглазая ласточка, ночами просиживавшая перед узорами, каждый из которых кричал о любви. Но скоты не разумеют грамоты. Чего это ты побледнел, как мертвец?

Кёса торжествующе оглядел длинный ряд картин, из которых доносились душераздирающие стенания и плач.

- Души юношей и девушек здоровы и полны сил. Благодаря этим добрым девочкам люди учатся мечтать о высоком, испытывают отвращение к грязи и злу. Ведь при любой попытке совершить мерзость душа начинает горько плакать. В этот миг человек испытывает укоры совести. Время идет, люди сталкиваются с несправедливостью, обидами, злобой этого мира. Еще лучше развращают сумасшедших обезьян золото и драгоценные камни, изысканные одежды, дворцы, переполненные слугами и роскошными яствами, переступающие точеными копытами скакуны в превосходной сбруе, рубиновое вино в чашах. Каждый раз, когда такая вот обезьяна зрит это великолепие, плоть начинает рычать и требовать глухим от бешенства голосом: «Почему не я? Почему не мне? Чем я хуже них? Почему эти холеные мужчины и женщины наслаждаются вкусной едой, притрагиваются к дорогим вещам, небрежно швыряют золотые и серебряные монеты, а я каждый день гребу на проклятой галере жизни, получая затрещины на завтрак и удары сыромятной камчой на ужин?» Ну, что может поделаться со взбесившейся мартышкой кроткая девочка, прижимающая к нежной груди книги с прекрасными картинками?

Видишь пустые рамки? Это ловушки для новых душ, а в глубине их спрятаны мои уютные застенки. Стоит презренной плоти совершить первый грех, как я набрасываю аркан. Когда же стискиваю петлю, души бессильно стонут. Они слабеют, плачут и умоляют отпустить их обратно, к своим любимым. Но не тут-то было. Души уже мои! Ну-ка, мудрейший Ровшан, посмотри на мои избранные сокровища. Ты не замечаешь в них ничего особенного?

Ровшан побледнел. В чертах обнаженных девушек он вдруг почувствовал что-то знакомое. Он посмотрел на одну из картин и прошептал:

- Неужто это душа правителя моего славного Города? Прошло много лет, но я узнал ее. А эта страдальца, кажется, принадлежала шейх-аль-исламу¹.

Чем больше он смотрел на картины, тем больше чудесным образом узнавал лучших людей общества. Да, все они были тут: обесчещенные, с вырванными крыльями, которые когда-то несли их к возвышенным мечтам!

Не в силах дальше смотреть на это гнусное зрелище, Ровшан прикрыл глаза. У него мелькала мысль о побеге. Но он уже убедился в могуществе голубоглазого волшебника и понимал, что просто так вырваться из подземных коридоров замка не удастся. Дрожа всем телом, он сделал несколько шагов и снова услышал ненавистный голос Кёсы.

- Гордые аристократы, богатые купцы, ученые законоведы и знатоки шариата - все они тут, у меня в гостях. Видишь пустые рамки? После того, как я убью людские души, я меняю их на свиные, собачьи, куриные или иные скотские сущности. Люди с душами презренных скотов никогда не будут мечтать, требовать справедливости, помогать ближним, проявлять милосердие и мучиться от странной болезни, именуемой любовью. Они просто животные, хоть облик имеют человеческий. Животные мечтают о жратве, но лишь истинный мудрец провидит силу власти в восстании против подлого ремесленника, склепавшего ваш мир криво и косо, словно негодный глиняный сосуд... Но что я о фаласуфе да каламе, - Кёса щелкнул пальцами. - Пора и о тебе речь вести, мой юный друг! Разве я не обещал тебе исцеление? Посмотри-ка сюда.

Истерзанный Ровшан тупо смотрел на совсем новую рамку. Там билась о стены, сверкая пестрыми крыльями, высокая черноглазая девушка в одеяниях, подобных серебряной кольчуге. Ровшан узнал сестрицу, безжалостно брошенную на пыльной дороге. Множество длинных кос разметались по хрупким плечам, тонкая талия была коварно схвачена прочным арканом. Кёса, холодно улыбаясь, поднял руку и медленно сжал ладонь в кулак. Петля стала подтягивать душу к холодному каменному полу. Мгновение - и пестрые крылья сложились, придавленные неведомой

¹ Шейх-аль-ислам (араб. شيخ الإسلام) — титул высшего духовного лица в ряде государств.

темной силой. Сиддика упала на колени, закрыв светлый лик белыми узкими ладонями. Юноша рванулся к картине - но остановился, словно пораженный молнией, когда девушка пронзительно закричала, корчась от нестерпимых мук:

- Ровшан, как ты мог предать меня во власть Ахримана? Ведь я всегда верила в тебя. Вспомни, как мы вместе сидели у порога отцовского дома, тесно прижавшись друг к другу. Вспомни! Я слушала чудесные истории о путешествиях на дальние острова пряностей, где живут добрые принцессы с кротким взглядом, и желала тебе увидеть их. Ты хотел стать безупречным воином, защищать вдов и сирот. Но тебя пленила роковая мечта о земных благах. Ты мечтал о познании тайн Вселенной, о постижении мудрости прошедших веков - и я тоже грезила о том, чтобы прилежно сидеть с тобой ночами, отирая пылающий лоб прохладной рукой. И кем ты тут собираешься стать? Подручником чернокнижника?.. Ты растоптал наши жертвы и погубил чудный сад, когда решил служить тьме. Ты предал!

Кёса медленно опустил руку. Новые петли захлестнули крылья фэриште. Жадные серые лапы протянулись из-под каменной кладки и вцепились в рукава и полы ее одежд. Сиддика рванулась к Ровшану, следившему за ней полным ужаса взглядом. В это время двое серых зверей, похотливо рыча, стали подкрадываться к перепуганной девушке. Когда еще одна петля схватила ее за горло, она вновь закричала:

- Ровшан, мне страшно! Умоляю, спаси меня! Любимый, ведь ты не захочешь потерять возлюбленную, влачить свою жизнь без ласковой души? Разве не ужасно носить в себе свинью или иную скотину, подчиняясь ее гнусным желаниям? Больно! Ах, больно! Не дай дивам обесчестить и погубить меня!

Очнувшись, Ровшан бросился на колени перед колдуном, схватив его за полу халата. Заплетающимся языком он стал умолять пощадить его душу. Кёса остановил юношу повелительным движением руки и размеренно заговорил, оставив на него бельма жутких голубых глаз:

- Вижу, невинная девочка весьма дорога тебе. Что же, признаю: давно не встречалась такая редкая жемчужина. Этот цветок не сломаю, но при одном условии. Станешь моим учеником и будешь помогать в деле алхимии и колдовства. А дело это многотрудное! Ну что, согласен? Скажи «да», и я прикажу распутать девицу. Она будет оставаться в рамке - уж извини, но я не хочу, чтобы ты вздумал удрать из-под моей гостеприимной крыши, крепко стиснув люби-

мую в объятиях и прихватив с собой запретные знания. Но ты сможешь с ней видаться в определенные дни. Обещаю хорошо кормить душеньку праведными делами колеблющихся в выборе людей, и не обижать. Правда, она будет скучать - но ничего не поделаешь, темница есть темница. А ты сохранишь свою девочку, которая будет утешать тебя чудесными песнями в своей клетке - прямо как пленная птичка. Ну что, согласен? По рукам? Я всё же вынужден идти по стопам веселого Сахиба Дейлеми.

Охваченный смятением, Ровшан нерешительно протянул руку колдуну. Но Сиддика, заметив его движение, хрипло закричала, дергаясь в путах:

- Ровшан-джан, не слушай этого презренного! Вольные птицы не живут в клетках... Я всё равно погибну, а ты возьмешь на себя грех человекоубийства и воровства душ. Демон обманет... Ровшан... милый... Я задыхаюсь...

Петля туго захлестнула нежное горло девушки. Глаза ее закатились и она вытянулась на камнях, раскинув поблекшие крылья. Чудовища неслышно отступили в сгущающуюся в картине тьму. А Кёса тронул рукав Ровшана и заговорил чарующим голосом:

- Бедная душа, она совсем обезумела от ужаса. Вот смотри, до чего доводит фэриште страх перед насилием! Ну, посуди сам: как я могу тебя обмануть? Условия сделки справедливые. Зачем мне опустелый сосуд в сердце моего будущего ученика? Ты сможешь навещать девочку и справляться о здоровье своей души. Ну, соглашайся!

Решившись, Ровшан вновь протянул руку колдуну. Лицо его заливал горячий пот, он думал лишь о спасении прекрасной пленницы. В этот миг едва заметное движение воздуха овевало пылающее лицо юноши. Он повернул голову и увидел, как открыв в последнем усилии черные глаза, Сиддика гневно свела густые брови.

Подземелье прорезал дикий вопль. Колдун, наткнувшись на сверкающее лезвие в руках Ровшана, спрятал изувеченную руку за спину и, похрюкивая, ринулся прочь от обретшего силы юноши. Повернувшись, тот нанес яростный удар елманью¹ по колдовской снасти. Рамка распалась на мелкие куски, и Ровшан обнаружил себя в застенке. Вервие уже оплело длинные волосы девушки, подтягивая ее к потолку. Она кричала от боли, извиваясь всем своим тонким телом. Пестрые крылья трепетали, бросая слепящие лучи света.

¹ Елмань (старотюрк. *يالمان*) — расширение к концу сабельного клинка.

Одна из серых тварей готовилась наброситься на жертву, когда Ровшан нанес резкий удар, разрубивший хребет. Зверь рухнул на бок, оставляя глубокие царапины на каменном полу, и медленно расплылся черным жирным пятном. Второе чудовище тут же отступило в расступившуюся стену. Ровшан подбежал к Сиддике. Охваченный бешенством, он изо всех сил ударил по черной змее, высасывавшей жизнь из любимой. Удавка лопнула с громким шипением, и потерявшая сознание девушка упала в его объятия.

Звонящая тишина.

Молчание.

Свет.

Сиддика медленно раскрыла длинные ресницы и, с трудом подняв белую руку, от которой шло слабое серебристое сияние, ласково погладила его по голове. Он порывисто обнял свою душу, чувствуя тонкую шелковистую кожу там, где жестокие лапы служителей чернокнижника разорвали сверкающие одежды. Девушка зашептала, с трудом переводя дыхание:

- Ты всё-таки пришел. Я думала, что прекрасный юноша навсегда покинул чистую невесту, и придется встретить позорную смерть в застенке проклятого врага веры. Но мы заточены в мире зла и скверны Кёсы, из которого нет выхода. Что нам делать? Я обессилена пытками демонов и не смогу сражаться. Ровшан, прости бедную слабую птичку за то, что не смогла уберечь тебя от соблазна...

Зрачки фэриште расширились. Сиддика спрятала голову с разметавшимися косами на широкой груди Ровшана и закричала тонким сорванным голосом:

- Идут! Любимый, спасайся, оставь меня! Отец, помоги ему...

- Спасаться? Разве можно спастись без души? Мы погибнем или спасемся вместе! Ты друг, а друзей не предают. Как же я был слеп и неблагодарен, отвергнув тебя...

Из трещавшей под напором стены выползали черные щупальца. Раздался злобный голос Кёсы, выкрикивающего богомерзкие заклинания. Внезапно он выступил из тьмы в окружении демонов самого гнусного облика. Рука его была спрятана за спину, маска на лице собиралась в невообразимые гримасы. Кёса зарычал лающим голосом:

- Так, так. В кои-то веки пришлось встретить кебутер¹, верных друг другу. Ах ты, подлый мальчишка, изувечивший

¹ Кебутер (перс. کبوتر) — голубь, горлинка.

мою руку! Теперь придется затратить немало времени и усилий, чтобы исцелить плоть, пораженную оружием фэриште. Ты отказался стать учеником и решил хранить верность своей бездельной душе. Хорошо. Вы подохнете, как ты и желал, вместе!

Ровшан решительно закрыл собой девушку. Рычание и вой заполнили тесный застенок. Из стены выползали самые кошмарные порождения тьмы, готовясь растерзать влюбленных. Ровшан оглянулся. Прекрасной Сиддики нигде не было. Лишь удивительная теплота и сила заполнили все его существо. Он поднял острый меч на уровень глаз и яростно крикнул, сузив глаза:

- Выходите на бой! Вы дивы, стадо хрюкающих свиней, враги правды и света! Я уже больше не боюсь. Я вновь обрел совесть и готов сразиться хоть со всем воинством твоего паскудного хозяина, бешеный пёс!

И стал, непоколебимо упершись ногами в холодный каменный пол, чувствуя, как страстно бьется в его груди сердце доброй ткачихи.

Пояснения к тексту

Ровшан (перс. روشان) - старинное иранское имя, в переводе означает «Светозарный».

Иногда образ **фэриште** сливается с даэне (перс. دیانت, *daena* на среднеперсидском), или совестью в девичьем облике. В старой книге «Книга праведного Вираза» (*Arda Viraz Namagh*) человек, подло замутивший свою совесть-даэне, встретит ее перед переходом через мост Чинват в самом ужасающем виде. Впрочем, современные ученые связывают возникновение такого рода интересных теологических построений с прямым воздействием семитических духовных учений. Зороастризм же, как и его многочисленные ереси, был религией со слабой письменной традицией, за исключением манихейства. Что до фэриште, то в исламский период они часто ассоциировались с райскими гуриями. Мост Чинват (перс. پل چینوات, он же мост Воздаяния) — в зороастрийской эсхатологии представляет собой переход в загробный мир. Чинват выстроен из сверкающих лучей света над бездной и одним концом опирается на заснеженную вершину горного хребта на легендарной север-

ной родине ариев. По легенде, перед грешником, ступившим на смертную тропу, мост ужимается до толщины конского волоса, а праведник проносится по расширившемуся мосту с быстротой мысли. Концепция моста Чинват оказала опосредованное влияние на исламский «волосяной мост» в ареале иранской цивилизации - и все это при том, что в Коране речь вовсе не идет о каком-то мосте, лишь об «узком пути».

Неужто скатились в преддверие дома Иблиса? Атара - место, где обречен на вечные мучения в ледовом плену Иблис, соблазнивший человечество. Исламская модель ада оказала прямое воздействие на гениального итальянского поэта Данте Алигьери, создавшего свой потрясающий загробный мир с его концентрическими кругами, в точности повторяющий кораническое пекло.

Такие немыслимые вещи не сделает и полчище диких маджуджей. Народы Йаджудж и Маджудж (Гог и Магог) по преданию, широко распространённому в авраамическом учении, заперты за высокой стеной, препятствующей их нашествиям. В последние дни старого мира будут освобождены и начнут сеять ужас и разрушение. В различные эпохи цивилизации старого материка почитали народами Гог и Магог гуннов (хунну), тюрок-сельджуков, средневековых монголов.

Кюбра-хатун тревожно ожидала мужа в эндеруне. Женская половина дома, эндерун (территория «харама», гарем), куда доступ посторонних мужчин («намехрем») был запрещен. Прием посетителей производился в бируне - «мужской» половине дома. Половая сегрегация в домах с достатком была очень строгой: даже молотки, прикрепленные к воротам, имели разный звук, чтобы понапрасну не беспокоить женщин. Разумеется, у бедняков дело обстояло куда проще: единственная комната просто делилась на две половины, куда представители противоположных полов складывали свои пожитки.

Маленькие ушки были уже проколоты, на них висели тонкие золотые сережки с красным камнем. Обычно девочкам прокалывали уши, когда они достигали совершеннолетия, совпадавшего с временем первых регул. При этом девушку старались как можно скорее выдать замуж, потому что к семнадцати годам она уже считалась «перестарком». Золото в ту эпоху, вопреки широко распространенным стереотипам, было крайне редким и дорогим металлом, доступным только правящему классу.

...рубашка со множеством смешных штуковин... Во время Средневековья технология использования пуговиц утрачивается и вновь осваивается только на излете эпохи.

С чисто промытыми целебной глиной волнистыми черными прядями... В некоторых странах Востока для мытья применяли специальную мыльную глину.

...это туркоманская девочка! - речь идет вовсе не о современных туркменах, а о средневековом тюркском этносе тюрок-сельджуков, ставшем предком целого ряда больших и малых народов: малоазийских турков, азербайджанских (иранских) тюрок, иракских и сирийских туркоманов.

Совсем как миндаль, да еще и черные, как ночь! Стандарты красоты на территории тюрко-иранского средневекового мира очень сильно отличались от современных. По этим стандартам красивая женщина непременно должна была быть белокожей - но черноглазой и черноволосой, с миндалевидным разрезом глаз и тонкой талией. Светлые волосы или глаза часто вызывали подозрения в неискоренимо лживой натуре или даже колдовских наклонностях.

Сиддика. Героиня этой печальной притчи носит имя Сиддика (араб. صداقة), что означает «правдивая». Это имя было одним из атрибутов Фатимы-Захры, любимой дочери пророка Мухаммеда, по легенде, не согвавшей ни разу в жизни.

...почитала ее домашней невесткой и приютила в эндеруне. Институт «домашних» невесток в ареале иранской цивилизации позволял очень рано приобщать девушек к дому, в который ее намеревались выдать замуж.

...девчонка в весело сдвинутом набок арахчыне - плоская шапочка, богато украшенная вышивкой. По форме несколько схожа со среднеазиатской тюбетейкой. Девушки и молодые женщины обычно кокетливо сдвигали ее набок.

...выпросила у хозяйки дома старую ханá - мастерство ковроткачества было хорошим тоном у женщин на всем ареале тюрко-иранской культуры. Особенно славилась своим мастерством туркменские ткачихи, создававшие ковры поразительной красоты со сложными геометрическими узорами.

...рассказы о руинах некогда прекрасного города Мадаин - город, некоторыми историками идентифицируемый, как Ктесифон (перс. Тесфун, تیسفون), столица Сасанидского Ирана. К описываемому периоду великолепные дворцы и храмы Ктесифона были давно разобраны арабами на строительство Багдада, а от бывшего великолепия остались лишь руины царского дворца.

...странных людях с половиной тела... - вообще, воображение средневековых людей было строго мифологическое. Наснас, невероятное существо, созданное буйным арабским воображением, был плохо известен за пределами собственно арабского культурного ареала.

...а также свирепых единорогах, именуемых каркаданн - под этим существом в исламских бестиариях описывался африканский носорог.

То получу лечение иное от логмана... Логман (Лукман), популярный персонаж, которому приписывалась необыкновенные познания во врачебном деле, и сверх того, владения тайнами колдовства. Часто логманом называли лекаря.

Ну, какой смысл пять раз в день биться головой об джанамаз... Саджада (араб. سجادة), джанамаз (перс. جانماز), намазлык (тюрк. نمازلیک), - специальный коврик для обязательной пятикратной молитвы (намаза), на котором чаще всего изображается ниша, направленная в сторону киблы (Мекки). К этому важному символу веры молящийся обращается во время молитвы.

Основа и уток известны (перс. تار و پود, tār-o pud) - ковроткачество вошло в плоть и кровь ирано-тюркской культуры, лучшие ковры работы персидских и тюркских мастериц можно увидеть на полотнах европейских художников. «Основа и уток», - поэтическая метафора персидского языка, также пришедшая из этого древнего ремесла. Означает естество и суть человека, его род.

Колодец Желаний - намек на легендарный колодец Хейвак в Хиве. Согласно преданию, Хива была основана у этого колодца. Впрочем, исторические данные подобную версию не подтверждают.

...когда прозвучит глас Сура и мир придет к ужасному концу - в исламской эсхатологии Сур представляет трубу в виде рога, диаметр которого равен размеру Вселенной. В Судный День ангел высшей категории Исафил (араб. إسرئيل, Рафаил в других авраамических учениях) дважды протрубит в эту трубу. Ее первый звук уничтожит всех живущих, за исключением некоторых творений. Второй звук опустошит землю. Наконец, третий звук приведет к гибели даже ангелов, последним из которых погибнет ангел смерти Азраил (ивр. אַזְרַאֵל, араб. عزرائيل).

...ты можешь найти зло, столь же древнее, как адиты Ирама Многоколонного. Адиты или племя Ад (араб. عاد) в исламе одно из древних погибших племен, живших на территории Йемена. Кораническое предание упоминает адитов в качестве примера наказания за гордыню. Это племя людей высокого роста жило в роскоши и благоденствии и не последовало за пророком Худом, призывавшим их к единобожию. За это они были уничтожены ужасными напастями. Ирам Многоколонный, он же Ирам зат аль-Имад (араб. إرم ذات العماد) - древний город, где обитало племя адитов. Великолепный Ирам был уничтожен вместе с адитами в наказание за грехи этого древнего народа.

Один из купцов в зуннаре... Сегрегационные законы ислама предписывали носить т. н. «людям Писания» (т. е. евреям и христианам) одежду, отличную от одежд мусульман. Таковым оказывался зуннар (араб. زنار) - пояс особого цвета, призванный подчеркнуть принадлежность человека к иной вере, тем не менее, относящейся к числу т.н. «зимми» («людей под защитой»). Чаще всего зуннар надевали христиане.

...в этих неверных местах, полных кочевий свирепых огузов - это название часто употреблялось по отношению как к тюркам-сельджукам, так и всем туркменам Большого Ближнего Востока.

...развалины твердыни гордого Хосрова Первиза... Очевидно, речь идет о Чираг-гале (Крепость-Светоч), уникальном по мощи и расположению сасанидском кастеле, вместе с укреплениями Дербента заправлявшим кавказский проход. Хосров II Первиз (перс. خسرو پرويز) - шахиншах из династии Сасанидов, правивший Ираном с 591 до 628 года от Р.Х. Гордыня и амбиции этого императора привели его к войне с ромеями, которую он проиграл, и к гибели от рук своих же вельмож. Хосров Первиз стал героем многих легенд и сказок в ирано-тюркском фольклоре, самой известной из которых стала история о любви шаха к прекрасной христианке Ширин (перс. شیرین, «Сладкая»).

...дрянной кабачок в христианском харабате... - религиозные меньшинства жили в особых гетто, носивших название харабат (перс. خرابات). Тут подавали вино в собраниях риндов («развратников»), куда сходились вольномыслящие интеллигенты в обществе образованных гетер. В данном случае речь идет о простом питейном доме.

Гебрский пес... - презрительная кличка зороастрийцев в исламском мире, намек на особое отношение этой религии к собакам, разрывающим тела умерших в т. н. «башне молчания», дахме.

И что же, почтенный Кёса, у тебя нет ни куньи, ни имени с насабом и нисбой? Система традиционного арабского имени очень сложная, хоть и по-своему совершенная. Кунья (араб. كنية) представляет собой вводную часть и позволяет узнать имя первенца. Например, Абу Сулейман (отец Сулеймана) или Умм Омар (мать Омара). Иногда кунья описывала то или иное достохвальное или любопытное свойство личности. Например, сподвижник пророка Мухаммеда, любивший пушистых котов носил кунью Абу Хурайра (Отец кошек). Исм (араб. اسم) или имя - главный элемент. Оно наиболее известно: Мухаммед, Али, Хасан. Обычно именем человека называли в узком кругу семьи. Насаб (араб. نسب) - патронимическое имя, с элементами «ибн», «бин» (сын) или «бинт» (дочь). Эта часть имени была наиболее громоздкой, потому что чаще всего указывались все предки до седьмого колена. Нисба (араб. نسبة «связь») - часть арабского имени, указывающая на религиозную, политическую, социальную принадлежность, место проживания или рождения и т.п. Нисба обозначается с помощью суффикс «и» (араб. ي) - Ширвани, Бухари, Руми. Лагаб (араб. لقب) - последняя часть арабского имени. Обычно это было некое прозвище или возвеличивающий эпитет. Они могли быть как простыми - как, например, нисба "Натаван" ("Злосчастливая") Хуршидбану (1832-1897 гг. от Р.Х.), дочери последнего карабахского хана Мехтикули-хана и азербайджанской поэтессы; так и чрезвычайно сложными и путанными, как нисба "Низам-аль-мульк" ("Порядок вотчины") легендарного великого везира тюрок-сельджуков Абу Али аль-Хасана ибн Али ибн Исхака ат-Туси (1018-1092 от Р.Х.). В общем, человека чаще всего называли по одному из элементов сложно-арабского имени, под которым он и становился известен обществу.

...я маг, обучившийся ремеслу у лучших мастеров нашего братства в Ширване, истинном прибежище змей... Аллюзия на язвительную переписку поэта Хагани Ширвани (1126-1199 гг. от Р.Х.) и ширваншаха Ахситана I ибн Минучихра, правившего в Ширване в период 1160–1197 гг. от Р.Х. Просвещенный и гуманный правитель, ширваншах Ахситан способствовал процветанию городов и развитию ремесел, покровительствовал наукам и искусствам. К сожалению, он оказался впутан в сложную интригу, результатом коей стало заключение Хагани Ширвани в узилище. Там озлобленный поэт написал немало едких инвектив, называя Ширван "Шарваном", переименовав его старинное название как «Обиталище Зла» и уподобляя ширванцев шипящим змеям.

Но что я о фаласуфе да каламе... Фаласуфа (араб. فلسفة) - мусульманское название светской философии, унаследованной от эллинистиче-

ческой цивилизации. Противостояла каламу (араб. الكلام) - классическому исламскому богословию.

...лишь истинный мудрец провидит силу власти в восстании против подлого ремесленника... - вообще, настоящей родиной гностических учений был именно Сасанидский Иран, где лжепророк Мани и его последователь Маздак впервые подняли на щит это разрушительное учение. Согласно манихейству, мир есть всего лишь одно из обличий ада, куда брошены души, уловленные Ахриманом и его воинством. Задача истинно-верного заключается в том, чтобы разрушить смертную оболочку и вырваться на волю. Этого манихеи и их последователи добивались практикой ритуальных оргий и прочими зловещими практиками. Кёса озвучивает именно гностическую, эллинскую версию первоначального учения. Согласно ему, мир создал вовсе не Творец, а весьма посредственный демон по имени Демиург (Ремесленник), склепавший его весьма и весьма скверно. Истинно-духовные люди обязаны подняться против тирана и обрести свободу. Родовые связи учения Мани и современных левых учений при этом прослеживаются весьма четко.

...кебутер, верных друг другу... - мифология многих народов описывает птиц как символ супружеской любви.

Сердце Европы

Польский травелог еврейского писателя

Кто пишет историю

В Варшаву я обычно прилетал, как на перевалочный пункт. Владислав Соколовский, директор издательства «Познание», встречал меня в зале прилета, и мы отправлялись на встречи с читателями то в Люблин, то во Вроцлав, то в Краков. На этот раз я приехал на международную книжную ярмарку в самой Варшаве, и поэтому в этом городе мне предстояло провести десять дней.

Моя гостиница находилась рядом с Гжибовской площадью, сердцем предвоенной еврейской Варшавы. Оставив вещи в номере, я отправился на Гжибовскую улицу, в надежде уловить отголоски давно отзвучавших мелодий. Я не знал, что мне удастся услышать: звук скрипки на еврейской свадьбе, перебранку уличных торговцев или голос кантора.

Увы, ощутить ничего не удалось. Вокруг шумел яркий, совершенно европейский город, наполненный соблазнами дневной и ночной жизни. Бесчисленные ресторанчики, кафе и закусочные с манящими запахами и красочными фотографиями предлагаемых блюд, салоны тайского массажа и откровенные приглашения на пип-шоу не имели ни малейшего отношения к еврейской Варшаве. От нее не осталось ни следа, ни запаха, ни цвета, ни вкуса.

И тогда я вспомнил, как после войны в этот город приехал Башевис-Зингер. Прошелся по улицам своего детства, вернее, по улицам, носящим те же названия, постоял на месте, где был дом его родителей, сказал: «Это не моя Варшава», - и уехал, чтобы больше никогда не возвращаться.

Я не нашел ни старых зданий, ни еврейских лиц, не услышал ни скрипки, ни идишисткой речи, и побрел обратно в гостиницу. По дороге мне на ум пришло еще одно воспоминание.

Несколько лет назад я выступал на Форуме в одной панели с Эвой Юнжиг-Зиомески – госсекретарем в канцеля-

рии Леха Качиньского, занимавшейся в числе прочих дел отношениями между поляками и евреями.

– Перед войной каждый десятый человек на улицах городов Польши был евреем, – сказала госсекретарь. – К сожалению, это изменилось навсегда. Прошлого уже не вернуть, но нам, в сегодняшней Польше, очень не хватает еврейской энергии, еврейской предприимчивости, еврейских талантов.

После бессонной ночи и наполненного событиями дня я рассчитывал уснуть как убитый. И хоть окно номера выходило на проспект Иоанна-Павла, рамы были звуконепроницаемые – шума улицы я почти не слышал. С удовольствием вытянувшись на прохладной простыне, я немедленно заснул.

Проснулся я от sireны воздушной тревоги. У нас в Израиле недавно закончился очередной виток противостояния с бандитами из сектора Газа, которые обстреливали ракетами мирные города. Практически все ракеты сбивала противоздушная оборона, но по сигналу воздушной тревоги все равно надо было бежать в убежище. Мало ли что, в любой самой герметичной системе бывают прорехи.

Убежище в нашем доме находится в подвале, а мы живем на шестом этаже. От Газы до нас две с половиной минуты лету ракеты, до убежища не добежать, поэтому мы выскакиваем на лестничную клетку. За эти две минуты надо отыскать и схватить кота, который от воя sireны забивается самые дальние углы. Не бросать же домашнее животное на произвол арабских ракет.

Стреляли эти бандиты преимущественно по ночам. Специально, разумеется. После двух, а то и трех пробежек с оружием котом под мышкой про сон можно позабыть.

Вскочив с постели и натренированно натянув брюки, я уже собрался искать кота и бежать с ним на лестницу, как вдруг сообразил, что нахожусь в Варшаве и никаких обстрелов тут – пока! – нет. Но sireна выла совершенно четко и однозначно.

Пока я раздумывал, что это может быть, вой затих. Я вернулся в постель и спустя минут двадцать заснул. Через часа два я снова вскочил - искать кота и бежать с ним на лестницу. Но на сей раз не стал натягивать брюки, а поспешил отдернуть занавеси и распахнул окно.

Мне удалось заметить удаляющуюся карету «скорой помощи». Ее sireна абсолютно совпадала с нашим сигналом воздушной тревоги. Когда «скорая помощь» в третий раз

пронеслась по проспекту Иоанна-Павла, я только перевернулся на другой бок и в очередной раз проклял «Исламский джихад».

Международная книжная ярмарка начинала свою работу в десять часов утра. Издательство «Познание» арендовало павильон, повесило большой постер с моей фотографией и фотографиями обложек книг, разложило сами книги по полкам, а меня пан Соколовский посадил в павильон в виде живой приманки. Вот книги, а вот их автор.

И что вы думаете – сработало! Подходили, покупали, я без конца подписывал книги. Обстановка была непринужденной, контакт прямой. Поэтому вопросы задавали, не стесняясь. За четыре дня работы ярмарки через павильон «Познания» прошли тысячи посетителей. Несколько десятков подсели ко мне и завели разговоры на самые разные темы. Вот два из них.

– Значит, вы еврей, – констатировал пожилой поляк с окладистой бородой, делающей его похожим на русского старовера.

– Не могу отрицать, – согласился я.

– До войны половина Варшавы была еврейской, – продолжил старовер.

– Ну, не половина, – возразил я, – примерно треть, около четырехсот тысяч.

– Ну, ладно, пусть треть, – согласился старовер. – Огромное количество людей! И вот они жили, молились, читали и писали книги, плакали, делали добрые дела, учили Божью науку. Ну, и куда это все подевалось?

– Не понял, – растерялся я. – Что вы имеете в виду?

– Да какой толк вышел из всей этой копошни, если следа от нее не осталось?! Как можно верить в Бога, если усилия столько людей, веривших в Него, сдуло, словно пыль.

«Нет, – подумал я. – На старовера он не похож».

– Какой толк? – переспросил я, пытаюсь вспомнить подходящую для ответа историю.

– Толк или смысл, называйте как хотите. Важен результат. Если не осталось ничего, значит, ничего и не было. Не так ли?

«Эге, вот куда ты клонишь», – подумал я, и сразу сообразил, что ответить.

– Перед тем, как переехать в Гура Кальвария, ребе Иче-Меир Алтер жил в Варшаве, – начал я. – Эта история произошла с ним примерно двести лет тому назад. Впрочем,

некоторые приписывают ее ребе Шломо Мошковицу из Шаца в Румынии. Как было на самом деле установить уже невозможно.

«Пришел к цадику его последователь, хасид.

– Ребе, у меня возник очень серьезный вопрос. Каверзный, иронический вопрос. Даже не решаюсь его задать.

Ребе сделал рукой разрешающий жест. Хасид вдохнул поглубже и начал:

– Столько мы усилий в жизни прилагаем! Молимся три раза в день, постоянно учимся, выполняем заповеди, соблюдаем субботу и праздники. А законы кошерной пищи, а запрещенные дни с женой! Вся жизнь расписана по минутам, разложена по полочкам. И все без толку!

– Ты хочешь сказать, – уточнил ребе, – что не видишь пользы от исполнения стольких предписаний?

– Ох, ребе, – тяжело вздохнул хасид. – Именно это я и хочу сказать.

– А ты знаешь, как устроена мельница? – спросил ребе.

– Примерно знаю. Никогда этим не интересовался. Приезжал молоть муку, а внутрь не заглядывал.

– Тогда я тебе расскажу. На первом этаже лошадь ходит по кругу и крутит вал. На втором к этому валу прикреплен жернов. Когда он начинает вращаться, в зазор между ним и другим жерновом сыплют зерно и получается мука. До сих пор все понятно?

– А что тут понимать? – удивился хасид.

– Представь себе, – продолжил ребе Иче-Меир, – что лошадь пришла с претензиями к мельнику:

– Когда ты запрягаешь меня в телегу, и я везу тебя в другое местечко, – сказала лошадь, – толк от моих усилий налицо. А здесь на мельнице я без всякой пользы целыми днями хожу по кругу.

– Э, милая, – ответил бы ей мельник, – если бы ты могла увидеть, что происходит на втором этаже, у тебя такой вопрос даже не возник».

– Хм-м-м, – огладил бороду «старовер». – Есть над чем подумать.

На второй или третий день ярмарки рядом со мной уселся хрупкий на вид парень и сразу предъявил удостоверение сотрудника музея «Полин» – истории польских евреев. Того самого музея, перед входом в который установлен памятник бойцам Варшавского гетто. Фотография у этого памят-

ника есть часть обязательного ритуала израильтян, посещающих Варшаву. Звали парня Миколаем.

– Я обошел всю выставку, – начал он, – и к великой своей радости обнаружил книги еврейского писателя в переводе на польский язык. Еврейская нота снова начинает звучать на улицах Варшавы.

– Ну, это чересчур громкое заявление, – возразил я. – Варшава – не книжная ярмарка, а я приезжий и через несколько дней вернусь домой вместе со своей нотой. Вот вы, наверняка, знаете, сколько евреев живет в Варшаве?

– Точное количество неизвестно, но еврейская религиозная община столицы насчитывает около пятисот членов.

– А во всей стране?

– Всего в федерации еврейских общин Польши примерно полторы тысячи человек.

– Негусто, прямо скажем, – развел я руками.

– Как говорится, мал золотник, да дорог, – в тон мне ответил Миколай.

В музей «Полин» я пытался попасть неоднократно, фотографировался у памятника, и как-то раз даже добрался до детектора входной проверки. Но, на мое еврейское счастье, именно в тот день музей оказался закрытым. Меня интересовала экспозиция по восстанию в Варшавском гетто; на сайте музея нужная мне информация не просматривалась. А тут с Небес послали прямо ко мне сотрудника музея.

– Вам знакомо имя Павел Френкель? – спросил я.

– Нет. А кто это?

– А фамилия Анилевич вам что-нибудь говорит?

– Разумеется, Мордехай Анилевич – руководитель восстания в гетто, глава Еврейской боевой организации.

– Но в Варшаве на улице Заменгоф есть памятный камень в честь Френкеля, а в доме на Гжибовской мемориальная доска. Неужели не слышали?

Миколай развел руками.

– Нам известно только об Анилевиче.

– Хорошо, давайте я вам расскажу. Хотя странно, конечно, заезжему гостю рассказывать о восстании в Варшавском гетто сотруднику музея «Полин».

– А вы не стесняйтесь, – улыбнулся Миколай. Хорошо улыбнулся, открыто и доверчиво, и этим меня полностью подкупил.

– В Еврейской боевой организации Анилевича состояли молодые люди левых сионистских воззрений, занимавши-

еся перед войной педагогической деятельностью и подготовкой к сельскохозяйственным работам в кибуцах Эрец Исраэль. Помимо ЕБО, в гетто действовали еще несколько боевых групп, и самая большая из них – Еврейский воинский союз. В его основе стояла военизированная правая сионистская организация «Бейтар». Это были последователи Жаботинского, готовившиеся к боевым действиям за освобождение Эрец Исраэль. Возглавлял ЕВС бывший офицер польской армии Павел Френкель.

После создания гетто обе организации попросили оружия у Армии Крайовой. Их представителям был задан один и тот же вопрос: если сюда придет Красная армия, вы будете сражаться с нами за независимую Польшу или встанете на сторону коммунистов? Представители Анилевича дали уклончивый ответ, представители Френкеля заявили однозначно: будем воевать вместе с вами.

Еврейская боевая организация Анилевича не получила ничего от Армии Крайовой и встретила немцев пистолетами и самодельными бомбами. Еврейскому воинскому союзу Френкеля поляки передали станковые и ручные пулеметы с тысячами патронов, автоматы, десятки ящиков с гранатами, пистолеты и винтовки.

Девятнадцатого апреля 1943 года началось восстание. Бойцы Френкеля сразу водрузили над домом на Мурановской улице, где находился их оборонный пункт, два флага: бело-голубой еврейский и бело-красный польский. Флаги были видны всей Варшаве.

Не ожидавшие подобной наглости немцы ринулись на захват гетто. Без труда прорвав оборону отряда Анилевича на улицы Генсей, они вышли к Мурановской и тут столкнулись с настоящим сопротивлением. После нескольких атак, понеся немалые потери, немцы отступили.

Флаги развевались над гетто с 19 по 22 апреля. Гиммлер каждый день звонил по телефону бригаденфюреру СС Юргену Штруппу и кричал во весь голос:

– Почему до сих пор не сняли?!!

Отряды Френкеля удерживали позиции в гетто до второго мая. Его Еврейский воинский союз был истреблен почти поголовно. Разумеется, бойцы Анилевича тоже отчаянно сражались, но главная заслуга в успехе столь длительного сопротивления мощной фашистской армии все-таки принадлежит не им.

Около восьмидесяти бойцов Анилевича сумели выбраться из гетто через канализационные трубы, уйти в пар-

тизаны и после войны добраться до Эрец Исраэль. Они рассказали свою версию восстания, и при поддержке левого руководства страны этот вариант стал общепринятым. О Френкеле в нем не было ни слова.

Несколько уцелевших бойцов Еврейского воинского союза десятилетиями стучались во все двери, пытаясь рассказать правду. Но их никто не слушал. Лишь совсем недавно, благодаря усилиям бывшего министра обороны Израиля Моше Аренса, написавшего об этом книгу, подлинная картина восстания стала выплывать наружу.

– Да, историю пишут уцелевшие, а миром правят сильные, – заметил Миколай выслушав мой рассказ. – У нас в музее о Френкеле пока нет ни слова. Но флаги на Мурановской видела вся Варшава, и в немалой степени благодаря им поляки спустя год решились на восстание. Кстати в составе Армии Крайовой сражался отряд Еврейской боевой организации, куда входили бойцы Анилевича. Видимо к тому времени они изменили свое отношение к коммунистам.

Тут подошли покупатели подписывать книжки, Миколай освободил им место, а когда я поднял голову, его уже не было.

Вокруг шумела ярмарка, тысячи веселых, улыбающихся людей непрерывной вереницей шли мимо нашего павильона. Я сидел и вспоминал набережную Вислы, куда меня отвел мой друг Дарек Цихоль.

– Смотри, – показал он на узкую полоску реки. – Вот на том берегу стояли русские, а на этом немцы уничтожали город и его жителей. Почти двести тысяч мирных жителей и около двадцати тысяч бойцов сопротивления. До сих пор, когда в Варшаве руют котлованы под новостройки, находят подвалы, забитые обгорелыми скелетами. Старики, женщины и дети прятались там от перестрелок, немцы из огнеметов уничтожали живых людей, а потом взрывали дома.

– Это ведь один к одному Сабра и Шатила, – напомнил я Дареку. – В 1982 году ливанские фалангисты в отместку за убийство христианского президента Башира Жмайеля вошли в лагерь палестинских беженцев в Западном Бейруте и убили около тысячи человек. За то, что израильские войска не предотвратили резню, весь мир обвинил их в соучастии убийцам. Причем возмущение действиями соучастника куда превышало возмущение самими убийцами.

Русские войска на берегу Вислы вели себя в сто раз хуже, но осуждающих голосов ни тогда, ни сейчас особо не слышно.

Миколай абсолютно прав: миром правят сильные, и они же пишут его историю.

Молиться я ходил в синагогу «Ножиков», единственную из предвоенных синагог Варшавы, уцелевшую после тотального разрушения гетто и города. Строили ее еще в XIX веке, на деньги супругов Залмана и Ривки Ножик, и синагога до сих пор носит их имя.

Роскошное здание с архитектурными выкрутасами давних времен. В будние дни на молитву собиралось человек тридцать, в субботу в два раза больше. Места хватало всем, зал был рассчитан на двести-триста молящихся, но такого количества сегодня, увы, не сыщешь не только во всей Варшаве, но и во всей Польше.

Сразу после завершения первой утренней молитвы, в которой я участвовал, ко мне подошел коренастый мужчина в черной шляпе и с окладистой, от самых глаз, бородой. Для наметанного глаза его вид говорил о многом. Шляпа на нем была хабадского фасона, но не заломленная впереди, как принято в этой хасидской группе, а с прямыми полями, словно ее обладатель принадлежал к идеологическим противникам хасидизма – литовским традиционалистам. На хабадском скюртуке, подпоясанным широким гартлом, красовался литовский талес с роскошным атласным венцом-воротником.

Сразу было видно, что человека мало интересуют тонкости экипировки. Одежда - это не просто покрытие, предохраняющее тело от разрушительного воздействия жары или холода. Из всех существ окружающего нас огромного и многообразного мира одевается только человек, поэтому выбор одежды – это условный код принадлежности, сигнал социуму. В Израиле этот код почти обязателен в некоторых общинах, а вот за границей многие вновь обратившиеся к религии люди на него почти не обращают внимания.

– Вы Яков Шехтер?

– Не могу отрицать.

– Я вас сразу узнал. Вы выглядите точно, как на обложках ваших книг. Я читаю их почти каждый день. Возвращаюсь и перечитываю.

– Спасибо, это очень приятно слышать.

– Вы надолго в Варшаву?
– На десять дней.
– Значит, в субботу будете здесь?
– Да, разумеется.
– Можно пригласить вас на одну из субботних трапез?
Жена страшно обрадуется. Она тоже ваша большая поклонница.

Так я оказался в квартире у Менахема и Миры. Их дом находился в получасе ходьбы от синагоги, неказистое здание, построенное в пятидесятые годы прошлого века. По дороге Менахем рассказал, что сам он из Москвы, а в Варшаве живет почти двадцать лет.

Его жена Мира – стройная блондинка с узкими губами и ослепительно голубыми глазами – буквально не знала, куда меня посадить. По-русски она говорила бегло и свободно, но с легким акцентом – язык явно был не родным.

– Откуда вы так хорошо знаете русский? – не удержался я от вопроса.

– Училась в Петербурге, в театральном училище.

– Так вы актриса?

– Была когда-то. Начала соблюдать заповеди и ушла со сцены.

На книжной полке я заметил все девять томиков хасидских рассказов моей серии «Голос в тишине», выпущенной московским издательством «Книжники». И два тома переводов на польский других записанных мною историй, изданных в Варшаве.

Наконец, уселись за стол и приступили к трапезе. Мира одно за другим приносила из кухни традиционные еврейские блюда: форшмак, гефилте фиш, кугл, салат из рубленых яиц, тертую морковь с чесноком. В довершение поставила запотевшую бутылку водки «Бочан» и крохотные рюмочки из толстого стекла.

– Они тоже из морозильника, – пояснил Менахем. – Так что приступаем.

И мы приступили. Я ел и нахваливал, хотя на мой вкус еда была абсолютно невкусной. Мои гастрономические предпочтения безнадежно подмяла под себя средиземноморская кухня.

Соли недоставало даже в форшмаке, сделанном из селедки, остроты не хватало во всем, зато сахара сыпанули с лихвой. Кугл вполне заменял пирожное, а фаршированная рыба походила на большие куски сладкой ваты. Мне доводилось читать язвительные замечания о «достоинствах»

еврейских блюд из Польши, и вот теперь я получил возможность убедиться в их справедливости на собственном опыте. Зато водка была ледяной, и это немного скрашивало микроскопические размеры рюмочек.

Когда мы закончили есть рыбу, Мира принялась уносить посуду на кухню. Просто всю, включая солонку и салфетки. Менахем попробовал спасти рюмочки, но жена так махнула на него рукой, что бедолага вскочил из-за стола и лично отнес их на кухню.

По еврейским законам, рыбу и мясо нельзя есть из одной посуды. Обычно меняют только тарелки и ножи с вилками, здесь же уборка была тотальной. Мира смела крошки с абсолютно пустой скатерти и начала покрывать ее чистой посудой и мясными блюдами.

– Строго тут у вас, – заметил я.

– Мира очень религиозна, – подтвердил Менахем. – Все правила выполняет по максимуму.

Он потянулся вилкой за кусочком вареного языка, но тут Мира нежно, но весьма требовательно заметила:

– Милый, ты не забыл, что после рыбы перед мясом надо выпить немного водки или съесть кусочек хлеба?

– Но ты же забрала рюмки?! – воскликнул Менахем.

– Мясные в морозильнике.

Менахем снова встал из-за стола и через минуту перед нами красовались такого же размера крохотульки, но совсем другой формы.

После завершения трапезы Менахем вызвался меня проводить. Мало ли, ночной незнакомый город... Мы шли по Варшаве, но я не ощущал ни опасности, ни беспокойства. Город жил ночной жизнью, ярко освещенные кафе и рестораны были переполнены. Смеющиеся молодые лица, полосы цветных реклам, потоки лакированных огнями автомобилей.

– Строгая у тебя жена, – заметил я.

– Строгая?! – вскричал Менахем. – Это просто испанская инквизиция! С вами она еще сдерживалась. В общем, у меня все, как в анекдоте.

– В каком анекдоте?

«– Из провинциального американского городка уезжает в Нью-Йорк на учебу еврейский парень. Отец ему говорит:

– Сын, большие города полны соблазнов и не у всех есть силы им противостоять. Об одном тебя прошу – женись на еврейке!

Ну, сын, разумеется, пообещал, а через два года привез родителям знакомиться невесту китайку.

– Она прошла гиюр и теперь еврейка, – успокоил он отца. – Так что обещание я сдержал.

Перед торжественным обедом в честь молодой пары невеста робко объяснила родителям, что ест только кошерное. Хорошо, мать отложила в сторону приготовленные любимые кушанья сына и заказала еду из кошерного ресторана.

Перед началом ужина невеста предложила всем омыть руки для трапезы. Омыли. Сев за стол, она с подозрением оглядела роскошный фарфоровый сервиз и спросила:

– А посуда молочная или мясная?

– Видишь ли, деточка, – покрываясь от волнения красными пятнами, ответила мать, – мы не соблюдаем так строго законы, поэтому посуда у нас не раздельная.

– Тогда ее надо сменить на одноразовую, – объявила невеста.

Когда она, помогая будущей свекрови, со стопкой тарелок вышла на кухню, отец горько бросил сыну:

– Я же тебя предупреждал – женись на еврейке!»

– Смешно, – сказал я. – Но при чем тут ты вы?

– Да при том, что моя Мира – этническая полька, Марыля. Чтобы выйти за меня замуж, прошла гиюр!

– Интересная история!

– Хотите, расскажу ее полностью? Вам, как писателю, она может пригодиться.

– Конечно, рассказывайте!

– Двадцать три года назад я приехал на экскурсию в Краков и пропал. Влюбился в этот город до умопомрачения. То ли предки мои в нем жили, и генетическая память проснулась, то ли в воздухе, в звездах, в небе что-то совпало с моей душой. Под конец экскурсии я твердо решил, что хочу жить в Польше.

Решить-то решил, но как это сделать? Для мужчины всегда есть выход – жениться. И я стал искать девушку на сайтах знакомств. Полгода искал, год искал, полтора искал. Все не то. Пока совершенно случайно не познакомился с Марылей. Она, разумеется, на сайты такие не заходила. Популярная актриса, возле нее очередь стояла знакомиться. Но не шло у нее. И у меня не шло. Видимо, наши души ждали друг друга.

Как-то раз одна из абоненток с сайта знакомств, после того, как у нас ничего не получилось, написала, что у нее есть подруга и, как она видит, я ей идеально подхожу.

Познакомились, стали переписываться. Я сразу почувствовал – похоже на то. Но пару месяцев тянул, боялся ошибки. А потом полетел в Варшаву знакомиться.

Марыля встречала меня в аэропорту. Я ее издали увидел, и сердце закричало, нет, завопило – она, она, она! Именно та, о которой я мечтал.

Когда я подошел, у Марыли глаза сияли. Она протянула мне обе руки, и я понял, что наши чувства совпадают.

Предложение я сделал по дороге к стоянке такси. Вместо ответа Марыля щелкнула меня по носу. А уже в такси, положив голову мне на плечо, сказала:

– Наверное, ты предполагал, что я откажусь. Но ты ошибся.

Первые несколько дней пролетели, как в угаре. Мы не могли расстаться ни на секунду, не могли наговориться. Когда разговоры пошли о серьезном, я предупредил:

– Марыля, не знаю, как ты к этому отнесешься, но я еврей.

А она мне ответила:

– Знаю, и ради тебя готова стать еврейкой. Твой Бог будет моим Богом, а твой дом – моим домом.

– Какой еще Бог, Марыля?! – усмехнулся я. – Нет у меня никакого Бога, мы атеисты.

Религия в те дни меня не интересовала. Я был успешным программистом, удачным альпинистом, завзятым туристом, отчаянным любителем джаза. Марыля в костел сроду не хаживала, в ее театральной компании ксендзы появлялись только в качестве персонажей из анекдотов. Как у нее эти слова вырвались – непонятно.

«Видимо обрывки из какой-то роли», – подумал я.

– Меня ты вполне устраиваешь и как полька, – сказал я Марыле. – Но если хочешь стать еврейкой, буду только приветствовать.

Мы договорились, что она по-быстрому пройдет гиюр, я пока сверну свои дела в Москве, приеду через пару месяцев в Варшаву, мы поженимся и переберемся в Краков.

Если ты хочешь рассмешить Всевышнего, расскажи ему о своих планах. Из Москвы я вырвался только через полгода, Марыля к тому времени превратилась в Миру и начала соблюдать заповеди. Наш еврейский Бог основательно поймал ее на крючок. Когда в аэропорту я попытался об-

нять мою любимую, она отстранилась и тихонько произнесла:

– Мне еще три дня до миквы.

– Да что такое миква, черт ее дерит?! – вскричал я.

И Мира принялась объяснять. Глаза у нее при этом загорелись, как при первой нашей встрече, и я понял, что это серьезно.

Вот и все. Марыля превратилась в религиозную еврейку Миру, а меня потащила за собой, сделав Менахемом. С Краковом ничего не вышло, вести жизнь религиозных евреев оказалось куда проще в Варшаве, и мы остались тут.

Через год Мира родила дочку, и, увы, больше рожать не смогла. Дочка наша выросла и уехала в Израиль. Там вести религиозный образ жизни куда проще, чем в Варшаве. Замуж она вышла в восемнадцать лет, и мы с Мирой уже дедушка и бабушка.

– Не думаете перебраться к дочке?

– Думаем. Но это совсем не просто. А знаете, что мне Мира сказала несколько лет назад?

Я пожал плечами. Мало ли что жена может сказать мужу после десятилетий совместной жизни. Да все, что угодно! Менахем понял мой ответ и продолжил:

– Я счастлива, что не дала тебе жениться на иноверке, – сказала мне Мира

– Миралэ, – удивился я, – если ты думаешь о моих контактах на сайтах знакомств, то это ерунда. Я ни о ком, кроме тебя, и секунды не думал, как о жене.

– А я себя и имею в виду, – ответила Мира.

Менахем замолчал. Ночная прохлада заползала за воротники рубашек, приятно освежая разгоряченные ходьбой лица.

– Вот такая моя история, – завершил свой рассказ Менахем. – Наверное, можно было бы написать ее по-другому, но я счастлив тем, что получилось, и не хочу менять в ней ни одной строчки.

Во мгле

Что было, то было

Хаим сидел за столом придорожного шинка и смотрел, как вьется пар над кружкой чая. Ни есть, ни пить не хотелось, хотя выехал он рано утром, сразу после молитвы.

За окном шумел холодный дождь. Струи без усталости хлестали по стеклу, черная, разбухшая земля уже не могла впитывать воду и блестящие потоки ползли по двору.

– Ночевать придется, – сказал балагула, осушая невесть какую по счету стопку. – Лошади не потянут через такую грязь.

Пара лошадок, заботливо укрытых попонами, дремала под навесом. Вода глянцевыми полосами свисала с его краев.

До Гуры-Кальварии оставалось каких-нибудь десять верст. Если бы не погода, к вечеру Хаим уже стоял бы в очереди к ребе Иче-Меиру, а к середине ночи попал бы в заветную комнату.

Говорят, нет большей радости, чем разрешение сомнений. Этой радости особенно не доставало Хаиму. Да что там радости – он надеялся, что ребе дарует успокоение его измученной душе и разбитому сердцу.

Детьми Всевышний Хаима не пожаловал. За двадцать лет супружества всего одна дочка. Хорошая, тихая девочка, скромница, умница, прекрасная хозяйка. Только вот... дурнушка. Но не всем же на свете быть красивыми?!

Когда Шейне исполнилось шестнадцать, Хаим положил ей солидное приданое и пригласил опытного свата, найти дочери достойную пару. Сват поговорил с Шейной пять минут и вышел из комнаты, разводя руками. Обычно его разговоры с девушками вертелись вокруг внешности будущего жениха. Но Шейна оказалась с характером: она потребовала, чтобы сумма приданого была занижена до ноля.

– Я хочу, чтобы парень выбрал меня такую, как я есть, а не деньги моего отца.

– Но это совсем не простая задача, – попробовал спорить сват. – И может занять много времени. Очень много!

– А я никуда не тороплюсь, – отрезала Шейна.

Не помогли ни нежные уговоры матери, ни увещевания отца – тихоня и скромница Шейна стояла на своем. Родители любили своего ребенка и не стали перечить.

Прошел год, и еще половина. Претендентов на руку Шейны хватало: видимо, никто не верил, что богач Хаим отдает единственную дочь без приданого. Но половина женихов отступилась после первой встречи – дурнушка-жена не каждому по нраву – а вторую половину отправила домой Шейна, вычислив лишь ей ведомым способом корыстный интерес.

Хаим с женой начали терять терпение, и вдруг жених нашелся. Зисл – достойный парень из хорошей семьи. Уважаемые члены общины Варшавы, крепко стоящие на ногах люди. При виде Шейны глаза у Зисла загорелись, а щеки покрыл румянец восторга. Он искренне считал ее красавицей.

– Ты помнишь, что у нее за душой нет ни гроша? – напомнил сват, когда Зисл после второй встречи попросил назначить обручение.

– Деньги можно заработать, – ответил Зисл, – а вот такую вторую девушку во всем свете не сыскать.

Упрямство Шейны оказалось оправданным. Перед официальной помолвкой родители невесты и жениха должны были встретиться и поговорить. На торжественный обед в большой дом Хаима на Мурановской площади пришла мать Зисла вместе со своим братом. Ее муж, увы, несколько лет назад вернул душу Создателю.

Когда обед перевалил за половину, желудки наполнились, а сердца потеплели и раскрылись, Хаим попросил слова. Наполнив рюмку вишневой наливкой – ничего крепче он сроду не пивал – Хаим приступил к раскрытию тайны.

– Как вы понимаете, дорогие гости, моя дочь вовсе не бесприданница. Почему мы вынуждены были так говорить, сейчас я объясню. Но я бы хотел объявить сумму приданого, чтобы...

Он не успел договорить, дядя Зисла вдруг вскрикнул и хлопнул себя по лбу.

– Все отменяется, – хриплым голосом произнес он. – Боже, как я мог это позабыть?!

– Что забыть? – удивился Хаим.

– Что отменяется? – вздрогнула его жена.

– Когда Зислу было два года, он и его мать тяжело заболели, – начал дядя жениха. – То ли горячка, то ли лихорадка, в общем, навалилась на них непонятная холера. Ты была в беспамятстве, – обратился он к матери Зисла, – поэтому ничего не помнишь. Это я вместе с твоим покойным мужем пошел в синагогу, и он дал обет у свитка Торы: если

Зисл и мать выживут, он женит сына только на сироте- бесприданнице. Прошло два дня, и болезнь, как рукой сняло. Я совсем позабыл про тот случай, только сейчас, когда зашла речь о бесприданнице, история всплыла у меня в памяти.

– Любой обет можно отменить, – сказал Хаим. – Пойти в раввинский суд, заплатит, сколько положено, и делу конец!

– Проблема в том, что идти некому. Тот, кто давал обет – умер.

– Вот! – вскричал Хаим. – Он умер, и обет вместе с ним!

– Не так, – возразил дядя. – Здоровье Зисла и его матери связано этим обетом. Если его нарушить... – он замолчал и многозначительно посмотрел на сестру.

– Давайте завтра с утра обратимся в суд, и пусть он постановит, как быть, – предложил Хаим.

Так и поступили. Судьи выслушали Хаима и дядю Зисла, и удалились на совещание. Впрочем, отсутствовали они недолго.

– Сын не собственность родителей, и обеты, принятые отцом, ни к чему его не обязывают, – объявили свое заключение судьи.

– Ну вот, – с облегчением вздохнул Хаим, – Можно объявлять о помолвке и договариваться о свадьбе.

– Нет, – вдруг заявила мать Зисла. – Пусть по закону никакой связи и нет, но мое материнское сердце неспокойно. Я боюсь за здоровье сына и не хочу нарушать обет моего покойного мужа.

Сказала, как отрезала. И сколько ни уговаривал ее Зисл, чем только не улещал сват, специально отряженный Хаимом – все без толку. Раввин местечка попробовал вмешаться. Мать Зисла выслушала его с величайшим почтением, но мнения своего не переменяла.

Шейна наотрез отказалась от поисков другого жениха.

– Зисл – мой суженый, – заявила она. – Только он и никто другой!

– Если ты будешь так мотать нам нервы, – ответил Хаим, – таки скоро станешь сиротой. Но превратиться в бесприданницу у тебя мало шансов.

Шейна залилась слезами, жена Хаима упала в обморок, а сам он сбежал на урок в синагогу. Вернулся он глубокой ночью, когда все уже спали.

Мужчины, в беспримерной гордости своей, воображают, будто рычаги управления миром лежат в их руках. Ин ху-

лем¹, во сне. Миром правят женщины, как они решают, так все и происходит. Сдвинуть с места мать Зисла и Шейну было не под силу даже тропическому урагану. Старания Хаима и несостоявшегося жениха оказались напрасными. Пустота и крушение духа.

Прошло полгода, прошел год, прошли полтора. За это время с Хаимом приключилось немало неприятных событий. Одно из самых обидных произошло на ярмарке в Цанзе (Новом Сонче). Из года в год Хаим покупал на этой ярмарке у местных помещиков делянки леса под вырубку. Сваленные деревья сплавляли по рекам, вывозили телегами. Все хорошо зарабатывали: и помещики, и пильщики, и сплавщики и, разумеется, Хаим.

Последние несколько лет он всегда заключал сделку с управляющим огромного имения, половину которого составлял строевой лес. На этот раз все тоже пошло по своему обыкновению: на ярмарке Хаим сразу отыскал управляющего, купил делянку, отсчитал аванс и уехал из Цанза.

Когда спустя несколько дней посланные им пильщики явились в имение, выяснилось, что управляющий скрылся, прихватив изрядную сумму денег. Ни о какой сделке с Хаимом никто, разумеется, не слышал.

Аванс пропал, но куда более обидным оказался подвох со стороны старого знакомого. И то, что до следующей ярмарки все возможные сделки на покупку леса уже были заключены.

Эта неудача словно открыла ворота для целой стаи злоключений. Нет, Хаим не разорился, но доходы его существенно уменьшились, и это повлияло на ощущение целостности мира.

Наверное, из-за переживаний Хаима одолела странная лихоманка. Он начал поминутно откашливаться; мокрота безостановочно собиралась в его горле. Лихоманка не отобрала возможности жить и работать, но вести общественную молитву в синагоге Хаим уже не мог. А ведь он так любил это делать и так здорово умел!

В такой ситуации только совсем глупый человек не задумается, почему Всевышний посылает на его голову столько бед?! Ответ напрашивался сам собой: что-то разладилось в отношениях между Владыкой мира и Хаимом.

«Бог меня оставил, – думал Хаим, разглядывая парок, вьющийся над кружкой с чаем. – Всевышний покинул мои

¹ Ин хулим – во сне, в мечтах (идиш)

дела, поэтому они идут из рук вон плохо. Но почему? Что я совершил, чем разгневал Владыку неба и земли? Лишь ребе Иче-Меир может ответить на такой вопрос».

Дождь начал затихать только под утро. Дул неровный ветер, несущий мокрый снег вместе с остатками дождя.

– Подождем до полудня, – предложил балагула. – Авось развиднеется.

– Выезжаем прямо сейчас, – не согласился Хаим, почти не сомкнувший глаз этой ночью. – Лошади хорошо отдохнули – потянут.

На его счастье стало подмораживать, грязь застыла, и колеса повозки бодро застучали по мерзлым комьям. Дорога до Гуры-Кальварии показалась Хаиму бесконечной, но и она закончилась.

Ребе Иче-Меир внимательно прочел квитл, записку, в которой Хаим изложил свои беды. Правда, два мелко исписанных листа бумаги трудно назвать запиской, но квитл есть квитл, и его размеры нигде точно не указаны.

– Про дарование Торы на горе Синай сказано так, – начал ребе. – И стоял народ поодаль, а Моше подступил ко мгле, туда, где Бог.

В сложных жизненных положениях есть три ступени. Первая – туман, когда трудно разглядеть дорогу. Вторая – темнота, покрывающая все вокруг, но которую можно рассеять при помощи фонаря или факела. И третья – мгла, полностью поглощающая свет.

И говорит нам Тора, что в этой крошечной мгле, сквозь которую не может пробиться даже лучик, именно в ней находится Бог. Всевышний всегда рядом со своими сыновьями, и спасает их от самой лютой беды.

– Но где же спасение, почему я его не вижу? – удивился Хаим.

– Ты отдалился от Всевышнего, потерял с ним связь, поэтому и не видишь. Надо эту связь усилить.

– А как?

– Делай то, о чем Он просит. Молись с пониманием смысла, ходи на уроки Торы, жертвуй деньги беднякам. Начни и увидишь, как мгла рассеивается.

По дороге домой Хаим прикинул, на какие дни недели он сможет назначить уроки Торы, и подсчитал, сколько денег сумеет безболезненно оторвать для помощи бедным. Безболезненно – неправильное слово, болел каждый грош. Только деваться было некуда; он сам попросил совета у цадика и, получив его, был обязан выполнить каждое сло-

во. Ведь когда праведник говорит, он прокладывает в мире новую дорогу, и ангелам остается лишь согласно помахать крылышками. Как сказано: цадик приказывает – Небеса выполняют. Небеса выполняют, а уж Хаим и подавно!

Спустя год Хаим снова оказался в том же трактире по дороге в Гуру-Кальварию. На сей раз он ехал куда дальше, в Забже, где намечалась солидная сделка. Согревая руки о чашку с горячим чаем и поглядывая в окно, за которым дождь немилосердно хлестал почерневший забор, он вспомнил, как год назад сидел у этого окна. Вспомнил и удивился, насколько переменялась его жизнь за ушедший год.

Все началось с матери Зисла. Спустя месяц или полтора, после возвращения Хаима от ребе Иче-Меира, она передала жене Хаима, что хочет с ней поговорить.

– О чем мне говорить с этой упрямницей?! – возмутилась жена Хаима. – Ее вздорный характер испортил немало здоровья и нам, и нашей Шейне, и ее Зислу.

– Сходи, – мягко ответил Хаим. – От разговоров еще никто не умирал.

– Умирал, да еще как, – не согласилась жена, но все-таки пошла.

Вернулась она со сверкающими глазами, сияя, как самовар, начищенный к Песаху.

– Назначаем свадьбу! – вскричала она, в ответ на недоуменный взгляд мужа. – Упрямца передумала.

– Она часом не захворала? – поинтересовался Хаим.

– Вчера ей приснился покойный муж, – объяснила жена. – Вид у него был недовольный, и сказал он только одну фразу: кто добавляет – убавляет. Наша будущая родственница женщина упрямая, но в уме ей не откажешь. Она сразу поняла, что имел в виду покойный муж. Я пригласила ее и Зисла на обед. Там обо всем и договоримся.

Вот так просто и внезапно жизнь Хаима и его семьи покатила по новому руслу. Свадьба единственной дочери хлопотливое и дорогостоящее удовольствие, но как-то так получилось, что торговые дела стали потихоньку налаживаться. Нет, речь не шла о больших прибылях или удачно сорванных кушах. Немного повезло тут, гладко прошло там, удачно сложилось в третьем месте. Сейчас, год спустя, Хаим мог с уверенностью сказать, что вернулся к прежнему благополучию и тьфу-тьфу-тьфу даже немного прибавил.

Под хупой его пригласили произнести одно из свадебных благословений. Хаим уже собрался, как следует откашляться, но вдруг сообразил, что в горле сухо.

«Просто повезло», – решил он. Но когда следующим утром его по старой памяти, попросили вести утреннюю молитву в синагоге, а мокрота исчезла, словно и не было ее никогда, Хаим понял, что обещание ребе Иче-Меира начало сбываться.

Сейчас, грея руки о чашку, он думал, как легко мог избежать стольких злоключений! Думал и корил себя безжалостно и жестоко.

Публикация Архива русско-израильской литературы
Бар-Иланского университета

Михаил Юдсон

«Остатки»

Составление Романа Кацмана

Мы продолжаем публикацию фрагментов, сохранившихся в архиве Михаила Исааковича Юдсона (1956-2019) в конверте под названием «Остатки». Предыдущие публикации см. начиная с №14.

*

«Русский, с годами ещё руше, я спрашиваю из моего за-
творца: заговорит ли Россия по-русски?» (А. Ремизов)

-

«Имя прозы».

Понурился я и ушёл в свою конуру, чтобы с двенадцатым
ударом курантов превратиться в мышь.

-

Всегда, открыв книгу, жду чуда. Но чаще выплывает чу-
до-юдо, приходит невод с травой морской, бредень с бред-
нями. Гораль! (судьба). Чаша!.. Гора с горой, а человек — с
Книгой... Тогда начинаешь чудо придумывать, вертеть вол-
чок страниц, раскрашивать, пририсовывать крылышки.

*

Как писал переводчик Бялика на русский (Герцфельд):
«Уселись в стулья и пошли говорить о литературе».

-

Написан текст текущим молоком подтекста и мёдом зри-
мой прозы.

*

Нет никакой Одессы — есть разросшаяся крепостца
Хаджибей с платанами и Дюком.

-

Когда я третий раз кряду попытался снять пробку с те-
лефона, то понял — всё, хватит пить.

-

У Блока (сказывает Ремизов) была в Петрограде трудо-
вая книжка с пометкой: «Литератор, грамотен».

*

А в Иосифе Виссарионовиче тоже слышится «Восемьдесят восемь». Два сапога!..

-

Пророческая фраза из «12 стульев»: «Все евреи — левые».

-

Земная Мария родила от Духа небесного — залетела!

-

Прямо-таки аграрная проза нынешней Руси — незамысловата, безыскусна, бедна.

-

Ремизов называл джойсовский поток сознания — страницы «без передышки».

*

«А темь источник скуки», писал Ремизов. Но тем истовее шифрую текст!

-

«Весь корабль сколочен из чужих досок, но у него своя стать» (Мандельштам).

Я – акмеист по логиям Лотмана («система, под влиянием которой происходят сдвиги значений – уже существующие тексты»).

-

Кстати, Паниковский сын не лейтенанта Шмидта, а историсофа Самуэля Хантингтона.

*

Гоголевский Беглый Нос и Рванный Ноздрёв.

-

Герцен называл массу «паюсная икра».

-

Виктор Михайлович Полесов – махновец! Гуляй-поле!

«С угнетенными против угнетателей – всегда!» (лозунг Махно).

– Ваше кредо? – Всегда!

-

Великий стилист А. Н. Толстой оставил нам притчу про золотой ключик – там чудеса, там бродит Буратино – бунтарь, борец за права марионеток – о, ниторуб! Но закулисно главный демиург там папа Карло – Отец, плотник, вдохнувший душу в полено. Любовный треугольник Пьеро, Арлекин, Мальвина – естественно, Любовь Менделеева, Блок, Белый.

*

Трактат Лютера «Против жидов и лжи»¹. Вот откуда ноги растут – жить не по Жи!.. у неполжителя Солженицына. Жиудеи!

*

Мотек-хайтек прошёл мимо меня, остался шук «Кармель».

-

«Что надо, то в художнике застрянет» (Блок, Дневник, 1918 г.).

-

Волошин предполагал, что в «Двенадцати» у Блока не Христос ведёт патруль, а это они его ведут – знамо и понятно куда. Столбы выюги!

-

Игорь приносит иго каганату – наказание хазарам!

-

«С переносами, с точками и запятыми – всей этой ненужной пестряди, необходимой для тупоголовых – разве это то, что я чувствовал и думал, какой вздор! Нет несказуемых мыслей, только на сказ надо дар» (Ремизов).

*

«Скудость мысли порождает легионы единомышленников» (С. Довлатов, «Записные книжки»).

-

Как утверждал Бродский, традиция – благородное имя инерции.

-

Как выражался Ремизов, бедую в Париже: «и здесь, в зарубежном несчастье, и там, на родине, в России...».

*

По Борхесу («Три версии предательства Иуды») именно Иуда и был Спасителем!

-

Марксиды, как писал Герцен. Марксовские иды.

-

Шли в окаянные годы Блок с Ремизовым по снегу, по сугробам – белое всё. А на душе – не бело.

¹ Памфлет Мартина Лютера называется «О евреях и их лжи» («Von den Juden und ihren Lügen»), 1543 год.

-

Вочередиться, ждать надо, как Ремизов писал, притоптывать разбитыми калошами на морозе, дышать полуртом – бутылку молока Петросовет дарует литераторам.

*

Как Черныш (евский) мечтал приделать к ртутному градуснику карандаш – вот вам и вечный двигатель, что делать!

-

У Шекли в каком-то рассказе на космическом корабле чернильница – писать-то надо!

-

Моя книга – это сплошь игра, лишь бисерометание.

-

Перефразируя С. Лема, если мы ожидаем философа, а приходит клоун, то мы принимаем его за скверного философа. А это просто клоун со своими скверными анекдотами.

*

По мне, неслыханная простота хуже воровства у вечности.

-

Нынешний макулатурный Кассолит.

-

Французский культуролог (19 в.) Ипполит Тэн, описывая произведение литературы, упирал на «три первичные силы – раса, среда, момент». Что ж, раса у меня низшая, среда – обетованная, момент – одну секундочку...

-

Зайчики в трамвайчике, хиджабы на метле...

-

Возьмут у общества мазок на анализ, и проктологический (нрзб.) огласит: «Восстание каловых масс».

ИЗРАИЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ИВРИТЕ СЕГОДНЯ

Эфраим Кишон

Русские идут!

- Уважаемый господин, я хочу быть первым, кто от имени правительства и его учреждений сообщит вам радостную новость: Горбачёв сдался!

- Свободный выезд евреев из России?

- Да, под предлогом воссоединения семей. Двадцать тысяч людей каждый месяц, начиная с после обеда в четверг. Они будут прибывать прямым рейсом из Москвы. Никакой промежуточной посадки, никакого статуса беженцев в США, никакого отсева по дороге, никаких проблем - они прибывают!

- Вот это новость! Можно мне поцеловать вас, друг мой?

- Разумеется.

- Наконец-то мы дождались... Но это точно?

- Что за вопрос?! Первые две тысячи уже прибыли сегодня утром в Лод и ожидают исхода субботы. Остальные - в дороге.

- Пусть все приезжают. Неважно как, неважно когда, неважно зачем, лишь бы приехали. Все!

- Ура!

- Я всегда ждал этого, друг мой. Подписывал все петиции не глядя. "Отпусти народ мой!"

- Господин из России?

- Нет, я только сочувствующий. Какие это люди! Большие, здоровые, умеют выпить и закусить, радуются жизни!

- Да, они замечательные.

- А как они танцуют, поют целый день. И главное: в каждой семье два-три ребёнка.

- Точно.

- А какие они старательные, господин мой, какие дисциплинированные. Слава Богу, что они выросли при коммунистическом режиме. Для них привычно вставать спозаранку и сразу за работу. Эти евреи - сила! Просто спасение для нашей страны; говорю вам, это просто чудо. Они изменят

карту нашего региона, оздоровят экономику, поднимут наш моральный дух, в общем - даже трудно предсказать их влияние на ход истории человечества.

- Три миллиона!

- Вы молодцы, наши руководители, слава правительству национального единства.

- Большое спасибо.

- Продолжайте в том же духе! Моё горячее благословение тысячам новых олим.

- Вы сможете передать его им лично.

- К сожалению, я уже поставил автомобиль в гараж...

- Не нужно никуда ехать, они идут к вам.

- Кто идёт?

- Русские идут.

- К кому?

- К вам. Ну, не три миллиона, разумеется, всего одна семья.

- У меня там нет родственников.

- Не важно. В эти дни каждая израильская семья должна принять одну семью из России. Вообще-то, я и пришёл, чтобы сообщить вам это.

- Это обязательно?

- Пока только по желанию.

- Так что значит "сообщить"?! Попросите меня...

- Мне показалось, что господин так рад...

- Конечно, рад. Я всегда был за советских евреев, даже когда ещё всякие пройдохи ехали в Америку. Меня не нужно учить! Дверь моей квартиры всегда будет широко открыта для могучего потока наших братьев из СССР; а как же иначе?

(Раздаются звуки пианино).

- Ого...

- Это Двора упражняется.

- Простите?

- Сейчас я вам объясню. Единственное свободное место в нашей квартире - это комната для гостей, но как раз там стоит пианино. Моя дочь дважды в неделю берёт частные уроки у госпожи Пресбургер, которая преподаёт также в консерватории. Мы два года ждали, пока она согласится взять нашу дочку в качестве ученицы. Поэтому сейчас я не могу отменить всё это...

- А что, нельзя ли передвинуть пианино в другое место?

- Я думал об этом. Но куда? В гостиной стоит большой буфет. А потом, вы пробовали двигать пианино - это вам не шутка...

- Ну, всего лишь на некоторое время...

- Если бы вы сообщили мне хотя бы две недели назад, когда Двора ещё не начала заниматься на пианино, я бы смог сделать что-то ради алии из России, но сегодня уже очень трудно. А вы говорили с соседями?

- Говорил...

- Ну?

- Тоже упражняются: скрипка, труба, контрабас.

- М-да... А разве я получил что-нибудь, когда приехал в страну?

- Трёхкомнатную квартиру.

- Ну, третья комната совсем небольшая. Кстати, ваши коммунисты, если я не ошибаюсь, они ведь привычные к стесненным жилищным условиям. Они выросли в жуткой нищете, поверьте мне.

- Итак - "нет"?

- Я не сказал "нет". Я всегда готов на жертвы, если есть необходимость. Например, я годами покупал акции государственного займа на абсорбцию, которые правительство должно оплатить мне. Так ведь? Ну вот, пожалуйста, я от этих денег отказываюсь - можете не возвращать мне, передайте их русским.

- И тем не менее?

- И тем не менее, мне нужен покой в доме. А они встают рано, начинают шуметь, вы ведь знаете этих пьяниц - поют и пляшут весь день. От них можно с ума сойти. Более того: у них в каждой семье по два-три ребёнка. Они совсем не как наши евреи...

- Так что же делать?

- Это действительно проблема. А вы ничего не платите за их проживание?

- Нет.

- Ну, я не знаю...

- А может, пусть себе едут в Америку?

- Ну что ж, в нынешней ситуации...

- Очень жаль.

- Но это лишь временно. Через пару лет, я надеюсь, моя дочка забросит пианино, или госпожа Пресбургер выйдет на пенсию. Ну, а пока держите меня в курсе.

Перевёл с иврита Александр Крюков

Итог
(фрагмент романа)

*Моей матери, Маше Шабтай,
в девичестве Померанц*

Старик Гольдман умер первого апреля, а Гольдман закончил с собой первого января, и как раз в такой момент, когда ему показалось, что теперь, благодаря собранности и сосредоточенности, перед ним открылась перспектива новой жизни, что он находится на пороге обновления с помощью «Бульворкера» и самоконтроля, а в основном благодаря астрономии и переводу «Сомниум»¹. Цезарь был единственным, который обратил внимание на это странное совпадение дат смерти Гольдмана и кончины его отца, и даже отметил это несколько дней спустя после похорон Гольдмана, когда стоял на кухне с Израэлем, который разливал для них чай; но он отметил это как курьёз, не имеющий никакого значения, потому что к тому времени Цезарь уже совершенно пал духом и не был готов даже к малейшему усилению сверх самых непосредственных надобностей; в этом болезненном состоянии угасания он продолжал одеваться по последней моде с её кричащими цветами, отращивать усы, курить самые дорогие сигареты, жрать до отвала и гнаться за каждой юбкой, встретившейся на его пути, в то время как его мысли и оставшиеся силы были заняты, в основном, его старшим сыном, заболевшим неизлечимой болезнью, положение которого стало безнадежным. Цезарь уже смотрел на жизнь либо как на затянувшийся и беспощадный разгром, не иначе, либо как на великий случай, из которого нужно выжать максимум наслаждений. В минуты просветления и раскаяния, которые случались у него время от времени, он называл это «весёлым самоубийством». Единственным человеком, кто, без сомнения, постарался бы расшифровать тайный смысл этого совпадения дат, мог быть сам Гольдман, но он был уже мёртв. На самом деле

¹ Somnium (по-латыни означает "Сон") — полное название: «Somnium, seu opus posthumum De astronomia lunari» - роман, написанный на латыни в 1608 году Иоганном Кеплером; считается первым серьезным научным трактатом по лунной астрономии. Карл Саган и Айзек Азимов назвали его одним из самых ранних произведений научной фантастики (из «Википедии»).

тут не было, конечно, никаких тайных знаков, кроме тех, что Рухама, сводная сестра Цезаря, наверняка обозвала бы с иронией «литературщиной»; например, если в начале Нового года, как в начале каждого года, а, в сущности, почти каждый день, Гольдман хотел, будучи не в силах вынести «бремя существования», начать всё сначала, открыть новую страницу в своей жизни, которая в этом особом случае была бы полным освобождением от прошлого и переходом к другому образу жизни (или, если употребить его собственное выражение: «к другому типу времени»), в котором есть полная свобода и абсолютная определённость, в существование которого он старался верить, несмотря на свою трезвость и постоянную приверженность рационализму, кроме определенного периода, когда, изменяя своим социалистическим убеждениям, он неудачно пытался обратиться к религии; что касается смерти отца Гольдмана, Эфраима, то можно было сказать, что он собрался таким образом пошутить, умерев именно первого апреля, потому что это был единственный доступный ему вид юмора, кроме фокусов, довольно простых, но забавных, и в любом случае давно позабытых, которые он когда-то демонстрировал в редкие минуты весёлости. Его жена Регина, которая через несколько дней после похорон стала называть себя Стефание, видела и в этом его поступке выражение злобы и мстительности, - и не потому, что он решил умереть первого апреля, а потому что в тот день был тяжёлый хамсин, возвестивший о приходе ненавистного ею лета, который продолжался без продыху и на следующий день, день похорон, и даже усилился, так что казалось, будто весь город, залитый мутным светом и спелёнутый горячим, как из печи, воздухом, вот-вот распылится и превратится в облако тонкой пыли, а обжигающий восточный ветер медленно поднимет его и рассеет в пустых, затуманенных небесах, посреди которых торчало и гнало страшный жар солнце. Этот жар не спадал даже ночью, и Израэль, которому с трудом удалось задремать после того, как он принял душ и простоял целый час на балконе, глядя на тёмные и безлюдные улицы, проснулся до рассвета и провалялся почти весь день в своей комнате, в студии Цезаря, растянувшись на узком диване, покрытом коричневым пледом из толстой и грубой шерсти. Поутру он ещё сел за рояль, чтобы продолжить работу над «Вариациями Гольдберга», но вместо этого, пока жара и слабость не разморили его, непринужденно сыграл на память «Сарказмы» Прокофьева.

Уступая жаре, он вернулся на диван и снова растянулся на нём; мысли, путавшиеся и мелькавшие, бесследно исчезающие в голове, как-то зацепились за принца Кайзерлинга из Дрездена, который страдал бессонницей, и за его придворного цимбалиста Иогана Готлиба Гольдберга. И он стал играть этими словами, которые тасовались в голове без всякого смысла, с приятной однообразностью соединяясь сами собой в разных калейдоскопических сочетаниях: Иоган Гольдберг, Готлиб, Дрезден, Кайзерлинг, Гольдберг, Голден, Иоган Кайзерлинг, Готлиб Дрезден Готлиб, Иоган Кайзер, Иоган Готберг, Готлинг Либберг Иоган, Дрезден Гольден, - при этом его взгляд пополз, как паук по зеркалу, в котором отражался, по потолку, по запыленной неоновой лампе, по белым, но перепачканным стенам, на которых, как и на широкой двери между двумя комнатами, были развешаны цветные фотографии заснеженных гор, озёр и зелёных деревьев, фешенебельных автомобилей и загорелых сексапильных девиц в бикини, или совсем голых. Часть снимков была сделана самим Цезарем, который развесил их с помощью кнопок и изоленты; они радовали взгляд и в то же время служили тщеславным свидетельством его гедонической жадности, откровенной и безудержной, часть которой он унаследовал от Ирвина, его отца, а кое-что усвоил и сам, как часть того образа жизни, который он вёл без усталости, гордо и демонстративно. Только на фронтальной стороне рояля, в верхнем углу, висела почтовая открытка, которую принесла Израэлю Элла, и она же поместила её в углу рояля, с фрагментом из «Святого Франциска» Эль Греко, в зеленоватых тонах, где был изображён высокий и худой человек с удлинённым, обрамлённым черной бородой очень серьёзным и даже грустным лицом, опустившийся на колени, закутанный в нечто, похожее на тяжёлую монашескую рясу, и держащий в руках череп мертвеца, который он показывает юноше, гораздо меньшего роста, чем его наставник; юноша стоит рядом, тоже на коленях, и в такой же монашеской рясе, голова его, как и голова пожилого человека, покрыта капюшоном, он молитвенно сложил на груди руки и, закатив глаза, смотрит на череп наивным и испуганным взглядом, тогда как во взгляде пожилого светится мудрость, а главное – чувство примирённости с приговором судьбы.

Белый луч солнца, который проник через щели жалюзи правого окна, выходящего на улицу, упал на открытку, и Израэль, очнувшись от глубокого сна, весь в поту, рассеян-

но посмотрел на юношу, на пожилого и на череп, и услышал шаги Цезаря, который, почти бегом поднявшись по лестнице, распахнул дверь студии и вошёл, одетый в фиолетовые брюки и пятнистую яркую рубашку; его крупное раскрасневшееся лицо лоснилось от пота, а настроение было явно приподнятым: маленькие глазки под густыми бровями бегали за мутными стёклами очков, как две счастливые мышки. Он снял с шеи тяжёлый фотоаппарат и спросил Израэля, не было ли звонков, Израэль сказал, что звонила Теила и обещала позвонить ещё раз, ближе к вечеру, Цезарь спросил: «А Элиззра?», и с ожиданием посмотрел на Израэля, но тот, продолжая неподвижно лежать на боку, обронил: «Нет, она не звонила», Цезарь бросил: «Сука», достал из кармана рубашки пачку «Ротманс», закурил сигарету и снова сообщил Израэлю, почти с радостным торжеством, то, что Израэль уже знал со вчерашнего дня, и что Цезарь уже сообщил ему утром по телефону: что отец Гольдмана умер, и что похороны состоятся в два часа на городском кладбище. Израэль не издал ни звука, и на минуту воцарилась тишина. И тогда Цезарь (он, не переставая, вытирал пот с лица и шеи мокрым платком, и в этот момент рассердил Израэля тем, что стряхнул пепел от сигареты на пол) спросил его, что он думает об этой смерти. Но, не дождавшись ответа от Израэля, который невольно бросил взгляд на горсточку пепла, тут же рассеявшуюся, добавил, что уже половина второго и пора поторопиться. Израэль сел на край дивана и спросил, нельзя ли отказаться от участия в похоронах и удовлетвориться визитом соболезнования домой к покойному, особенно после того, как оба они прекрасно знают, какими были отношения Гольдмана с отцом, а также тот факт, что Гольдман не уважал, - если не сказать ненавидел - всякие подобные церемонии, и что, если бы об этом могла идти речь, то неизвестно ещё, явился бы сам Гольдман на похороны отца, и уж тем более на похороны отца кого-то из своих приятелей. Но Цезарь, который любил сборища, праздники и разного рода драматические события, остался твёрд в своем намерении, и сказал, что в этих похоронах обязательно нужно принять участие, поскольку характер отношений между Гольдманом и его отцом – это не их дело, особенно теперь, когда отец Гольдмана уже умер, и что, несмотря на отвращение Гольдмана к церемониям, и несмотря на его рационализм, он не сомневается, что в глубине души Гольдман никогда не простит им, если они не придут и оставят его одного с матерью

хоронить отца; и в связи с этим заметил, что у разума и логики даже самого разумного человека есть граница, и что жизнь не раз заставляет совершать нелогичные поступки, а также, само собой, и неприятные; и в заключение заявил, что он, по крайней мере, примет участие в похоронах в любом случае, даже один. И он снова поторопился Исраэля, который встал с дивана злой и отправился в ванную мыться, ругая при этом Цезаря, и самого себя, и отца Гольдмана, чья смерть не вызывала в нём никакого сожаления, или сострадания, или даже удивления, поскольку тот почти две недели лежал в больнице, не приходя в сознание после неожиданного кровоизлияния в мозг; и врачи считали его состояние безнадежным. И хотя он время от времени приходил в себя и что-то требовал или раздраженно бурчал, - однажды он даже ясно, хотя и с усилием, глотая концы слов, произнёс на ухо Гольдману глухим и очень низким голосом, уже не своим, а как будто прорывавшимся из тёмных и пустых глиняных труб: «Я думаю, что всё-таки кое-что сделал в своей жизни», - и Гольдман слегка кивнул головой своему отцу, который сейчас, когда лежал беспомощный на смертном одре, вызывал в нём жалость, но в основном неловкость, и не только из-за того, как он выглядел, но прежде всего потому, что в глубине души Гольдман, даже и теперь, ненавидел его. Врачи не придавали этим кратким возвращениям сознания никакого значения и советовали членам семьи «приготовиться к самому худшему», и Регина, которую отец Гольдмана, очнувшись вот так в один прекрасный момент, потребовал не подпускать к своей кровати, в самом деле приготовилась «к самому худшему», пока это «самое худшее» не пришло, и ей полегчало – он умер, и никакая сила в мире уже не могла вернуть его к жизни.

Исраэль умыл лицо, вытер его и, причесавшись, вспомнил, что несколько раз сопровождал Гольдмана в больницу, когда тот навещал отца, и один раз даже вошёл в палату, в которой отец Гольдмана лежал, застывший, как труп, завёрнутый в белое одеяло и присоединённый ко всяким трубочкам; его широко раскрытые глаза, всегда немного красные, как у кролика, были мутно-белыми и лишёнными всякого выражения, а распухшее, искажённое лицо стало серосиним. Гольдман сел рядом с кроватью и положил руку рядом с плечом отца, на миг он даже дотронулся до него, ласково, но без любви, в то время как Исраэль остался стоять в некотором отдалении и смотрел на лежащего абсолютно равнодушно, и даже с отвращением. Но потом, когда

они с Гольдманом вышли и шагали по улице, а также в следующие дни, и после его смерти, воспоминание об этом эпизоде неизменно угнетало его из-за того отчуждения и беспомощности, которые были во всей этой омерзительной обстановке вокруг отца Гольдмана, обстановке обречённости и неизбежности.

Ощущение, которое, несмотря на усилия Исраэля позабыть обо всём этом, возвращалось и омрачало его настроение, иногда от случайно увиденного, или услышанного, или сообщения в газете, даже из-за каких-то запахов, а в последнее время, в основном, из-за Эллы; тоска по ней вторглась в него с утра и не отпускала в скучном потоке времени, медленно проплывающем в тяжёлой жаре, царящей в комнате. Они встретились случайно, в кино, и несмотря на то, что в своих джинсах и чёрном свитере под замшевым тёмно-зелёным пиджаком она ничем не отличалась от обычных девиц, - с первой встречи у него возникло ощущение, что она явилась непонятно откуда, а может, и места такого не было: не в смысле бездомности, а будто возникла из пустоты и в один прекрасный момент навсегда исчезнет, так что уже ничто не вернет её. Но он никому не сказал об этом, тем более Цезарю, который тем временем вышел в другую комнату, служившую ему офисом и фотостудией, забитую стульями, масками, прожекторами, коробками, фотоприборами, тряпками, старыми журналами и всяким хламом, поменял плёнку в камере и пропел: «Облади, облада, лайф гос он»¹, а потом налил себе полстакана виски, остановился в дверях ванной и снова спросил Исраэля, не звонил ли ему кто-нибудь. Исраэль сказал, что нет, Цезарь сделал ещё глоток виски и сказал: «Этот Гольдман давно уже должен был закруглиться. Он заработал эту смерть до последней крошки». А потом добавил: «Умереть в его возрасте - это здорово. Больше не надо», и посмотрел на Исраэля, который ничего не сказал, только повесил полотенце на место, вернулся в свою комнату и начал одеваться. Цезарь, последовав за ним, поставил стакан с виски на рояль и, облокотившись на него, вытащил из кармана рубашки белый конверт. Со словами: «Смотри, что я достал», он извлёк из конверта пачку порнографических снимков, на которых двое мужчин и две женщины, одна брюнетка, а другая блондинка, обе с большими грудями, сношаются в разных позах, парами и все четверо вместе; раскрас-

¹ «Облади, облада» - припев модной в семидесятые годы песенки «Beatles».

невшееся лицо Цезаря свидетельствовало об удовольствии, с которым он перебирал фотографии, иногда хмыкая, или что-то кратко поясняя самому себе, или удивленно восклицая. Время от времени он протягивал одну из фотографий Израэлю и говорил: «Что ты скажешь об этой даме?», или: «Смотри, как он над ней работает, сукин кот»; перетасовав колоду, он задержал взгляд на последнем снимке, потом вернул фотографии в конверт, снова хлебнул виски и сказал: «Я люблю крепкие ноги и большую грудь, это я люблю», - и вернул конверт в карман рубашки, потом зашёл на минутку в лабораторию, а когда вышел оттуда, позвал Израэля, - тот был в туалете, - и сказал: «Пошли уже, пока этот Гольдман от нас не удрал».

Выйдя из туалета, Израэль надел сандалии, Цезарь тем временем допил виски, и оба вышли на улицу, залитую режущим глаза светом белого солнца, раскалившего стиснутый воздух, в котором стоял запах расплавленного асфальта, пыли и выхлопных газов, смешавшийся с тяжёлым и сладковатым запахом внезапно, будто за одну ночь расцветших кустов китайской сирени и олеандра. Огненный жар шёл от белеющего небесного купола, от тротуара и стен домов, и он был так ужасен, что казалось, будто гигантские костры горят под тонкой коркой земли. Даже самых маленьких птиц добила жара, и они замерли меж ветвей застывших в неподвижности деревьев, и Израэль, ослеплённый на мгновение, сказал: «Просто ад», и зашагал рядом с Цезарем, который нёс на шее фотоаппарат и напевал про себя «облади, облада», без конца повторяя те же слова и немилосердно фальшивя. Они пошли к автобусу, потому что машина Цезаря поломалась и уже два дня была в гараже, но по дороге Цезарь попросил задержаться на минуту, он хотел позвонить Вике; они зашли в кафе, и Цезарь три раза набрал номер, но безрезультатно, бросил: «Сука», и раздраженно вернул трубку на место, но потом, когда они вышли, улыбнулся и сказал: «Она прелесть, эта маленькая Вика, жаль только, что замуж выходит». Он произнёс это с оттенком сожаления, но без особого беспокойства, потому что, с одной стороны, считал, что Вика принадлежит ему, просто в силу того, что всё, что доставляло ему удовольствие и в чём он был заинтересован, принадлежало ему, а значит, она и не могла принадлежать кому-то другому; но с другой стороны, он верил, что и после того, как она выйдет замуж, они продолжают радовать друг друга торопливыми и сладостными постельными схватками, ведь

в конце концов Цезарь был не готов, просто был не в состоянии представить себе, что приятные вещи могут когда-то закончиться, и единственное, что беспокоило его в последнее время, кроме отношений с Теилой и Элизерой, - это выпадение волос, ставшее уже довольно серьезным; и он воевал с ним с помощью всяких сортов мыла, косметики и массажа, и, несмотря на то, что продолжал лысеть, не сдавался. Вот и сейчас, когда они уже стояли на остановке автобуса, Цезарь забежал в расположенную рядом аптеку и купил две бутылки «Юхмас-гормон», продукта с гормональным эффектом против облысения. - он уже две недели употреблял его, - и вернулся бегом к автобусу, который как раз подъехал; они поднялись, и Цезарь заплатил за обоих.

Он был как-то слишком бодр, но именно эта его бодрость только усугубляла раздражение Исроэля. Цезарь не обратил на это внимания, поскольку лицо Исроэля было непроницаемым, а кроме того, Цезарь всегда был сосредоточен только на себе и своих делах; когда они сели, он начал с воодушевлением рассказывать о «Юхмас-гормоне», который, согласно прилагаемому проспекту, был открыт после 14-летних исследований и опытов и обладал возможностью совершенно предотвратить выпадение волос на любой стадии, что было доказано бесчисленными примерами, в частности, случаем с известным голландским боксёром Баф Ван Клаураном, который страдал от раннего облысения; две фотографии его головы со стороны затылка – до лечения «Юхмас-гормоном» и после – красовались в центре проспекта; потом рассказал о снимках, которые сделал в то утро на консервном заводе, а потом заметил, что удивлён, почему это Элизра не позвонила. Это его беспокоило, как и тот факт, что Теила сообщила, что, может быть, позвонит ещё раз ближе к вечеру; он замолчал, закурил и погрузился в свои мысли, но через минуту обратился к Исроэлю: «Когда Теила позвонит, скажи ей, что я поехал в Иерусалим и вернусь завтра», Исроэль сказал: «Хорошо» и посмотрел в пыльное окно автобуса на магазины и на прохожих, на здание кинотеатра, - на месте которого в своё время, когда Исроэль ещё был мальчишкой, был большой пустырь, - и где он однажды видел отца Гольдмана в пробковом шлеме и рабочей одежде, мокрого от пота и толкающего тачку: вместе с ещё несколькими рабочими он закладывал фундамент здания.

Тогда тоже воздух был полон запахов цветов китайской сирени и олеандра, и небеса были такими же безоблачны-

ми, но пепельно-голубыми, и воздух был свеж и приятен, и даже немного прохладен, как в тот осенний день, перед сумерками, когда отец Гольдмана подтащил за ошейник чёрного пса Каминской и привязал его к трубе во дворе дома, где они жили. И во всём, что тогда произошло, было какое-то мрачное зверство, страшное своей бездонностью, в то время как в благодатном воздухе царило бархатное, убажывающее успокоение; и птицы, вьющие гнезда в кустах олеандра и мальвы с красными цветами, и в кипарисах, и в ветвях огромного раскидистого фикуса, который уже терял листву и свои красные цветы, и в сплетениях водопроводных шлангов, закрытых бугенвиллией, пели во всё горло, как будто у них праздник, и наполняли двор весёлым шумом. А сама Каминская – один Бог знает что с ней было! – высокая, взбалмошная блондинка, дикая и распушенная, с испуганными зелёными глазами, с полными чувственными губами, возможно, в это самое время трахалась со своим бывшим балетмейстером, которого все звали «Дягилев», или с молодым художником, с которым её иногда видели, или ещё с кем-то, да хоть с инсталлятором, или просто с каким-то малознакомым мужчиной, а может быть, она в это время была увлечена чтением или спала, ведь её распорядок дня был не строг, попросту случаен, и дни смешались у неё с ночами, что неизменно злило отца Гольдмана, который фанатично верил в мировой порядок, в котором есть добро и зло, без всяких «буферных зон», а постоянный распорядок дня, начиная с подъема в семь, самое позднее в восемь утра, был его неотъемлемой частью. Но эта Каминская была такой необузданной и взбалмошной, что во время войны несколько раз спускалась в бомбоубежище только в трусиках и бюстгальтере, и такой своевольной и подверженной приступам печали, что иногда пела по ночам, как сумасшедшая, как будто хотела порвать тьму на куски и потревожить запредельный мир своей тоской, которую она, с русскими словами и интонациями, отпускала своим пением на свободу.

(Перевод с иврита Наума Ваймана)

О Якове Шабтае и его романе «Зихрон дварим»

Яков Шабтай (1934 — 1981), прозаик, драматург, поэт, переводчик — классик современной израильской литературы. Кроме прочего, автор текстов многих популярных песен; музыку на его стихи писал С. Аргов и другие известные композиторы. Переводил на иврит песни Б. Окуджавы («Бумажный солдат», «Не верьте пехоте», «Ванька Морозов») и популярные русские народные и советские песни, и вообще был поклонником русской культуры (в частности, Чехова). В 1960-е гг. вел на радио популярные музыкально-литературные программы о гонимых поэтах в Советском Союзе. Родился и вырос в Тель-Авиве, поэт этого города.

После армии лет десять жил в кибуце, был членом молодежного движения «Молодой страж» («Ашомер Ацаир»). Его первый роман «Зихрон дварим» сразу его прославил. Роман был переведен на 20 языков, и в опросе 2007 года среди 25 ведущих израильских издателей, редакторов и критиков, был выбран лучшей книгой на иврите, написанной в Израиле с момента основания государства в 1948 году. Часто автора сравнивают с Джойсом и Прустом.

В 1995 году режиссер Амос Гитай поставил фильм с тем же названием с Асси Даяном в главной роли.

Яков Шабтай был красив как бог, профессионально играл в футбол, партия «Тхия» (сегодня это — «Религиозное еврейство» Бецалея Смотрича) использовала его портрет, окутанный флагом Израиля, в своей предвыборной компании. Вдова подала в суд: мол, как «левый», он был бы против, но суд она проиграла... Красив, но болен: сердечник. Третий инфаркт подкосил его в 47 лет...

Я начал переводить его второй роман «Соф давар» для себя, как тренировку в языке, и он не просто мне понравился, он меня «затянул» в это предсмертное блуждание по улицам старого Тель-Авива; он вообще такой предсмертный, и для героя, и для автора. В 2003 мой перевод («Эпи-

лог») вышел в издательстве «Мосты культуры» М. Гринберга. А теперь вот взялся за первый роман, «Зихрон дварим».

В английском варианте роман назван «Past Continuous», а второй, последний, назван «Past Perfect». «Непрерывное прошлое» и «Завершенное прошлое». В названии слышится явная переключка с «Поисками утраченного времени» Пруста (еврейские игры со временем). В переводе на английский роман получил международное признание как уникальное произведение модернизма, Габриэль Йосипович из «The Independent» назвал его величайшим романом десятилетия. Вообще-то, «Зихрон Деварим» (זכרון דברים) переводится как некое «Предварительное соглашение», или, буквально, как «Воспоминание о разном». Но «Непрерывное прошлое» красивее, остановлюсь на этом. И скажу, что это тоже роман об умирании, но не личном, а поколения, идеи, страны, народа. И для меня звучит пророчеством нынешнего раздвая. Те, кто угасают в его романе, сегодня на площадях дают будущему последний и решительный бой. Может, они просто завидуют новой силе и хотят отнять у неё будущее? У Шабтая нет зависти. Но много печали.

ПОЭЗИЯ

Катя Капович

Когда сирена за окном завывала...

Судный день 1973 года

В начале жизни школу помню я,
такой момент учения, вернее:
учительница с самого утра
сказала: «Пусть к доске пойдут евреи!».

Стоял октябрь, отбрасывая тень
на школьный двор с бетонною площадкой.
Стоял на свете детский Судный день,
в нём было шестерым мальчикам не сладко.

Учительница, чёрт бы её взял,
в тот день речами, полными металла,
крушила сионистов наповал
и на врагов отчизны намекала.

Ну разве был врагом Аркаша Грин,
из класса самый лучший математик?
И Рая Коган – в чём виновна, блин,
была она? Коса и белый бантик...

Скажи мне, Боже, ну, с какой балды
все соученики в огромной массе
в то утро как набрали в рот воды,
пока мы у доски стояли в классе?

Или вот так: вернуть тот день и вновь
восстановить подробные детали,
спросить всех остальных учеников:
«Зачем вы с нами у доски не встали?»

Меня таскал в свой кабинет
член партии и друг народа:
«Чего коптишь ты белый свет
и потребляешь кислорода?»

В стране трагических крамол
не затаить бы нам обиду!
Ругай меня, мой комсомол,
храни меня, звезда Давида!
Подобная любой балде,
я занимала чье-то место,
где и бурчанье в животе
могли бы объявить протестом.
Безвинен, в сущности, парторг,
строчивший на меня доносы,
и лучше выдумать не мог,
чем эти веские вопросы.

Изучали язык, намечали маршрут
в те края, где у предков был строгий кашрут
и горели субботние свечи,
поднимал нас утрами отравленный гимн,
но маячил нагорный Иерусалим –
наизусть география встречи.

Продолжались проклятые будни в стране,
битвы за урожай, маршировки в окне,
комсомольские пляски в Колонном,
ожиданье ареста, ментов в галифе,
с деловым разговором о пятой графе
аккуратных гэбистов со шмоном.

В год, когда рассосалась тревожная мгла,
я на Ближний Восток направление взяла,
поезд на Бухарест, ветра корчи.
Я была лишь одной из тех призрачных тел,
заполнявших в таможенных скобках пробел
среди граждан сгущавшейся ночи.

Впору на небе высечь ночной перелёт:
из египетской тьмы возвращался народ,
чтоб спуститься на землю пророков,
ибо сказано было: домой возвращу,
из галутного семени род возвращу
ради жизни грядущих потомков.

Когда сирена за окном завывала,
она взяла ключи и телефон,
на лестничную клетку вышла. Было
шесть вечера. В окне качался клён.
И в мессенджере в небольшом экране
остались книги на столе лежать,
сиреневое платье на диване,
на тумбочке раскрытая тетрадь.
На этажерке золотая рыбка
в аквариуме медленно плыла,
как золотая странная ошибка
среди войны за синевой стекла.

Разговор

На обочине сколотый наст,
грязный снег со следами полозьев.
– Что за дерево? – Кажется, вяз.
– Ты за смертную казнь? – Нет, я против.

– Ну а если бы нашу с тобой
дочь убили, хотела б расплаты?
Смотрит с ужасом перед собой:
– Вот об этом, любимый, не надо!

Магазин. Покупают еду,
возвращаются с сумкой по следу.
Каждый хочет забыть про беду,
каждый ищет просвета, но нету.

На праздник в субсидированном доме
украшили гирляндами портьеры,
корзинки дали, где в цветной соломе
на дне лежат конфеты «Стратосфера».

Жильцов собрали для большого фото
в честь праздника у ёлки и рояля,
и вот идёт с баллоном кислорода,
как по луне, чудной старик по залу.

Такой вот Соломон Семёныч Коган,
живущий в сто пятнадцатой квартире,

костюм парадный, сам до слёз растроган,
ведь праздник в субсидированном мире.

Потом домой пойдёт он где-то в полночь
по длинному большому коридору,
попарит ноги Соломон Семёныч,
с утра чего-то разболелось горло.

И вот он ставит таз у батареи,
приносит чайник с кипятком туда же,
на стул садится у окна прямее
и воду льёт из чайника отважно.

Краснеет кожа, набухают вены
на старческих ступнях с венозной жилой,
краснеет голень с чашечки коленной –
тепло ли, Соломон Семёныч, милый?

Жаль, этого уже никто не спросит
с баллоном кислородным старикана,
и даже чайник задирает носик,
в ночной квартире напустив тумана.

Так проснуться, чтоб снова рукою коснуться
дорогого, родного лица,
снова в кухне летают тарелки и блюдца,
тостер сушит два белых хлебца.

Долго мелется кофе, гудит кофемолка,
дребезжит возле мойки графин,
кофеварка ворчит, я такого же толка:
«Кто сегодня пойдёт в магазин?»

Повоюем на кухне на полную силу,
ты мне слово, а я тебе – два.
И помиримся, кофе попьём. Ну, вспылела.
Это счастье и есть? Нет и да.

Осенний подшёрсток

За ближних, дальних, но сперва
за тех, что не спасти -
довольно подобрать слова
и вслух произнести.

Но неприметен голос твой,
ничем не осиян -
горошек трели горловой
в коробочке семян.

Когда смеркается к пяти
и смутно на душе,
внутри тихонько тарахтит
небесное драже.

И хоть немая эта речь
честней мольбы любой,
ей никого не уберечь,
не заслонить собой...

Там, где сгладилось уже, отболело,
всё простилось до седьмого колена -
проступает неудобный и острый
чьей-то жизни неразобранный остов.

Что крепилось на него бестолково -
ветошь тёплого жилища людского -
копошилось, суетилось устало,
было, было, а потом перестало,

где от солнца двор циновкой затянут,
и побеги без присмотра завянут,
где мы жили, планы строили по привычке,
планы - планочки, реечки, перемычки...

Присядь, усталость - ещё не старость,
ложится в ноги, и не впервой,
горячим боком едва касаясь,
овчарка с угольной головой.

Погладь, не бойся - на ощупь жёсток
мой пёс дворовый и пожилой,
горит осенний его подшёрсток,
присыпан тёплой ещё золой.

Держи, укусит! - Да он никто мне,
недавний спутник, заживший след,
а новый будет ещё бездомней
всех этих странных приبلудных лет.

Езжай, дорога свободна к ночи,
ложится в ноги, черней реки,
и тлеют гари её обочин,
вдогонку сыплются огоньки...

что уж теперь,
если запрет говорить, дышать -
только терпеть,
максимум за руку подержать

стиснет ладонь -
пальцы прохладны, потом теплы -
чтобы потом
руку разжать посреди толпы

бросит тебя -
каждый прохожий бери, владей! -
словно дитя
на попеченье чужих людей

где-то ещё
за руку тянет его тоска,
вход воспрещён,
лампа над входом жужжит, тускла

только мечтам,
тем, что роятся в её тепле,
глупым мечтам
можно вовнутрь, а потом - тебе

Успели спастись, но забыть не успели:
косые лучи из небесных прорех
и дом на краю захолустной Помпеи,
что выставил солнечные батареи
отчаянным жестом ладонями вверх.

Там каждый из дней, нескончаемо летний,
усталые капли стирает с лица,
и тот злополучный, желанный, последний,
для нас, уцелевших - не знает конца.

Кого позабыть мы успели на свете -
того, кто остался и скрылся из глаз -
надёжно запомнит спасительный пепел,
серебряный пепел запомнит для нас...

Ни развода, ни обмана -
южный "новигод",
из окна его гортанно
музыка орёт,
и дрожит огнями ёлка
в лавке на горе
у арабского посёлка
в бедной мишуре.

Трое пришлых в адидасе -
дух, отец и сын -
спросят девочку на кассе,
смуглую Насрин,
как попасть в автомобиле
ночью, по горам
в Назарет - налево или
через Шефарам?

Пыльным снегом из бумаги
лавку занесло,
у помятой колымаги
выбито стекло,
но небесный навигатор
им укажет путь,
где, спасаясь от расплаты,
надо повернуть.

Позади промзоны местной,
скользкий под дождём,
будет улочки отвесной
гибельный подъём,
серой ватой на пороге
прошлогодний снег,
а оттуда - все дороги
вертикально вверх.

Один среди заросших,
почти могильных плит,
оставлен и заброшен,
мой дом ещё стоит.

Хоть надписи на стенах
осыпались трухой -
с моей тоскою в венах,
и никакой другой.

Оконные провалы
все выбиты почти -
глядит, не узнаваем,
как будто снял очки.

Беспомощно-размыты
неяркие черты -
в плену своей орбиты,
обломок пустоты.

Там некому ответить,
подставить мне плечо,
внутри труха и ветер -
но он стоит ещё.

Косолапое время

Взрослые дети не верят в сказки
Взрослые дети знают точно
с ними ничего такого не случится
временные трудности не более того
Временные трудности приходят не вовремя
И остаются незванными гостями
Впрочем я не знаю подходящего времени
С некоторых пор я боюсь гостей

Взрослые дети отвечают перед Богом
Перед детьми и перед начальством
Перед кошками своими и собаками
Перед стариками и перед собой
Взрослые дети мало плачут
Только в сказках можно помочь слезами
Взрослые дети взрослые слезы
Ночью в подушку а днем это дождь
Взрослые дети часто молятся
Даже не зная ни одной молитвы
Даже не зная кого просят
Только глаза поднимают к Небу

Взрослые дети взрослые беды
Все пройдет жизнь добрая сказка
Вот увидишь со мной не случится
С тобой не случится со страной не случится
Все пройдет все всегда проходит
Что останется к тому привыкнешь
И будешь жить дальше если жить будешь
Поверишь в сказку прочтешь молитву
Научишься ждать помогать воевать

Ну, о чём ты, какие стихи, проза жизни пуста и безвидна.
Ох ты, если б пуста, неспроста пустота
и не столь безобидна.
Проза жизни, она ожиданьем пуста.
Знаешь, как тяжело ожиданье? Ты прости, мирозданье.

Оплеуха из райского сада отрезвляет, но, может, не надо?
Как-то жёстко, и тянет назад в прозу жизни.

Ан нет, не шагнешь в пустоту,
Я не вижу перил на этом мосту.
Шаг за шагом, за часом час. На ветру, на юру,
да на жидких-то щах,
и не спать, и в глаза смотреть. А у жизни пароль «смерть».
Время одновременно стоит и летит.
Постарайся улыбку найти и просунуть как руку
сквозь прутья решетки в клетке, тесной для жизни короткой.
А бывают короткие клетки и тесные жизни? Ты подумай.
Реши. Не спеши. Пустоту ожиданья променяй на игру ума.
Прозе жизни можно поставить мат.
Свежо ты, преданье, только верю с трудом.
И не верь. Но играй в этой жизни, и с жизнью играй.
Пока не наступишь на край.

Не ходи за мной, прекрасная Эвридика
Не оглядывайся, бедная жена Лота
Ничего не вынесешь из мира дикого,
Ничего не исправишь в своем прошлом
Жизнь не то, чтобы уже кончается
Просто окна смотрят теперь на закат
И Всевышний все чаще посылает врача
И память тянет плечи почище рюкзака
У каждого за спиною собственный ад
Портативный Содом, переносная Гоморра
У каждого в рюкзаке свой райский сад
Любовь, успех, счастье, которое настанет скоро
Мы идем за счастьем, падая, ползая
В пути слезы солятся, в пути ссоры ссорятся
И встает луна гордая, полная
А как же рассвет, а где же солнце?
На Юге весь год созревают бананы
На Севере зимою метут метели
Что поделаешь, эти мысли банальны
Иногда горький, порой карамельны
Благо - не знать ни судьбы, ни часа
Не зови в прошлое, не гляди назад
Жизнь не то, чтобы уже кончается
Просто она теперь с видом на закат

Косолапое время

Время. Ветер. Воск и волны
Время льется ветер ловит
Ветер вертится лукавит
Рвется тянется на волю

Ветер мечется как пламя
Время воском застывает
Игры с нами затевает
Время что же будет с нами?

Полу-хохот полу-шёпот
То пустыня то болото
Время словно ждёт чего-то
Вышивает тусклым шёлком

Тихой сапой мягкой лапой
Тонкой стружкой тёмной рамкой
Льётся гнётся тянет ляжку
И ступает косолапо.

В ожидании стихов

В ожидании стихов
Ходит слово, бродит фраза,
И заходит ум за разум
И уводит далеко.
Что он видит вдалеке?
Лоскут строчки, остов рифмы,
Настроений логарифмы
И разбившийся о рифы
Плот сомнений во стихе.
Плот разбитый, плод сомнений:
Груз метафор, якорь грёз...
И куда же он завёз?
Где завяз, где скинул груз,
И зачем бормочет в ус
«Ах, вы сени мои сени»?
В ожидании стихов
Ветерок аллитераций
Обдувает тени граций,
Ускользающих легко.
Растворяются стихи
В этом мареве тумана,

Словно ждут небесной манны.
Но, колючи и сухи,
Ожидания напрасны.
Плод сомнений мысли пресной
Не отыщет соль и суть.
Плот разбился. Стих пасует.
Ум и разум не спасут.

Чёрт-те что

И когда успел он, и как пролез?
У кого скромней, у кого видней -
Всё равно, с диагнозом ты иль без,
В глубине души, там, на самом дне
Может, чёрт сидит, может, бес.

Он лукав, чертёнок, он зол, как чёрт.
То молчит подолгу под спудом дней,
То зудит над ухом.
Ну что ещё?
Мне б к высоким целям, я ж весь в огне.
Бес мне под руку, что за чёрт

Я в конце концов от борьбы устал.
А с самим собой - ну каков финал?
Навалилась тьма, налилась, густа.
Чёрт с тобою, Чёрт, наливай вина
Жизнь-копейка звенит, пуста.

И завыл, зашёлся бесовский час
Но упал стакан. Вздогнул старый шут.
Поведу плечом, да смахну с плеча
Уходи, нечистый, добром прошу
Марш на дно души, там скучай.

Пыхнул черт сигаркою на губе
И исчез под стук копыт как сапог.
Ох, душа болит, там, на дне, рубец.
Этот чёртов Чёрт душу мне прожёт
И ему. И ей. И тебе.

Ты хотел летать, да свалился вниз.
Не твори добра, не отведав зла.
А отведав зла, погоди, не злись.
Разгляди сперва, где сорняк – где злак.
И с чертями пить не садись.

Солнечный свет горчит. И лунный свет тоже горчит.
И чай огорчает, и водка серчает, и не помогают врачи.
Всё нервы и слабенький сон, он тоже болит в унисон.
Он маленький, хилый, косой.
День начинается рано, день ноет, как старая рана.
Нет, чтоб поспать еще пару часов, мозги заперев на засов:
не думать о той обезьяне о белой, не думать, забыть,
на часы не смотреть, отвлечься на дело.
Но дел больше нет.
Только ждать и молчать то в лунных,
то в солнечных горьких лучах. Да чтоб не накликать беду.
Если зовут – иду.
Если шумят – боюсь.
Если в тиши – молюсь.
Господи,
Длань простри, защити, подними!
Знаю, что заняты руки Твои,
но тут - мне не подняться, пошли мне хоть старенький лифт.
Горечь, горечь во рту. Видимо, печень шалит.

Головой об стену

шум ночного дождя отлетая паром от губ
мгновенно слабеет не докричишься на данную тему
оттого и подавлен вступивший в клуб
бьющихся головой об стену

точно ребята точно именно что горох
о ту самую стенку возле которой щёки белее мела
где типа любви и правды лермонтовский пророк
провозглашал а публика не жалела

и не желала кидалась булыжниками смеясь
у неё свой интерес свои заморочки
дорожающие окорочка СВО на улицах грязь
стильное платье на выпускной для дочки

простоволосая пророчица кричит юродствуя «ату»
ей тоже вечной жизни хочется а не ухода в темноту

валяя красавица выхватывай врага что карпа крокодил
избыток славы геростратовой ночным витиям не вредил

ни в древности когда искусствами и златом тешилась война
ни в нынешние захолустные плутониевые времена

оправданный за недостатком улик
свинца или соли
апрель обнимающий солнечный блик
выходит на волю

ныряет подтянут и рыжебород
с неправдою в ссоре
в разверстую пропасть тюремных ворот
как в чёрное море

счастливцев мой редкий не плачь не более
могли б и повесить
а так полагается восемь рублей
а может, и десять

блажен пострадавший за честь без вины
которому в миске
вернули работу рубаху штаны
и место прописки

Давно уже не бог, не царь и не герой,
От судорог в ногах я пробуждаюсь рано
И открываю день нехитрою игрой,
Гоня шарики цветные по экрану.

Купель иных забот, вселенная простых
страстей! Кто мается в окопах, кто – в оковах,
а я, блаженствуя, скукожился, притих,
вдыхая сладкий дым веселий подростковых.

Теперь мои друзья – русалка, леший, гном,
Да стопка крепкого. Машинку закрываю
И погружаюсь в сон, покуда за окном,
Смеясь, маячит ночь молочно-восковая.

у столба собачка мочится
лапку заднюю задрал
до чего ж сказать мне хочется
ей приветственное «ав»

не мечись бесповоротная
тварь в холере ли в войне
словно мелкое животное
беспризорное вполне

даже самый горький пьяница
принимаячи на грудь
шепелявит устаканится
обойдётся как-нибудь

до свиданья мироздание
сколько можно спать тайком
в потном зале ожидания
под «Варяга» с «Ермаком»

когда мы от старости косим
под лай бегемотов борзых
грядёт пресноводная осень
всяк сущий в ней плачет язык

среди патриотов ли пьяниц
готовых врага истреблять
один голосит самозванец
мечтатель и сеятель блядь

один словно в поле не воин
не любит ни баб ни дивчат
язык его влажный раздвоен
безумные зубы стучат

что ж всё это проще простого
взъерошен херсонский енот
и тянутся молча к росту
цепочки некошених нот.

Картинка мира

Почему-то иностранцы,
Почему - не знаю сам,
В большинстве своем засранцы -
Сразу видно по глазам.
То ли дело россияне -
Там у всех из глаз сиянье.

Каин Авеля убил.
Чем был тот ему не мил,
Я не понял, честно говоря,
Что он с ним не поделил?
Чем уж так брат насолил?
Но, считаю, по любому – зря.

С той поры-то и пошло
По земле библейской зло,
Да и сам наш мир пошёл ко дну.
Жизнь была б куда милей
Если б просто пиздюлей,
Он тогда навешал братану.

Он, возможно, был бы рад
Отмотать бы всё назад
И начать всё с чистого листа,
Но былого не вернуть,
Остаётся лишь вздохнуть,
Да махнуть всем с горя по полста.

Эй, шма сюда, Израиля сыны,
Вот как, считаю, поступить нам надо –
Давайте общую построим баррикаду
И все с одной там встанем стороны.

Пора ломать замшелые клише,
Конфессия любая – дело вкуса.
Одним Моше, допустим, по душе,
Другие тащатся от Иисуса.

Допустим, я кошерного не ем,
А ты, к примеру говоря, трэфного,
Да хрен бы с ним, там места хватит всем,
Лишь только бы хватило всем съестного.

И пусть возляжет с гойкой харедим,
А что там дальше будет - поглядим.

Пётр Первый, как известно, по матери был еврей,
И было у него пять дочерей.
А у каждой дочери,
В свою очередь,
По семь мужей,
Один другого хужей,
Да у каждого ещё и бабка еврейка.
Ну, доложу вам, семейка!

Спят мёртвым сном вершины горные,
Но не берет меня снотворное,
И маюсь до утра без сна я,
И, как заклятый, вспоминаю

Те нулевые, гулевые,
Веселые, притыловые,
Где вольный дух ещё не вытравлен,
И курс покудова не выправлен,

Где связи с миром не оборваны,
Езжай, лети в любую сторону,
И с блоком НАТО отношения
Столь далеки от ухудшения.

А это я, ещё не старый,
И больше скажем – бравый малый,
Вдоль по Никитскому бульвару
Иду в обнимку с Боссарт Аллой.

Уже не в статусе любовника –
Законно избранного мужа,
Душой в районе сороковника,
Пусть и полтинника снаружи.

И долг за дачу неоплаченный,
Ещё заснуть мне не мешает,
И этот, как баллон, накачанный -
Не всё пока ещё решает.

И молодёжь кругом патлатая
По клубам беззаботно скачет.
...А те двадцатые, проклятые
Лишь впереди пока маячат.

Странные настали времена,
Вся картина мира пошатнулась,
От меня вчера ушла жена,
Правда, всё же к ужину вернулась,

А на днях в расцвете зрелых лет
Безо всякой видимой причины,
Взял, да и повесился сосед –
Полный сил, казалось бы, мужчина.

Ни с того бы вроде ни с сего,
Так-то, если толком разобраться,
Но на месте, думаю, его,
Мог легко бы каждый оказаться.

Чем Путин вам не угодил,
Так, если честно разобраться?
Уж не такой он крокодил,
Как это может показаться.

И не такой прям каннибал,
Как может показаться это,
Хотя маленько задолбал
За столько лет уж полпланеты.

Так что ж теперь - ему не жить,
Будь он хоть трижды перестарок?
С лица, скажу, не воду пить.
...Да я и сам-то не подарок.

Судя по тому, что мы имеем на данном этапе,
А имеем фактически тотальный ад,
Что-то не заладилось уже при стартапе,
А именно
 пять тысяч семьсот восемьдесят четыре года назад.
Возможно, со временем и станет получше,
Но подозреваю, что это не наш случай.

Эра озверения

**Стихотворение, написанное
в минуты крайнего пессимизма**

Наступило время,
Время-нетопырь.
Бросишь в землю семя -
Вырастет пустырь.

Борщевик закроет
Тропку в прежний рай.
Да, ломать – не строить,
Ну-ка, выбирай!

Улица темнеет,
Шаг прозрачней стал.
Кто, как я, умеет?
Кто во сне летал?

Не грозит нирвана,
Ночь, глаза красны,
Монеткой лоривана
Покупаю сны.

В окна глянув честно,
Вижу озарение:
Грянет повсеместно
Эра озверения.

Низойдут полого
Реки черноты...
Подожди немного,
Отдохнёшь и ты.
Всё.

Коротко

Поверь, не надо лишних слов,
Когда бандитов видишь рожи,
Тут вывод ясен и суров:
Их надо сразу уничтожить.

Так всхлипнут смятые мечты,
Взлетит, крича, проклятий нота,
Что переждать не сможешь ты
Трёх человек у пулемёта.

За это можно всё отдать,
Любое утешенье глаза,
Когда под крик «ебёна мать!»
Затихнет в страхе сектор Газа.

Зря мы, Винни, трёмся у дверей,
Тут выходит ясная картина —
Пятачок – он точно не еврей,
Потому что явная свинина.

И найти жидовина в лесу
Непосильно нашим мягким лапам.
Так что не качай ты на весу
Ружьецо. И мёд на пол не капай.

Здесь свои все, наши. Вот Сова,
Что вином торгует без патента.
Правда, Ослик... От его Иа
За версту несёт ИноАгентом.

Лучше побежим в соседний лес,
Наточив ножи, а также сабли.
Маугли там бродит средь древес,
Кто его папаша? Не Абрам ли?

Что такое значит «бандерлог»?
Анаграмма слова «Рабинович»?
Балу научить чему тут мог?
Здесь не хедер! I fuck every of each!

Вот ещё лес. Ну, вообще кранты.
Там есть Чудо. Мы-то знаем – Юдо.
Против них всего лишь я и ты,
А у них есть гусли-самогуды,

А у них и скатерть со жратвой,
А у них ковёр над облаками.
Знаешь, Винни, мы поднимем вой,
Чтоб каждый взял покрепче камень.

Сразу забурлит лесной народ,
От всего и нам сольётся долька.
Ты куда? В Израиле есть мёд?
Знал я, что ты сука, но настолько....

Да, я побывал в аду.
Там нет ни котлов, ни жаровен.
Там сухо, пыльно и душно,
И звенящая тишина.
Я шёл, скользя как по льду,
По крошке распавшихся брёвен,
По острым камням, что дружно
Забыли, что значит «стена».

Дышать было трудно. Пыль
Вползала сквозь горла вахту,
Откуда вахтёр ушёл,
Позволив любое зло.
Я знаю давно, что стиль
Важнее предмета. Крах там,
Где хочется хорошо,
А вот – куда привело.

Да, я побывал в аду,
А вы и не побывали,
Там болью наполнен шаг
И болью наполнен вдох.
Я вас туда приведу,
Хоть вы и не соглашались,
Но вами ведь правил мрак,
Покуда он это смог.

Ты думаешь всё про рай?
Про крылья, вино, прохладу,
Про хор нежных голосов,
Про счастье, о чём мечтал?
Ты можешь зайти за край,
Неведомый дню и граду,
Но в хоре чужих басов
Твой тенор давно устал.

Да, я побывал в аду.
Такой ты не сыщешь боли,
Ты там одинок, как глаз,

Что потерял Полифем.
Давай, я к тебе приду
В пространстве покоя-воли,
И ты поймёшь, что сейчас
Нам ад уготован всем.

Он был отличником. Халдей
Был счастлив обучать такого.
Вокруг немало есть тупого,
А он – умнейший из людей.

Закончил школу. Дальше – стоп.
Нет перспектив, и быть не может.
Но все стремятся. Будь же тоже
Одним из тех, кто мчит в галоп.

Куда? Сначала братец Маса
Сказал: «Мы воины. Сошлись?»
Потом сказал: «Пойдём к ХАМАСу,
Они бабло дают на жизнь».

И он пошёл. Затем с размаху
Он резал глотки, жёг тела.
Жизнь перестала быть мала,
Стреляй, возьми себе деваху,

Унизь, убей. Простит Аллах.
И он забыл, что человек он,
Что родился, как все от века,
Что возвратится снова в прах.

Но вот он сдох. Увял росток.
За ним закроет ада крышку
Святой ребёнок-ангелок,
Держащий голову подмышкой.

* * *

Увидишь – убей.
Увидишь – убей.
Увидишь – убей,
Не жди мирного Нобеля.

Он враг и семье, и стране, и тебе,
Не отмоешь кобеля.

Будь он в чёрной форме или трусах,
Стреляй ему в лоб скорей.
Запомни – пришёл он не просто так,
А убить твоих сыновей,

Увести дочерей твоих в полон,
Зарезать отца и мать.
Забудь про гуманность, нету препон,
Учись навскидку стрелять.

Чума, саранча, морок и мразь
Лезут, скалясь, в твой дом.
Убей и тело втопчи его в грязь,
Всё остальное – потом.

Он чужд свету. С ним нет бесед.
Увидишь – убей, вот так.
Он никакой тебе не сосед,
Он - просто пещерный мрак.

Дави эту гадину сапогом,
Рви его на куски.
Так всегда поступали с врагом,
Раз ненависть бьётся в виски.

Держи наготове свой карабин.
Пусть будет тверда рука.
Увидишь – убей, есть выход один,
Пока ты жив. Пока.

Всё тише музыка во льду,
Всё больше льда и мёртвой стужи.
Всё меньше тех, кому я нужен,
И тех, к кому в беде приду.

Для слёз текущих акведуков
Давно построен, и к тому же
Наш век растрескан и недужен,
В моторе слышен страшный стук.

Когда-нибудь я всё сведу
К простейшей формуле. И лужи
Меня в осенней мгле закружат,
Чтоб со Вселенной стал в ладу.

Допить кислящее вино.
Понять себя. Закрыть окно.

Милосердие ходит избитое
С переломанным третьим ребром,
Неучтённое, всеми забытое,
Как звучавший по осени гром.

Кровь бурлит, проходя сквозь предсердия,
Жизнь кипит и искрится вино.
Но куда же ушло милосердие,
Да и живо вообще ли оно?

Среди тел, разметеленных взрывами,
Где кружит смерти гул плясовой,
Меж речами цинично-блудливыми
Разве место сыскать для него?

Семь десятков гуляю по тверди я,
Баламучу житейский поток.
Я хотел бы пригреть милосердие,
Чтоб светилось оно, как цветок,

Чтоб сидел, слушал Баха и Верди я,
Оделив мир улыбкой своей.
Да пребудет со мной милосердие
До конца предназначенных дней.

Несколько стихотворений

Подожди, подожди, было так тяжело легко.
Я же так виноват, виноват, наверное. Бог - порог.
Ведь это мы рассыпали по небу порошок,
Называли его галактикой, которая молоко.

Мы же пальцем в ладони, в ладони не счесть дорог,
Проживали такую жизнь без тебя с тобой.
Я искал для тебя инструмент, я пришёл с трубой,
Ты нашёл для меня предлог.

В немоте, в пустоте, в темноте, в суете сует
Никому не хватает времени на сто двадцать лет.
Притяни к себе ветку - ты можешь прочесть с листа,
Что радость твоя чиста.

Когда ещё можно было курить в кафе
Я заказывал себе ужин, анисовой водки, кофе.
Ожидая официанта, говорил в телефон. В графе
«Отношение к этому» обычно я ставил прочерк.

А сейчас, для того, чтобы просто зажечь табак,
Нужно выйти на улицу, там, где фонарь, аптека,
И понять, затянувшись, откашлявшись, ты - не враг.
У тебя семья, работа, победа, родина, ипотека.

Возвращаясь в зал, протискиваясь к столу,
Молча кивая тем, кому наступил на ногу,
Ты стремишься бесстрашно к собственному углу,
Где уже ожидает рюмка, где на донышке образ Бога.

Мой вероятный друг играет во дворе.
Гоняет колесо и он лохмат и смугл.
Поскольку солнце и поскольку шея
Особенно устойчива к мытью.
Предпочитая знание чутью,
По желобу, к подножию, к горе
Стекает шар. К нему спешит Катулл,
Сизиф и Лесбия с балкона наблюдают
За троеперстием, и Лесбия желает
Быть шаром, протекающим с горы.

Сизиф, согласно правилам игры,
Синхронно с Лесбией сгибает пальцы -
Как Лесбия - внутри, так и Сизиф - снаружи.
А шар, Катулл, не зная десяти,
О кеглях, троеперстии. Прости!
Добраться до вершины! Не в чести
Шагнуть назад - «я испугался, друже» -
И это всё любовнее любви... больнее боли...
И это все больнее, чем любовь...
любовнее Ромео и Джульетты
Тмутараканью лечь в тартарары.

Гора увидела Катулла, кегли, шар.
Гора краснела, выпуская пар.
И пепел сер и бел и желт и красен
Она плевала на людей, на кегли,
Катулла и на шар,
Она текла в деревни, в города,
Она текла, сжигая всё и да:
Остановись, прохожий, ты - прекрасен!

Чтобы сделать крошечный шаг к дороге в тысячу ли
Нужно свесить ноги с кровати
и пальцами коснуться земли.
Выпрямиться, потряхнуть головой, повести плечами,
Проверить все ли на месте - циновки, бамбук, татами.
Умыться, залезть под душ, и - обратно под одеяло.
На мгновенье закрыть глаза и начать сначала.

Удачным ли будет день, если, одевшись,
я подойду к двери?
Или, не одеваясь, нырну
в эту самую ленту и посижу внутри.
Через окно мне виден весь мир снаружи -
Молнии, гром и град, и лягушки, и даже хуже -
Бульдозеры, пушки, танки
защитят от досрочной бесславной смерти
И я благодарен им. Верьте или не верьте.

Семи смертям не бывать, бывать семи нянькам.
Надев пальто,
Прежде, чем поворачивать ключ в замке,
неприменно спроси: «за что?»

Жить с любовью

Фломастер черный жирной полосой
Прошил экраны по диагонали
И женщины синхронно зарыдали,
А я стоял в халате и босой,
И строил планы, словно я бессмертен.
Душа моя парила, и, поверьте,
Я счастлив был – и даже, хаверим¹,
Хотелось жить ад меа вэ эсрим²...

И девочки в кибуцах танцевали
В пятнадцать лет, и думали едва ли,
Что их фломастер чёрный зачеркнёт.
За что же их? Повсюду кровь течёт...
И на экране, бывшем голубым,
Теперь на красном только чёрный дым...

И мальчики в зелёном.... Сколько их?
Таких домашних и таких родных,
Ушли на север, в Шхем, в Рамаллу, в Газу,
Легко поднялись, до приказа, сразу,
Без лозунгов, подарков и зарплаты
Ушли мои еврейские ребята...

А на экранах лишь одно и то же -
Безумные оскаленные рожи,
Танцующие радостно тогда,
Когда у нас ужасная беда...

Мы победим, нам некуда деваться,
Нам больше нету места в этом мире,
В своей уютной маленькой квартире,
Мы не хотим, но мы идём сражаться...
Я так за вас боюсь, мои родные,
И я молюсь: вернитесь все живые...

¹ Хаверим – товарищи, друзья (иврит).

² Ад меа вэ эсрим – до ста двадцати лет (иврит).

Безр-Шева, утро, тихо, воздух жаркий,
Дома без окон, слишком много света...
Почти весь год - вокруг одно лишь лето,
Сижу в пустыне, словно в скороварке...
Тут Авраам гулял с женою Саррой,
Да я и сам уже довольно старый...

Купить в ларьке бутылку минералки
И приложить её холодный бок
На солнцем обжигаемый висок...
И бедуинки, чёрные, как галки,
Идут в сопровождении мужчин,
Всегда суровых, даже без причин.
Повсюду рынок, вишня дорога,
На всех углах торгуют виноградом,
И продавцы, сверкая хитрым взглядом,
Кричат: «Задёшево! Хозяин - мишуга!¹»

На сером небе - жёлтый диск огнём...
Везде кричат, и слышится во всём
Восточного базара атмосфера,
На всех углах растёт «алоэ вера» -
Шипастые мясистые листья.
(Я сразу вспоминаю коммуналку,
На подоконнике стоит горшочек жалкий,
И с леечкой ушастый мальчик - ты...)

И вся моя еврейская родня
Оттуда, сверху, смотрит на меня...
Мой деда Саля, рядом баба Роза.
Глядят с улыбкой, но не без вопроса:
Ты счастлив? - Деда Саля улыбнулся:
- Ты к этому стремился, милый мой?
И я сказал, горячий, потный, злой:
- Не знаю... Просто я сюда вернулся.

Сижу на кухне в потных труселях,
На улице, на блёклых небесах,
Повисло солнце, словно жёлтый блин...
И я сижу на кухне не один,
А с кучей внуков с серыми глазами,

¹ Мишуга – сумасшедший (иврит).

С нерусскими смешными именами.
Они едят оладьи с шоколадом,
А я смотрю на них лукавым взглядом
И думаю о жизни... Это ж надо!
Мои родные внуки с шоколадом
Едят оладьи! Но когда? Откуда
Они пришли сюда? Они повсюду!
Они на кухне, в спальне, в туалете,
Они кричат - израильские дети
Всегда кричат, традиции базара
Восточного неистребимо стары,
Когда ты не кричишь, тебя не слышат,
Когда еврей молчит, наверно, он не дышит...
Когда же я успел? Ведь я совсем не старый,
Я мотек, я бесэдер, я капара¹!,
Я сильный, словно древний иудей,
Стоящий во вратах Иерусалима...
А тут, друзья, галдит толпа любимых.
Ужасно перемазанных детей!
И в этом месте, в середине мира,
Они себе построят новый дом,
И будет, правда, жарковато в нём,
Зато не будет в нём темно и сыро.
А я... Что я? Читаю я на русском,
И старое люблю смотреть кино,
И то, что называется искусством,
По мне, уже закончилось давно...
Мне хорошо со старыми друзьями,
Таковыми же, простите, мудаками,
И поздно что-то, видимо, менять,
Но я живу, и, каждый день, опять,
Я не устану это повторять -
Я вас люблю, и мне не надоело
С любовью жить, и только в этом дело,
И зеркало, в которое гляжусь,
Мне утром говорит: «Вован, не трусь!
Пока ты любишь, ты, мужик, живёшь!»
И мир вокруг действительно хорош!

¹ Мотек – сладкий; бесэдер – в порядке, капара – искупление (иврит); традиционные обращения к человеку с похвалой.

Эпоха отрицания любви

Сиж у телевизора - тоска...
Вещают ненавидящие лица,
Неужто это мне совсем не снится?
В словах - металл, риторика резка...
Я убираю звук, но и без звука
Я вижу - посылают на убой,
И вот уже солдатики гурьбой
Бегут и умирают. Что за сука
Послала их, ещё совсем детей,
И оправдала тысячи смертей
Большой необходимостью страны?..
Но стоны с поля боя не слышны.

Воюют все - Россия, Украина,
Всех пожирает адская машина
Эпохи отрицания любви...
Воюют все - сефарды, ашкеназы,
«Железный купол», нам летит из Газы,
А слёзы на лице блестят, как стразы...
И хочется сказать: «Останови!»

Останови картинку сериала,
Устало всё, что может быть устало...
Зачем к Тебе мы обращаем лица,
Покрытые страданий чешуёй?
Что ж, чёрт нас побери, нам не сидится
В своей квартире, с мамой и семьёй?..

Воюют все - и брат идёт на брата,
А в чём, скажи, их мама виновата?
И гром победы громче раздаётся,
Но что ж в сухом остатке остаётся
В эпоху отрицания любви?

И как её заставить возвратиться,
Услышать на закате снова птицу?
Увидеть, как дрожат её ресницы
И не от слёз, а только от любви?

Эпоху отрицания любви
Мы можем победить одной любовью,
Признанием, но только не злословьем...
Ты улыбнись и просто позови...

На сердце осень, хочется писать,
Хотя ещё на градуснике тридцать...
Но мне случилось в Питере родиться,
А это значит - осенью напиться,
Под лампу сесть и ручку в руку взять...
Арину Родионовну позвать,
Занять её пустяшным разговором,
Расправить бакенбарды с томным взором...
Она придёт и скажет: - Что? Опять?!
- Ах, няня, что-то нету рифмы, блять...
А уж сдавать поэму очень скоро.
А что сдавать, коль нечего сдавать?..
- Ты, милый, у меня совсем debil...
Бери перо, пиши: «Я вас любил...»
И далее - все рифмы от глагола,
Которым жечь и сотрясать престолы:
Кормил, поил, творил, потом убил...
Когда уже ты вырастешь, мой друг?
Да ты пиши, а не смотри вокруг...
И белыми прохладными ночами
Никак нельзя не говорить стихами,
Никак нельзя в любви не объясняться
И на скамейке утром просыпаться
Вдвоем, обнявшись, в парке, а вокруг
Гуляют чинно бабушки и дети,
Бомжи готовят завтрак на газете,
И новый день умыт и очень светел,
И ты совсем юна, мой милый друг...
И Медный Всадник взглядом раздражённым
Глядит на ленинградцев и гостей,
А рядом с ним стоят молодожёны
И в небо выпускают голубей...
Фотограф, как подстреленная птица,
Бежит вперед, назад, потом ложится,
Чтоб лучше зафиксировать момент...
Молодожён застыл, как монумент,
А у невесты платье задралось
До пояса... И ржёт какой-то гость.
А на Неве большие пароходы
Плывут к морям, разводятся мосты,
Меняются закаты и восходы,
Проходят люди, пролетают годы,
И где-то рядом обитаешь ты...

Моя вязаная кипа
(Из стихотворений осени 2023 года)

Моя вязаная кипа

Максу Мусселю

Я купил вязаную кипу
у старого мистика,
который коротает дни
на Шук Ха-Кармеле.

Моя кипа сплетена
из многих нитей,
чёрных, как память
в день Девятого Ава,
голубых, как глаза
убиенных литовских евреек,
белых, как льняной саван,
который я надену
на свои похороны,
грубых, как соль Мёртвого моря,
мягких, как песок Негева,
шёлковых, как молоко
бедуинских верблюдов.

Мой дорогой друг
из Москвы, который
живёт к северу от Тель-Авива
в израильской хрущобе
без бомбоубежища,
сказал мне: «Ты стал
религиозным сионистом», —
мы говорили через
два или три дня
после нападения Хамаса,
я исходил бессмысленными
выражениями
праведного гнева.

Я не хотел спорить. Мой друг стоял на лестничной площадке у пыльного окна. Ракеты летали по экрану его смартфона.

Израильские солдаты в Украине

Израильские мальчики, полюбившие Украину, фрикативные ваши «h» слышны в русской речи, но не в иврите. Левантийские ваши лица, звёзды Давида вместо сержантских нашивок.

Израильские добровольцы, воюющие в Украине, под Харьковом и Херсоном, в Соледаре и Бахмуте, в неубранных полях, в мёртвых каменоломнях, в раскалённых траншеях и на городских руинах.

Израильские солдаты, умирающие за Украину, где ваши предки больше умирать не хотели, уж никак не думали вы, что кобзарь заплачет - запоёт не по Израилю, нет - по сектору Газа.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН

В пятницу, 27 октября 2023 года:

120 стран проголосовали «за»
(то есть против Израиля).

14 стран проголосовали «против»
(то есть 13 за Израиль, и Израиль - сам за себя).

45 стран воздержались
(воздержались).

Поэты Хамаса

Франку Саламэ

Поэты Хамаса оплакивают смерть своих собратьев,
англоязычные сонеты и вилланели,
в которых отрицается
что молодчики из Газы калечили израильских девушек,
насиловали оравами, с неистовым усердием, -
кровавая рифмовка кольцевая кровавых тел, терцины
обезглавленных младенцев, отрезанные груди,
тоннели героических куплетов, прорытые поэтами,
которые живут и умирают, чтоб убивать евреев.

Поэты Лондона и Бостона скорбят по стихотворцам
из Газы. С упоением цитируют их жертвенные бейты
на «Х», «Ютубе» и «Фейсбуке» читают их касыды,
написанные посреди развалин,
стараясь перевести их васфы,
где прославляются набеги на жителей киббуцев,
насибы, где воспевается бесславное начало интифады,
и фахры, где восторг и упоенье, где смерть рифмуется
с Израилем, поэты Бостона и Лондона
разносят как чуму.

Всё было и взаправду, и случайно

И этот день запомнился, и тот,
Похожи стали нынешний и прежний.
Сейчас ноябрь, и сухо, и тепло,
Наружу выбираюсь без пальто,
А там был снег, в России правил Брежнев.
Давали сахару не больше двух кило.

И совпадение было только в том,
Что я проснулся спозаранку.
Раскрытый том валялся на виду.
Я перед сном
Читал который раз про барышню-крестьянку
Или такую же примерно ерунду.

И главное, в окне округлая луна
Так удивительно жилище освещала,
Что я через волшебное стекло
Мог разглядеть любые письма,
Любое мало-мальски барахло,
Которое меня всегда и окружало.

В шабат всё новое, все в масках голубых,
Нестройный хор людей у синагоги.
Прелестницы, легко переставляя ноги,
Проходят мимо них.

И лиц ни тех, ни этих не видать,
Одни глаза, глаза, да и глаза ли,
И даже пары слов не разобрать,
Из тех, которыми обменивались крапи.

Да, это, видимо, надолго, навсегда
Глаза в автобусе и голубые маски,
Где незнакомая явилась красота.
На целый час или всего на полчаса,
Без звука, без улыбки, без причёски,
Как стрекоза.

У поворота статуя змеи.
Скорее ящерицы. Тень Лаокоона.
Не снявши маску, всё-таки «корона»,
И избегая толчеи,
Пройду пешком до нашего каньона,
Где сяду на трамвай до ирии.

Опустит занавес туманной кисеи
Погода зимняя, ненастная погода,
Трамвай пойдёт и дождь заморосит.
– Ты жив, старик? – окликнет ниоткуда
Москвич знакомый или одессит.

Прямая улица, знакомый поворот.
Кто хочет, собственно, тот пусть здесь и живёт.
А я живу на улице повыше.
Балконы, керамические крыши.
Автобусы призамедляют ход,
Оберегая души.

В кофейне «Духифат», то бишь «Удод»,
Под вечер собирается народ.
Спиртное льют и подаётся суши.
Над масками господствует ковид.
Один другому, что-то говорит,
Другой отвечает:
– Нет, ты меня послушай!

Памяти Полины Витман

всё было и взаправду, и случайно,
и не пытаясь воспроизвести,
лишь повторяю, словно бы нечаяно,
такая маленькая, девочка почти,
а между тем приблизилась зима,
не столь зима, а лето перестало,
он приоткрыл окошко, а она
пошла на двор, лимонов нарвала
и тёплое достала одеяло,
всего двенадцать строчек написала,
где ветер, и туман был, и светало,
потом её не стало, померла

Памяти Игоря Бяльского

Стрельба арабская сегодня целый день,
Кто вздрагивает, кто не замечает.
Стою, гляжу наружу из окна.
Вдоль вади мирно шествует олень,
След в след за ним ступает
Олениха? Я думаю, она.

Два солнца – и на небе, и в окне,
И здесь, и дальше, и по всей большой стране
Всё покрывают разлитым светом.
И пили мы его, как каберне,
И я, и друг мой, опочивший этим летом.

Вороны чувствуют, что скоро я умру.
Они и не такое примечали.
Случилось что? Не дале как вчера
Явился рой пернатый на пути,
Как говорится, не было печали.
Стоят, глядят, молчат, и не пройти.
Ума не приложу, конец или начало,
И нету слов, и мыслей несть числа,
И я сообразил, что ты всегда молчала,
Поскольку все слова давно произнесла.

На стороне, которая в тени,
Вполне терпимо.
Бывают встречные. Они
Проходят мимо.
Не станут, не заговорят
Одно и то же –
Идут, перед собой глядят
И настороже.
– Снимите маски, господа, –
Прошла «корона».
Замотаны туда-сюда
Дела Харона.
Пора на старую кровать
С пружинным скрипом,
Чтобы по-прежнему хворать
Обычным гриппом.

Огонёк памяти

Болонка тянет поводок,
но женщина мертва.
И если есть собачий бог,
пусть кончатся слова.

Пусть упразднятся языки
и прекратится лай,
скулёж собаки... Помолчи
и слов не повторяй

о том, что выцвела земля,
уставшая от нас.
На остановку тень легла...
и день почти погас.

Собака выть садилась в грязь,
краснели облака.
Она от холода тряслась -
она звала тебя.

Её по милости своей
собачий бог хранил.
А небо делалось мрачней
и редкий дождик лип.

Есть как бы огонёк,
воспоминанье о
том изумленье до
осмысленности. Вздох
нечаянный, когда
ошибка здесь стоять,
является опять
как оторопь... Слова -
они всегда не то
и не о том всегда.
Пьянящая весна,
в испарине окно,

остывший фитилёк,
промасленная нить.
Как это повторить,
когда плутает слог?

Не сбиться, удержать? -
Хотя бы на словах -
нечаянное "ах".
Попробуй промолчать.

И трепет огонька,
свечения, тепла
(пускай не навсегда)
опередит слова.

Серый домик... а в горошек
здесь и чашки, и бельё.
И подкармливала кошек
бабка с первого в окно.

Столько чёрного на белом,
словно старое кино
крутит кто-то неумело,
словно не было того

дома серого, цистерны
со вчерашним молоком,
не стояли ветки вербы
в мае на столе твоём.

Вспомнишь: божия коровка
не спешила улетать,
и дрожал фильмец неловко
на экране, словно ждать -

это повод удивиться,
что закончился сеанс,
но в луче желтеют лица,
плёнка рвётся, свет погас.

И летит себе букашка,
не вернувшись дотемна...
Под окном зевает кошка,
бабка с первого жива.

Пыльных штор потухший свет.
Хлеб с утра забытый в сетке.
За окном прохожий редкий,
словно умерший одет.

Всё-то мне нехороши
эти шторы кружевные,
люди эти пожилые
цвета глины со спины.

Прах заёмный грузен, сер,
и слова – скорее звуки...
Полумёртвые старухи
всё метут осенний сквер.

Так и будет до зимы,
и, жилец полуподвальный,
пыльных кружев в почивальне
не одёрнешь к ночи ты.

Пусть в разводах кружевных,
словно образами рая,
поиграет, исчезая,
свет для мёртвых и живых.

Памяти чужих слов

Замысел твой одичалый
Ниткой не влезет в ушко
Где застрявший верблюд развернётся
Головою скорее к востоку
Европейкам нежным шерстить
Вышивать не своё рококо
Для чужой сопряжённой души
Да лелеять свою поволоку

Нарисует художник усталый
Усталого точный портрет
За чертою оседлости черт
Промелькнут три четыре фигуры
Астероид промчится
Вселенною всей подогрет
И звезда со звездой
Ну какие ж они балагуры

Почему не дописаны здесь
Красота высота пустота
Почему не размечен их гнёт
В тишине тишиною примятый
И на ёлке висят не твои
А чужие слои кто поймёт
И звенят непонятно звенят
И ты знаешь что это ягнята

Почему эти жертвы стары
И намеренно страшно точны
Почему до сих пор недолёт
Чередой неслучайных ошибок
Почему эти узы
Не уверены в том что прочны
Почему эти музы
Так бесстрастно стоят на отшибе

Потому что не волк
Потому что в сомнениях толк
Потому что туда что сюда
Одинаковы все километры
Потому что гекзаметры дохнут
Если слышит себя глухота
И гетеры и гаммы и в грохоте
Голосят несговорчиво ветры

Здесь под вход декорирован вход
В каталог несмещённых вещей
От наплывших гусиных щедрот
До задатка чужих междометий
Где зазор между небом
И небом уже не страшной
Частокола пустот
В силуэтах опавших столетий

Сюжет. Возможно. Сюжет...

Обязательно должен быть грек.
С геометрией выпуклых век.
Нет, не море сначала, а именно грек.
Не усатый, не хитрый, но именно грек.
Там должно быть ещё и немерено рек
Для возможности выбора берега рек.
Берег левый. И в пять переправа.
Должен здесь кто-то стать очевидно неправым.
И предателем должен здесь стать имярек.
И должна быть вода, как всего лишь «вода»,
Лишь потом как субстанция пота.
Должен кто-то отсечь: «Это всё - навсегда»,
Бросить взгляд, наконец, на тебя,
Не случайно, но вполоборота.

И, конечно, там должен быть дом.
Не сравнимый никак с небольшим шалашом.
И картина должна там висеть на стене,
И ружье, и палаш. И стихи в шабаше.
И никто там не должен пробиться ко мне,
И украдкой, протиснувшись, выложить тайну:
Что там Авель сказал на прощание Каину.
И сказал ли вообще?

И задумал ли слово ужасное «грех»,
Да и так, чтоб оно разделилось на всех?
Почему ты не сможешь поверить ему,
Умещаю в саднящую тайну одну?
Не прорвёшь? Не поймёшь? Не спророчишь?
Потому что вина, что вменяют в вину,
Отменима тогда, когда судьи в дыму
И на подступах к аду, и их не воротишь.

А скорей - не вернешь. Да к чему они здесь?
Ни евреям, ни грекам не свойственна лишняя месть.
Потому что они не об этом.
Но сейчас в эти дебри не лезь.
Ни тузом тебе быть, ни валетом.
Ни присутствовать там ни при том, ни при этом.
Сколько горести в воздух не сей,
Возвращается в дом Одиссей.
Оставляя в морях море греков.
Моряков. Рыбаков. Человеков.
В бесконечном конце их пути.
Да и просто - в конце. Как в кольце.
Не суди. Не перечь. Не крути.
Обязательно должен быть грек.
С отражением лет на лице
И с умением встать и уйти.
Не упасть. Не свернуть. Раствориться.
Но исчезнуть и в нас усмириться.
Обязательно должен быть грек.

Ну хорошо ну пусть звезда
Ну пусть волхвы ослы колядки
Мороз дары евреи прятки
В прикрытых книгах
Сноски вкладки
Тысячелетий сговор шаткий
С одной опознанной звездой
Голодной полрой нервной злой
Как наверх согнанный изгой
С однажды содранной мездрой
Ну хорошо опять опять
Евреи те же в беспорядке
Сумы ослы не сны оглядки

И череда и чехарда
На «нет» свои сто тысяч «да»
И к ним бегущие холмы
Сшивают рваную равнину
Шум вечный в шуме от равнина
И что там где там мы не мы
Но в главное обрамлены

Какая там взаимосвязь
Когда сгорая и кренясь
К земле ложатся руки ветки
И эту полость эти метки
Прошел огонь как не огонь
Толкаясь думая стремясь
Отставь ладонь
Подставь ладонь
Чем прикоснётся эта странность
Неотменимость первожданность
Какая с тем взаимосвязь
Где куст горит кренясь кренясь

Не издавая звуки муки
Беря события на поруки
Являясь и отождествляясь
Во что не знаем посвящаясь
Везде никак не уместаясь
Но созидая сомневаясь
Не отступаясь отступись
Проснись придумайся вживись
Какая здесь взаимосвязь
Какая здесь чужая власть
Над тем что было что случилось
Когда пройдя не завершилось
Не утекло не уязвилось
Но научилось в землю класть
А мы стоим над нами страсть
За нами страхи робость гнилость
Всё в прах и тлен переместилось
Мы кто ещё не уточнилось
Какая сила обязательств
Какая сила доказательств
Какая вязь какая упряжь
Ночная дрожь устанет утром
И бытие сотрётся в утварь
А свет зари в простой отвар

Горит огонь очаг угар
О этот пар о этот дар
Навеки кто-то станет стар
Не просто стар а очень вечен
Безмерно внечеловечен
Стучит о землю стёртый посох
Ручей не высох
Вдоха воздух
Питает сделанный промер
И мыслит страхом малOVER

Ключ единственный

Разбивая в осколки святые мечты,
Торжествует над городом ложь.
Покажи мне Творца той земной красоты,
От которой ты прахом пойдёшь.

Погибают надежда, и правда, и свет
В этом сумраке вечно густом.
Покажи мне сейчас, что спасения нет,
И засну, не жалея о том.

Се страх, как соус «терияки»,
Костью ложится на язык.
Строке бегущей верит Яков,
Где вверх и вниз – общенья миг.

Что чудно здесь? Гордиться тем ли,
Что ты рождён? Так выбирай –
Писать вослед с Небес на Землю.
Но лучше так – из Ада в Рай.

И даже Михаил Булгаков,
Когда б ему ответил Бог,
Узнал бы истину, заплакав,
Что он не Мастер, но Пророк.

Стоят невольники-вершины,
Летит свободная звезда.
Пророки дьявольски невинны,
И правы Мастера всегда.

Я на воле нашёл ключ единственный, вот он,
Чтобы только просчёт напевающий стих.
Можно жить для кого-то, умереть за кого-то,
Но не ради кого-то остаться в живых.

Замыканье, - исток беспричиннейшей злобы.
Я с тех пор под тобой, не боюсь повторять.
И мы пробывали вместе не больше, чем чтобы
Окончательней, горше тебя потерять.

Нет и сотой от жизни. Но насколько ты можешь
Излучать её свет, подменяя, храня?
Ведь из детства в слиянии образов сложном
Я теперь узнаю этот свет для меня.

Всё искусство – на портрете,
И всегда в распятыя миг.
Высшие стихи, не эти,
Замышляя через мир,
Выходя на перекрёсток
Равнозвучности глухой, -
То ли детский, то ли взрослый,
То ли Божий, то ли твой.
В тишине у поворота
Похвалу произнеся,
У виска воспеть кого-то,
Стих за стих, за ноту нота,
Зачеркнуть его нельзя.
Сочинить его возможно,
Но не в зеркале твоём.
Кто за нас прозреньё вложит?
То ли наш, а то ли Божий
Лик твой, явленный вдвоём.

Дрожь и вина

Через сорок лет

Когда поношенное тело
Приобретает прежний вид
И на тебя глядит несмело
Полузнакомый индивид,
Остановись и поразмысли,
Коль вам столкнуться довелось,
Какие копошатся мысли
Под шапкой вьющихся волос?
Чем индивидуум озабочен,
О чём вздыхает по ночам?..
Тебе, наверно, странно очень
Осознавать, что он - ты сам.
Вали отсюда поскорее,
Пока целёхонек, пока,
Косящему под старика,
Тебе не надают по шее.

Старая фотография

Ни седин, ни детей, ни стихов -
Лишь глядящая вполоборота
С пожелтевшего старого фото
Юность. Встретиться с нею готов?
Близорукий безадресный взгляд,
Еле-еле понятный сегодня,
Дар господень - иль ссуда господня?
Не поймёшь, озираясь назад.
Не поймёшь, озираясь вперёд
Из когда-то знакомого века,
Кто ты нынче: убогий калека,
Всем прискучивший жалкий банкрот -
Или тот молодой обормот,
Уберёгший в себе человека?

Сонет оттуда

Что на выходе? Выпасть в осадок
Несуразных, прилипчивых дней.
Стать одной из случайных закладок
Книги будней. Закрытой. Твоей.
В ней по-прежнему шастает время
По нетронутым белым листам,
С заморочками, кляксами теми,
Что казались приметными там.
Жизнь насмарку. До мига - насмарку,
До истёртого старостью дна.
Даже слово сегодня - помарка,
Блажь, которой копейка цена.
Этим вдохам и тесно, и жарко,
В этих выдохах дрожь и вина.

Диагноз твой: израильский еврей.
Иль украинский. Выбери любое
Из двух обозначений. Поскорей -
Покамест время двери не закроет
В той камере, что названа судьбой,
Где только от сирены до сирены
Ты кажешься себе самим собой,
А не букашкой, что протяжный вой
Вминает в покорёженные стены.
Повсюду, где идёт твоя война,
Ты лишь мишень, приманка для ракеты.
И даже если песня не допета,
Жизнь осмотрелась - и ушла. Одна.

Ты вспомнишь о своём народе?
Когда?
Пока меж нас кругами ходит
Беда,
Скажи хоть слово, полуслово,
Хоть рот
Открой на миг. Внимать готовы.
Народ...

По мере угасания либидо

Художники, поэты, музыканты –
как будто кем-то свыше коронованы,
себя ценя безмерно за таланты,
которые не всем из них дарованы.

Мы веками ходили по краю,
но народ мой сохранен и жив –
духи предков витают над нами,
в нужный час надо мной покружив.

Усердно пряча души в панцирь,
мир жив, хотя не в лучшем виде,
и дремлют высохшие старцы
на всё, что новое, в обиде.

Измельчало мужское воинство,
оскудело – такая жалость –
чувство собственного достоинства
только в яйцах у них осталось.

Как хорошо, что жив-здоров
и нет ни в чём потерь,
а то, что нравственно херов –
такие все теперь.

Одна табачная затяжка –
но перед этим чуть налей –
теперь и жить не слишком тяжко,
и горизонт уже светлей.

Увы, Господь, Твоё произведение
никак преодолеть года не может:
весьма заметно тела оскудение,
и умственные силы тают тоже.

Тоски нежданная морока
приходит в душу ниоткуда:
когда бывает одиноко,
она является, паскуда.

Когда б я был миллионером –
уберегла меня судьба, –
типичным был бы я примером
тупого жадного жлоба.

И у владыки есть, и у раба,
у смертного любого повсеместно –
своя слепорождённая судьба,
которая заранее безвестна.

Я благодарен, горд и рад –
живу я точно как Обломов,
избавлен Богом от наград,
шумихи, премий и дипломов.

Не мог, не хотел, не просил,
сомнением разве что мучась,
покуда хватало мне сил,
я сам выбирал себе участь.

Я сон люблю – вечерний, утренний,
ночной, конечно, и дневной,
а также сон секретный, внутренний –
когда беседуют со мной.

Мечтал когда-то я про путешествия –
в Австралию, на Родос, на Канары,
но вышло небольшое происшествие,
и я пропутешествовал на нары.

Когда бы заказали мне рецензию
на Божье сотворение людей,
то сразу же назвал бы я претензию
за дикое количество блядей.

Особо я, хочу признаться,
люблю тепло апреля – мая:
весна целительна для старца,
о жизни вновь напоминая.

Ни разу не был я в бою –
моя судьба меня хранила,
чтоб дул я в дудочку свою,
вовсю используя чернила.

Обильные российские напасти
богаты ещё случаем обыденным:
любое прикосновение ко власти
чревато огавнением невидимым.

Мне кажется, российское покорство,
подобие овечьего гурта –
всего лишь вековечное притворство,
наследственная рабская черта.

Бывает в душе вдруг такая разруха,
что видится жизнь как пустая напраслина,
и сразу поблизости бродит старуха
и держит косу, озираясь опасливо.

Конечно, в этом факте есть обида,
но явно Божий замысел таков:
по мере угасания либидо
фантазия растёт у мужиков.

Когда-то светлым был мой ум
и переполнен содержанием,
но оскудел от уймы дум
и льётся старческим брюзжанием.

Есть некий важный срок на свете,
когда живёшь легко и барственно,
твою судьбу решают дети,
а ты киваешь благодарственно.

Комментируя жизнь быстротечную,
одобрением публики грейся,
но на память народную вечную,
если ты не мудака, не надейся.

НОН-ФИКШН

Нисан Мишьял

Встречи с Моше Даяном

*Из всех больших имён геройских,
Что известны нам наперечёт,
Как-то по-особому, по-свойски
Это имя называл народ...*

Александр Твардовский

Нисан Мишьял – известный израильский журналист, лауреат премии им. Нахума Соколова. Работал в печатной прессе и на телевидении – ряд лет был гендиректором, вёл популярные передачи «Мокед», «Политика» и другие. Автор нескольких публицистических книг. За годы работы в журналистике Мишьяло довелось встречаться и беседовать со многими выдающимися политическими и государственными деятелями Израиля, воспоминания о которых представляют определенный ретроспективный интерес. Об этом одна из его книг: «Разрешено к публикации» (Тель-Авив, 2011), главу из которой мы предлагаем читателям.

Буфет в здании Кнессета – важное место для сбора историй, утечек информации и сплетен. Это известно каждому начинающему журналисту, пишущему на темы политической жизни.

Я впервые попал в депутатский буфет летом 1979 года как журналист, освещающий вопросы партийной жизни для телевидения. И сразу всех увидел... Отцы нации, главы партий и общественные деятели сидели за столами, окруженные помощниками, приближенными и журналистами.

Вот премьер-министр Менахем Бегин даёт лучшее представление в городе. За соседним столом сидит Эзер Вейцман, и окружающие его постоянно смеются, а там – Ицхак Рабин, мрачный и унылый – похоже, что он ещё не оправился от потери поста главы правительства из-за долларового скандала с его женой, и ещё, и ещё.

Я оглядел заполненный зал буфета. В удалённом углу одиноко сидел человек, отрешённый от общего гомона. К нему никто не подходил, не беспокоил. Своё внимание он сосредоточил на стакане чая и на печенье, лежавшем перед ним. Одно за другим он макал печенье в чай и ел. Человека со знаменитой чёрной повязкой на глазу нельзя было не узнать. Моше Даян.

- Даже не думай, - сказал мне Егошуа Бицур, журналист-ветеран из «Маарив», заметив мой взгляд. – Мы все уже пытались получить у него хотя бы маленькое интервью. Ничего. Даян не хочет, чтобы к нему подходили вот так, без предварительной договоренности. Здесь это железное правило.

Может, потому что тогда я был молодым и напористым, я вдруг решил нарушить местный порядок.

- Здравствуйте, господин министр, - обратился я к Даяну.

Он поднял взгляд от стакана с чаем и холодно посмотрел на меня.

- Как ваши дела? - поспешил я продолжить.

- Почему спрашиваешь? - резко ответил он. - Интересуешься моим раком?

Ответ был шокирующим, ошеломляющим. Прямота беспрецедентная.

Я стоял возле его стола, раздумывая: может, извиниться и прервать незапланированную встречу, принявшую такой неожиданный оборот; однако решил остаться и побороться. Я вспомнил историю первого человека из книги «Бытие».

- Господин Даян, - продолжил я, - когда я спросил вас «Как дела?», это был вопрос в духе «Адам, где ты?» из повествования о первом человеке (*Бытие 3:9*. – А.К.). Когда Бог пришел в рай, чтобы наказать Адама и Еву за то, что они нарушили запрет и вкусили от древа познания, Он спросил: «Адам, где ты?» Все комментаторы ТАНАХа законно спрашивают, почему Бог задает этот вопрос – разве Он не знал, где находится Адам?

Даян явно заинтересовался.

- Ладно, если уж подошёл, присаживайся. Так что говорят комментаторы?

Тут я привлек на помощь РАШИ, который полагал, что «Где?» Бог использует здесь для того, чтобы вступить в разговор.

Даян улыбнулся и черты его лица смягчились: он понял смысл. Боковым зрением я увидел, что сидящие за соседними столами заинтересованно наблюдают за нами.

Тогда я просидел с Даяном довольно долго. Он хотел послушать ещё комментариев на этот стих. Я рассказал:

- Вот ещё один: когда Бог говорит «Где?», Он хочет знать, куда склонилось сердце Адама...

- Оба комментария великолепны, - сказал Даян. – Я не знал о них. Спасибо.

И он стал говорить о диалоге змея и Евы, и как тому удалось склонить её:

- Вы обратили внимание, что в тот момент, когда змей искушал Еву, Адама не было рядом. А ведь наказаны будут оба, это интересно.

Позднее, когда наши отношения с Даяном стали ближе, я обнаружил, что он очень любит ТАНАХ. Он мог цитировать, объяснять, критиковать, удивляться...

Даян немного помолчал, потом с улыбкой сказал:

- Так мой рак не интересуется тебя?

Ему опять удалось заставить меня врасплох.

- Я читал об этом в газетах.

- Если хочешь, я тебе расскажу.

И он начал рассказывать историю своей болезни во всех подробностях:

- Всё началось с того, что в последние месяцы я начал чувствовать усталость, наступала слабость, когда поднимался по лестнице, начинало колотиться сердце, когда нужно было взойти на холм; это было трудно для меня, не хватало воздуха, - я понял, что что-то у меня не в порядке. Я связался со своим врачом, профессором Гольдманом, и он назначил серию анализов и снимков. Они показали опухоль в толстой кишке... Спустя считанные дни сделали операцию. Она показала, что метастазов нет, так что я могу и способен продолжать работать...

Даян рассказывал, и я почувствовал, что он продолжает жить с травмой, которую испытал; что ему нужно с кем-то поделиться этим, разделить с кем-то душевный груз. И вот я, случайно подойдя к нему, стал внимающим и заинтересованным ухом.

Я спросил его, пугает ли его рак.

- Если ты имеешь в виду, боюсь ли я смерти, то ответ: «Нет». Я не боюсь смерти. Она вообще не заботит меня. Несколько раз я смотрел ей в глаза и не сломался... Это просто конец, после которого ничего нет.

Прошло уже больше часа. Вдруг прозвучал звонок, призывавший депутатов вернуться в зал заседаний для участия в голосовании. Все поднялись и потянулись к выходу.

Даян не двинулся с места.

- Если потребуется мой голос, за мной придут.

Теперь он начал спрашивать меня: как я пришёл на телевидение, кто из героев ТАНАХа нравится мне более других, сколько раз в неделю я читаю ТАНАХ, есть ли у меня дети. Когда я сказал ему, что мы почти соседи – я живу в

Рамат-Цахала, рядом с его домом в Цахале, - он достал ручку и на листочке написал свой домашний телефон. Даян попросил меня позвонить ему:

- Буду рад встретиться с тобой снова.

Вот она, знаменитая харизма Даяна...

Его поступок очень взволновал меня: я ведь вырос в бараке иерусалимского квартала Тальпиот, и приглашение в дом идеального сабры, воспитанника НАХАЛАЛЯ, легендарной личности, одной из ярчайших фигур новой истории Израиля привело меня в восторг. «Это было или я видел сон?¹» - спросил я себя, когда выходил из здания Кнессета.

Моше Даян был одиноким человеком. У него не было друзей, и он не обладал терпением по отношению к другим.

- Его потребность в одиночестве была его глубинной чертой, и она усиливалась по мере того, как возрастал его статус, - рассказывала мне его дочь Яэль Даян. - Его стремление к одиночеству не было одиночеством поэта, это было одиночество политика, стратега, который уединялся на раскопках, в пещерах, в горах и в пустыне, чтобы думать и принимать решения.

С Рахелью - его второй женой - ему было хорошо, и она стала его доверенным лицом. Однако она не раздумывала долго, чтобы сказать ему, когда была с чем-то не согласна.

После назначения Давида Эльзара начальником Генштаба, что было решено правительством вопреки мнению Даяна, Рахель сказала ему:

- Ты должен уйти в отставку: министр обороны не может работать с начальником Генштаба, которого не хотел.

- Рахель, - ответил Даян, - знаешь ли ты, что такое демократия? Это когда решает большинство.

- Ты должен уйти в отставку, - настаивала на своём Рахель, - это вопрос жизни и смерти!

Даян не ушёл в отставку, и всё, что последовало затем, вы можете узнать из книг о войне Судного дня...

Его карьера знала взлёты и падения, гордость и унижение. Накануне Шестидневной войны, когда он был назначен министром обороны, его популярность взлетела до небес. Именно его заслугой посчитали быструю победу в той войне, и за одну ночь он стал национальным героем. Однако по прошествии шести лет, в 1973-м, в результате почти провала войны Судного дня, карьера Даяна разбилась вдребезги. Он оставил пост министра обороны страдаю-

¹ Слова из известного стихотворения Рахели «Может быть».

щим, подавленным и униженным. Я был свидетелем одного из этих унижений, когда родители, потерявшие сыновей в ту войну, ворвались в зал университета им. Бар-Илана, где Даян читал лекцию...

Спустя месяц после нашей встречи в Кнессете я позвонил Даяну домой. Он тепло ответил мне:

- Конечно, я помню тебя.

Мы договорились встретиться днём в пятницу.

Я пришел к нему в дом, расположенный в Цахале, на улице Йоав, 11. Это в десяти минутах ходьбы от моего дома. Он встретил меня широкой улыбкой и представил супругу – Рахель. Я осмотрелся. Было известно, что у Рахели отменный вкус. Через окно просторной гостиной можно было видеть знаменитый археологический сад Даяна. Одну стену в салоне занимали книги и сувениры.

У Даяна не было рабочего кабинета. В зависимости от настроения он писал в гостиной, в саду, на кухне.

- Более всего мне нравится писать в саду, - рассказывал он. – Там тихо, там мне удаётся сосредоточиться, а иногда заглянуть в прошлое сосудов и камней...

Мы сели в углу гостиной. Он достал с полочки свою новую книгу «Жить с Библией», которая была только что издана.

- Почитай, будет интересно, - сказал Даян, написав что-то на первой странице книги и передавая её мне. – Я получил много отзывов на эту книгу, в том числе от верующих людей, которым нравится не всё, что я написал, поэтому мне интересно твоё мнение...

- В ТАНАХе, - продолжал он, - есть один стих, самый важный, самый существенный, по-моему. Это первая строка книги «Бытие» и фактически первая строка всего ТАНАХа: «Сначала Бог¹ создал небо и землю». В одном стихе суть сотворения мира, переход от хаоса к строительству новой жизни. Дух захватывает. Подумай об этом.

Я раскрыл книгу и прочитал посвящение: «Израиль покинул свою землю, но она оставалась в его сердце, и все земли, где он бывал, были ему чужими, родиной была Эрец Израэль».

- Вот суть сионизма, - сказал я, прочитав.

- Верно, - согласился Даян. – Эрец Израэль была и остаётся нашей родиной. Это принцип всей моей жизни.

¹ Даян всегда произносил «Элоким» (примечание переводчика).

Вместе с тем Даян чётко разделял свою любовь к Эрец Исраэль и религиозную веру в неё.

- Это очень принципиально, - объясняла Яэль Даян. - Отец пришёл к сионизму через историю и Библию, но не через религию и веру. И факт того, что он не был религиозным, не умаляет его любви к стране...

Даяну очень нравилась трагическая фигура царя Саула, может, потому что Даян ассоциировал себя с ним.

- Саул был захватывающей личностью, - говорил он мне. - Он начал свой путь, не имея народной поддержки; сегодня это назвали бы «отсутствием популярности»... Позднее он громил врагов, одерживал большие победы, стал любим народом, - и вдруг именно тогда теряет симпатии людей. И вот с момента, когда началось его снижение, которое в итоге привело к самоубийству в бою с филистимлянами, у меня особое чувство к нему...

Даян, как и царь Саул, был самым обожаемым деятелем в Израиле, однако как раз на пике популярности всё рухнуло: после войны Судного дня из народного любимца он превратился во врага общества; может, отсюда и проистекает его любовь к Саулу.

...Май 1977 года. В дом Даяна в Цахале приезжает одержавший блестящую победу на выборах Менахем Бегин, который начинает формировать правительство. Даяну он предложил портфель министра иностранных дел. При разговоре присутствовала Рахель.

- Ты сможешь добиться мира, - говорил Бегин, - у тебя есть возможность совершить прорыв в наших отношениях с соседями. Предлагаю тебе войти в правительство и обещаю полное сотрудничество с моей стороны.

Бегин ценил Даяна, тот даже нравился ему. Бегину нравился даяновский образ героя, оригинальность мышления, любовь к Израилю и исконный дух НАХАЛАЛЯ в Даяне. Даян тоже уважал Бегина как политика, верного избранному пути, обладателя твердых принципов, и особенно - за скромный образ жизни, который тот вёл.

Бегин очень хотел заполучить Даяна в правительство, несмотря даже на резкие возражения других видных деятелей «Ликуда». Когда он покидал дом Даяна, Рахель вышла его проводить. Бегин поцеловал ей руку и произнёс:

- Уговорите его... Это будет на пользу Государству Израиль... Уговорите его, пожалуйста...

Когда Рахель вернулась в дом, Даян спросил:

- Ну, что скажешь?

Не колеблясь ни минуты, Рахель ответила:

- Ты должен присоединиться - это ради государства.

На следующий день Даян объявил о выходе из Партии труда и присоединении к правительству Менахема Бегина. Как министр иностранных дел он стал ключевой фигурой в достижении мира с Египтом.

В сентябре 1977 года, спустя четыре месяца после вступления в должность, Даян совершил тайную поездку в Марокко, чтобы встретиться с заместителем президента Садата, д-ром Хасаном Тухами. Даян наклеил себе усы и надел тёмные очки.

- Когда в таком прикиде я разгуливал по улицам, всё время боялся, что или усы отклеятся, или очки съедут с лица – и меня разоблачат... Даже без моей повязки на глазу... Но всё прошло благополучно.

Во время успешной встречи с Тухами были согласованы условия визита Садата в Израиль.

Наши встречи в доме Даяна продолжались. В ходе одного из визитов Даян пригласил меня прогуляться с ним по его археологическому парку. Я был впечатлён: просторный сад был полон кувшинов, разных сосудов, больших камней с древними письменами; стояли колонны. Даян особенно часто останавливался возле египетских саркофагов, сделанных из глины.

- Вот эти я нашел на кладбище в Дир эль-Балак, разрушенными. По частям перевёз сюда, склеил особым немецким составом. Теперь они все целы.

Саркофаги установлены в длинный ряд, это впечатляет. Даян увлеченно рассказывает, указывает руками на разные детали.

- Почему вы прекратили свои поиски археологических артефактов?

- Уже не хватает времени. Теперь в свободное время я предпочитаю писать новую книгу. Вот пройдут дожди, и я отправлюсь в поле, в какой-нибудь древний город, посмотреть – не открылось ли что-нибудь интересное.

Даян любил возиться в саду. Каждый свободный час он проводил там - очищал находки, высушивал, склеивал разбитые части.

- Отец был как ребёнок, который строит дворец из песка, - вспоминала Яэль Даян. - Только он строил из камней. У его сада не было какой-то научной или археологической

цели, отец просто привозил домой то, что находил на раскопках или покупал у арабов.

Я смотрю на Яэль – у неё те же черты волевого лица её отца. Я не замечаю у неё ни малейшего осуждения того, что отец ведь украл эти древности. Да что она?! А я сам?! Попав под обаяние Даяна и ценя его доброе отношение ко мне, я не осмелился задать ему сакраментальный вопрос:

- Но, господин министр, почему вы говорите: «нашёл в Дир эль-Балак»? Что значит «нашёл»?..

Сегодня я бы прямо спросил у него:

- Ну, господин министр, значит, просто забрали без разрешения?

Отношения Даяна со средствами массовой информации были удивительными. В его бытность министром обороны, с Шестидневной войны до войны Судного дня, СМИ его просто боготворили. Его хвалили, статьи были исключительно положительными, культивировался его образ как национального героя. Его окружала группа видных журналистов – его поклонников. Он встречался с ними приватно, комментировал происходившие события, делился своими мыслями, наконец, «советовал», о чём стоит написать. У него были прекрасные контакты с иностранными СМИ, особенно с телевизионными каналами в Соединенных Штатах и Великобритании.

- Он очень любил американских журналисток, - рассказывала Яэль Даян. – С ними он чувствовал себя комфортно, и особенно любил давать интервью Барбаре Уолтерс.

Всё это рухнуло после войны Судного дня. СМИ кардинально изменили свое отношение к Даяну. Те, кто вчера восхвалял его, начали забрасывать камнями в своих статьях, резко критиковать и выставлять его главным виновником неудач в той проклятой войне.

Отношение СМИ к Даяну несколько смягчилось, когда он был назначен министром иностранных дел в правительстве Менахема Бегина. Разумеется, не поклонение, но осторожное уважение к его деятельности по достижению мирного соглашения с Египтом. В газетах можно было прочитать поощрительные статьи о «творческих подходах», которые позволяли устранить препятствия на пути к мирному договору. А в среде специалистов были и такие, кто решительно утверждал, что если бы не Моше Даян, сомнительно, что дело вообще бы дошло до подписания договора в Белом доме.

21 октября 1979 года Даян ушел с поста министра иностранных дел из-за разногласий с главой правительства Менахемом Бегинем по вопросу об автономии для палестинцев. На следующий день я с операторской группой снимал его последний день в министерстве иностранных дел, затем брал у Даяна интервью - также с киносъёмкой в его археологическом саду, а он занимался своими артефактами. Это был первый телевизионный сюжет о знаменитом саде Даяна, он был показан в «Дневнике недели» израильского телевидения.

Затем я ещё несколько раз бывал у Даяна по разным случаям. Это был уже другой человек. Ухудшалось состояние здоровья, он страдал от болей, но самое худшее – он терял зрение.

- Я едва вижу, - говорил он мне в ходе одной из наших встреч в апреле 1980 года. - Чтобы читать, мне нужна большая лупа, но и она мало помогает.

Затем с горькой иронией добавил:

- Газеты я уже вообще не читаю, хотя не знаю, может, оно и к лучшему...

Я тогда был корреспондентом по делам политических партий и не удержался, чтобы не спросить у него: верны ли слухи, что он обдумывает возвращение в политику? Даян был категоричен:

- Я не буду выдвигать свою кандидатуру в Кнессет... Я двадцать лет был депутатом и членом правительства; с меня достаточно...

- Но я слышал, что на вас оказывают давление.

- Ну так что?! Оказывают давление, но я всё равно не вернусь в Кнессет. Если мне будет нужно, я смогу выразить свое мнение даже на борту фургона «Тнувы»...

- Политическая история Израиля показывает, - продолжал я своё, - что все выдающиеся деятели, ушедшие в отставку, в конце концов возвращались...

- Ты прав, - отвечал он, - как раз сейчас я закончил писать новую книгу, в которой обращаюсь к этим руководителям (*Бен-Гурион, Голда Меир и Эзер Вейцман. – А.К.*): «Я хочу уйти из публичной жизни по своему желанию, а не когда буду вынужден сделать это, поскольку кто-то будет против меня. Моё депутатское кресло в Кнессете расположено в правильном месте - у выхода».

Однако вскоре, в соответствии со своей часто высказываемой им политической концепцией: «Только осёл не меняет своего мнения», - Даян изменил своё мнение. По мере

приближения выборов в Кнессет в 1981 году он сделался менее категоричен, начал подавать сигналы, что можно поговорить о его возвращении в политику, и что это будет на пользу государству.

- Он почувствовал, что не может сидеть в стороне и смотреть, как «Ликуд» и МАФДАЛ разваливают мирный процесс. - говорил мне Элизер Зорбин, один из тех, кто подталкивал Даяна к созданию собственного избирательного списка.

Подобные голоса и, наверное, тот самый вирус политики, с которым Даян не смог справиться, сделали своё, и Даян согласился возглавить список ТЕЛЕМ – «Движения за государственное обновление».

В марте 1981 года я приехал к нему домой с операторской группой, и в эксклюзивном интервью он заявил о своём решении:

- Мы можем получить достаточное количество мандатов, чтобы быть внушительным голосом в коалиции и таким образом выполнить историческую миссию по решению палестинской проблемы.

Несмотря на неуклонно ухудшавшееся состояние здоровья, он выступал на предвыборных митингах по всей стране, и прогнозы предсказывали ему получение шести мандатов. Однако ТЕЛЕМ получила всего два кресла в Кнессете.

- Только я ответственен за этот результат, - произнёс Даян, узнав о результатах выборов. Из-за плохого самочувствия он затворился дома.

В последние дни жизни Даяна приехал навестить депутат Кнессета Гад Якоби, который был его другом. Он удивился, потому что дом был практически погружён в темноту, едва горела одна маленькая лампочка. «Когда Якоби позвонил в дверь, он услышал за ней странное шуршание – это Даян шёл в темноте, держась за стену, чтобы открыть входную дверь. Когда Якоби спросил друга, почему он не зажигает свет в доме, тот ответил:

- Я почти не отличаю свет от темноты, зрение утрачено. Я едва вижу твой силуэт, я ослеп, но знаю, что эти страдания не продлятся долго»¹.

Даян умер в пятницу, 16 октября 1981 года. Причиной смерти был не рак, а обширный инфаркт. Даяну было 66 лет.

Перевёл с иврита Александр Крюков

¹ Из книги Эхуда Бен-Эзера «Мужество – история Моше Даяна».

Недолгое эхо взрыва на бульваре Ротшильда

4 декабря 1952 года на заседании Президиума ЦК КПСС заместитель министра госбезопасности Сергей Гоглидзе сделал подробное сообщение «О положении в МГБ и о вредительстве во врачебном деле».

Министр госбезопасности Семён Игнатьев, чиновник, в целом случайно оказавшийся на высоком посту на Лубянке, попал в такую государственно-политическую «мясорубку», что не выдержал и слёг с инфарктом. Его и заменял генерал-полковник Гоглидзе, бывший нарком внутренних дел Грузии, доверенный человек Берии с большим чекистским опытом. В ноябре 1952 года Гоглидзе был назначен первым заместителем министра и руководил всем аппаратом госбезопасности.

На заседании Президиума ЦК Сталин раздражённо говорил о «неблагополучии» в госбезопасности: «лень и разложение глубоко коснулись МГБ» и у чекистов «притупилась бдительность».

Было решено реорганизовать министерство госбезопасности. Все оперативные подразделения собрали в единое Главное разведывательное управление, как когда-то создали Главное управление государственной безопасности НКВД. В ГРУ Первое управление занималось внешней разведкой, Второе управление - контрразведкой. В его структуре и образовали отдел по борьбе с сионизмом.

13 января 1953 года «Правда» опубликовала сообщение ТАСС «Арест группы врачей-вредителей» и редакционную статью «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Советские люди узнали, что органами госбезопасности «раскрыта террористическая группа врачей, ставившая своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям СССР».

В сообщении перечислялись арестованные врачи - шесть еврейских фамилий, три русские. «Большинство участников террористической группы, - говорилось в сообщении ТАСС, - были связаны с международной еврейской

буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой... ..Участники группы Виноградов В. Н., Коган М. Б., Егоров П. И. оказались давнишними агентами английской разведки».

Израильский посланник в Москве Шмуэль Эльяшив (Самуил Фридман) сообщил в Тель-Авив о «деле врачей».

Смолчать израильской стороне было трудно. 19 января 1953 года министр иностранных дел Моше Шарет выступил в Кнессете: «Правительство Израиля всегда рассматривало дружеские отношения с Советским Союзом как одну из основ своего международного положения и высоко ценило их значение для всего еврейского народа. С глубоким сожалением и беспокойством наблюдает оно за официально развёрнутой в Советском Союзе антисемитской клеветнической кампанией...»

20 января премьер-министр Бен-Гурион направил членам своего правительства письмо, в котором, в частности, говорилось: «Мы не должны делать того, что может ухудшить положение евреев в России. Понимаю также, что против этого гиганта мы бессильны. И, тем не менее, молчать мы не можем и не должны... Мы должны протестовать против кровавого навета и требовать (заранее понимая, что в практическом плане никакого ответа не будет) свободы репатриации: «Отпусти народ мой»...»

22 января Эльяшив сообщал в своё министерство иностранных дел: «В отличие от пражского процесса здесь все обвинения выдвигаются в адрес «сионизма», а не Государства Израиль... Пока Государство Израиль не обвиняется открыто, нам как государству (и правительству, и Кнессету, и миссии) следует воздержаться от какой-либо реакции. Возможно, здесь ещё произойдет что-то, что вынудит нас к энергичному ответу. Возможно также, что в результате отношения будут разорваны или персонал миссий взаимно сокращён до минимума. Но нам не следует подгонять такое развитие событий...».

В свете заявлений своего руководства генеральный директор МИД Израиля Вальтер Эйтан в циркулярной телеграмме 23 января инструктировал израильские представительства за рубежом: «Обратите внимание, что Израиль не упоминается в советском заявлении. Пока ни один израильский представитель не должен делать официальных заявлений на этот счет... Имейте в виду, что Израиль не заинтересован вступать в открытый конфликт с Советской Россией...»

24 января руководители отдела стран Ближнего и Среднего Востока министерства иностранных дел (А. Щиборин и С. Базаров, заместители заведующего отделом) доложили министру Андрею Вышинскому о реакции западной печати на арест в СССР «группы врачей-вредителей». Западные газеты, цитируя такие статьи, как «Сионистская агентура американской разведки» в журнале «Новое время», предсказывали, что Москва в скором времени разорвёт отношения с Израилем.

Вышинскому сообщили и о действиях представителей Израиля на международной арене, в частности, о выступлении представителя Израиля в ООН Аббы Эвена, который заявил, что поставил в ООН «вопрос о процессе в Чехословакии и вопрос о последствиях антисемитизма и кампании, проводимой против Израиля в некоторых странах».

22 января на обложке приложения к газете «Давар» была опубликована фотография пятилетней давности — советские евреи приветствуют Голду Меир перед московской синагогой в октябре сорок восьмого года. Израильские дипломаты в Москве были напуганы: худшего времени для публикации этого снимка трудно было придумать.

28 января Эльяшив телеграфировал в МИД Израиля: «Публикация даст предлог для обвинения миссии в “запретных связях” в СССР и организации беспорядков. Весь тон выступлений и статей в Израиле, выступление Эвена в США наполняют меня тревогой и беспокойством. Они оставляют впечатление демонстративного вызова и желания ускорить конец наших отношений с СССР...»

На самом деле эта публикация уже ничего не могла изменить, и усилия Израиля сдержать негативное развитие событий были обречены на неудачу. Интересно, что именно тогда советское руководство впервые стало проявлять устойчивый интерес к новым отношениям с арабскими государствами.

Так, 29 января советский посланник в Египте Семён Козырев нанес протокольный визит новому руководителю страны генералу Нагибу. После беседы Козырев отправил в Москву телеграмму, составленную в достаточно скептических выражениях. Но в министерстве обратили внимание на один пассаж, которому советский посланник не придавал значения. Козырев говорил Нагибу о попытках Соединенных Штатов и Англии объединить страны региона в военный блок, что Москву никак не устраивало. Вдруг египетский премьер сказал: «Поставьте себя на мое место. Что в таком

положении стали бы делать вы? Готова ли Россия продать Египту танки, самолеты и другое вооружение?»

Козырев ответил, что, как известно, самолеты и танки не являются предметом обычной торговли, и спросил, где сейчас Египет закупает такую технику. То есть обозначил нежелание развивать тему и, похоже, совершил ошибку. 10 февраля он получил указание Вышинского: «Если Нагиб вернется к вопросу о продаже вооружения, сказать Нагибу, что... этот вопрос можно было бы рассмотреть, если египетское правительство заинтересовано в этом».

Однако эта попытка сблизиться с Египтом в сфере военно-технического сотрудничества не удалась. Генерал Нагиб, который, - после провозглашения Египта республикой 18 июня 1953 года, - стал президентом, позднее сказал, что вопрос о покупке оружия он не поднимает...

2 февраля министр иностранных дел Шарет телеграфировал послу Израиля в Соединенных Штатах Эвену, разъясняя: «Это не основная линия политического курса (*советского руководства*. – А.К.), а порождение общей тенденции укрепления режима...»

Следует отметить, что проблемы с безопасностью пребывания советских дипломатов в Израиле начались практически сразу после открытия миссии в Тель-Авиве. В сентябре 1948 года неизвестные вывели из строя машину посланника и сорвали государственный флаг СССР. 11 июля 1950 года Павел Ершов направил в МИД СССР телеграмму, в которой сообщал, что советская миссия получила письмо с «предупреждением о том, что если Россия и её сателлиты не дадут своим евреям право иммигрировать в Израиль... то миссия будет взорвана».

Об этом письме Ершов направил телеграмму и министру иностранных дел Израиля. В своем ответе Шарет сообщал, что «мы имеем дело с неуравновешенным субъектом», и «для предотвращения возможных инцидентов дано указание соответствующим органам усилить охрану миссии СССР».

Но взрыв всё-таки прогремел...

9 февраля посланник Ершов отправил в Москву срочную шифротелеграмму: «9 февраля в 22 часа 35 минут на территории миссии произошел сильный взрыв бомбы. Тяжело ранены жена посланника, жена завхоза и шофер Гришин, которые отправлены в госпиталь на машине скорой помощи. Повреждено здание миссии...

Данный террористический и диверсионный акт против советской миссии в Израиле является результатом антисоветской кампании, которая ведётся израильским правительством в последнее время. Считаю, что в связи с этим случаем было бы целесообразным разорвать дипломатические отношения с данным правительством Израиля».

Израильские власти в тот же день опубликовали заявление, начинавшееся так: «Правительство Израиля потрясено и возмущено преступным покушением, совершённым сегодня вечером в отношении советской миссии в Тель-Авиве...»

Бен-Гурион выступил с заявлением в Кнессете. Среди прочего он сказал: «Хулиганы, которые совершили это подлое преступление, являются больше врагами Государства Израиль, чем ненавистниками иностранного государства. Если своего рода еврейский патриотизм был движущим мотивом их грязного дела, и если их намерения заключались в борьбе за честь Израиля, тогда позвольте мне сказать, что именно они этим бессмысленным преступлением осквернили честь Израиля...»

Председатель Кнессета также сделал заявление, а президент страны Ицхак Бен-Цви прислал в советскую миссию письмо. 10 февраля министерство иностранных дел Израиля выразило глубокое сожаление и принесло извинения советской миссии. Но это уже ничего не могло изменить.

11 февраля вопрос был решён в советском руководстве. Сотрудникам министерства иностранных дел СССР оставалось только составить текст ноты.

12 февраля в час ночи министр Вышинский вызвал в МИД израильского посланника Эльяшива. Министр зачитал и вручил последнему ноту советского правительства в связи с терактом, совершенным против советской миссии в Израиле. Приём длился семь минут...

В ноте говорилось: «...В свете общеизвестных, неоспоримых фактов участия представителей правительства Израиля в систематическом разжигании ненависти и вражды к Советскому Союзу и подстрекательства к враждебным против Советского Союза действиям, совершенно очевидно, что заявления и извинения правительства Израиля по поводу террористического акта 9 февраля на территории Советской миссии являются фальшивой игрой, преследующей цель замести следы совершенного против Советского Союза преступления и уйти от лежащей на правительстве Израиля ответственности за это злодеяние...»

Советское Правительство отзывает Посланника Советского Союза и состав Советской миссии в Израиле и прекращает отношения с Правительством Израиля.

Советское Правительство вместе с тем заявляет о невозможности дальнейшего пребывания в Москве Миссии Израиля и требует, чтобы персонал Миссии незамедлительно покинул пределы Советского Союза».

С ведома заместителя председателя Совмина Георгия Маленкова из Израиля также отозвали корреспондента ТАСС и представителя «Совэкспортфильма». В стране оставили только представителя Российского палестинского общества при Академии наук и шесть человек миссии, командированной Московской патриархией.

Защиту интересов Советского Союза в Израиле взяла на себя Болгария, защиту интересов Израиля в СССР — Нидерланды. Другие соцстраны сообщили руководству Советского Союза, что тоже готовы разорвать дипломатические отношения с Израилем, однако из Москвы ответили, что считают это нецелесообразным.

В Израиле были поражены разрывом дипломатических отношений.

С начала 1953-го года Сталин чувствовал себя плохо. В последний раз он побывал в Кремле 17 февраля. Документы, которые присылали ему на дачу, не читал. Важнейшими текущими делами занимался член Президиума ЦК, секретарь ЦК и заместитель председателя Совмина Георгий Маленков.

21 февраля утром заместитель министра иностранных дел Яков Малик доложил Маленкову, что накануне, покинув Москву, израильская миссия пересекла финскую границу в половине двенадцатого вечера. 20 февраля выехал на родину и персонал советской миссии.

Разрыв дипломатических отношений казался предвестием трагических событий в отношениях между двумя странами, к тому же в Израиле гадали, как теперь изменится положение евреев - граждан СССР, но когда советские дипломаты, покинувшие Израиль, добрались до Москвы, Сталин был уже мёртв...

Уже спустя месяц-полтора руководители Израиля по дипломатическим каналам и через западных журналистов начали предпринимать попытки зондажа реакции советского руководства на предложение о восстановлении дипотношений между двумя странами. Так, 4 апреля министр Шарет заявил корреспондентам газет в Нью-Йорке, что «его

страна будет приветствовать возобновление дипломатических отношений с Советским Союзом».

Отражением внимательного мониторинга советскими аналитиками в МИДе наметившегося процесса стала секретная справка отдела стран Ближнего и Среднего Востока «О попытках Израиля восстановить дипломатические отношения с СССР» от 18 мая 1953 года.

Спустя десять дней, 28 мая, израильская сторона по дипломатическим каналам обратилась к советской с предложением восстановить дипломатические отношения. А 6 июля Моше Шарет направил министру иностранных дел СССР Вячеславу Молотову официальное предложение «восстановить в духе подлинной международной дружбы нормальные дипломатические отношения, которые были прерваны 12 февраля 1953 года». В ответном письме от 15 июля Молотов сообщил о «желании *(советского руководства. – А.К.)* иметь дружественные отношения с Израилем... ..и считает возможным восстановить дипломатические отношения с правительством Израиля».

17 июля одновременно в Москве и Иерусалиме было обнародовано сообщение о восстановлении дипломатических отношений между двумя странами.

«Брогез-брогез афпаам...»¹

¹ Строка из детской песенки, которую обычно поют при примирении. Русский аналог: «Мир, мир навсегда. Ссора, ссора – никогда». *(Примечание редакции).*

«В Бабруйск!»

«В Бабруйск, животное!» – таким восклицанием позорили неугодных на модном когда-то интернетном сленге. Все эти «аффттар пешы есчо» и прочая словесная шелуха не вызывали у меня ничего, кроме презрительной ухмылки – но вот за опороченный город Бобруйск было немного обидно. Ведь он не был для меня пустым звуком или даже цитатой из "Золотого теленка", помните? «При слове "Бобруйск" собрание болезненно застонало. Все соглашались ехать в Бобруйск хоть сейчас. Бобруйск считался прекрасным, высокоинтеллектуальным местом».

Не уверен, что накануне окончания в 1952 году военной академии связи имени Будённого мой папа был знаком с этой хвалебной характеристикой, но и он согласился ехать в Бобруйск хоть сейчас. Остаться в Ленинграде на кафедре ему, обладателю "красного" диплома, но притом единственному беспартийному еврею из 60 выпускников факультета радиолокации – никак не светило, а альтернативой светило направление на романтическую, но уж очень далёкую и суровую для семейной жизни Камчатку. А Бобруйск от Ленинграда совсем недалеко, меньше суток на поезде, да и местечко Череев, из которого произошла когда-то наша фамилия, тоже где-то там, на белорусской земле...

Но главное для папы было то, что дислоцированная на бобруйском аэродроме 22-я гвардейская тяжёлая бомбардировочная авиационная дивизия только что получила новую радиолокационную систему, по которой папа делал свой дипломный проект, и теперь ему чуть ли не первому в стране предстояло её осваивать – это же страшно интересно, да и для дальнейшей офицерской карьеры небесполезно.

Итак, только что получивший четвёртую звездочку на погоны инженер-капитан Черейский собрал чемодан, поменял связистскую фуражку с чёрным околышем на авиационную с голубым, и укатил к новому месту службы - в Бобруйск! А мы с мамой остались в Ленинграде ждать, пока он там устроится и нас к себе позовёт.

Не прошло и пары месяцев, как осенним вечером мы погрузились на Витебском вокзале в купейный вагон поезда "Ленинград – Одесса" и тронулись в путь под пронзительный свисток паровоза и всхлипывания оставшейся на перроне бабушки.

На следующий день, пообедав бабушкиной холодной курицей и купленной во время какой-то остановки горячей картошкой, мы ближе к вечеру вышли на станции Жлобин, где предстояла пересадка на местный поезд в сторону Бобруйска. Поезд этот показался нам совсем допотопным - маленькие вагоны явно дореволюционной ещё постройки, в них жёсткие деревянные лавки, и главное - никакого электрического освещения, а вместо него жестяной фонарь над внутренней дверью.

Скоро совсем стемнело, и усатый проводник, ворча и чертыхаясь, полез к фонарю, вставил в него и зажёл обыкновенную свечку. Проехали мы при её мерцающем свете ещё с полчаса, и проводник сердито прокричал: «Станция Березина! Кому до Бобруйска - тута слазьте». Мы с мамой выглянули в окно - а там папа нас уже ждёт на перроне!

Утром папа посадил нас в "виллис" с брезентовым верхом и повёз покататься по городу. Подъехали к берегу неширокой речки Березины, посмотрели издали на кирпичные остатки знаменитой когда-то бобруйской крепости. Посмеялись с непривычки над надписями вроде «Хай живе савецкі народ!». Я, хотя в школу ещё не ходил, был уже вполне грамотным мальчиком, и белорусский подход "как слышим - так и пишем" меня сильно забавлял. А когда, за неимением в продаже детского чтива на русском языке, мне купили чудесную книжку с картинками «Як сабак сабе таварышаў шукаў» - я по ней быстро освоил азы местной "гаворки" и принялся обучать ей маму с папой. Родители посмеялись, но строго-настроено велели с соседскими ребятами говорить только по-русски, как и подобает воспитанному ленинградскому мальчику.

Поселились мы в так называемом авиагородке на окраине Бобруйска. Жили в нашем и соседних домах семьи офицеров, у которых белорусский язык не вызывал ничего, кроме насмешек. Да и в самом городе, куда со временем меня стали отпускать с приятелями погулять, белорусская речь практически не была слышна. И уж тем более не слышно было разговора на идише – а ведь до войны и уничтожения нацистами местного гетто этот язык преобладал в Бобруйске...

Поскольку и среди папиных сослуживцев-авиаторов евреев почти не было, еврейские темы у нас дома до поры до времени не обсуждались - пока в газетах, по радио и на собраниях не заговорили о «врачах - вредителях и убийцах». Папа стал заметно больше курить свой "Беломор", а меня, на всякий случай, перестали посылать в магазин за хлебом.

Вечером 4 марта 1953 года папа не приехал из части домой, как обычно, а прислал солдата-вестового с запиской: нам с мамой сидеть дома, на улицу носа не высовывать, двери никому не открывать. Только ему самому, когда он три раза постучит в окно (мы жили на первом этаже).

Рано утром 5-го он сам приехал на «виллисе» - в сапогах, снаряжении и при кобуре с пистолетом ТТ. Такое случилось нечасто, и я обрадовался: мне папа в таком боевом виде больше нравился. Но папе с мамой явно было не до радости, они о чём-то озабоченно шептались, причём мама всплёскивала руками и тихонько всхлипывала. А когда папа через час уехал обратно - разревелась во весь голос. Глядя на неё, и я расхныкался.

Как спустя много лет объясняла мама, плакала она не от печали по товарищу Сталину, а от страха, что теперь снова начнётся война, и на Бобруйск - базу стратегической авиации - американцы сбросят атомную бомбу. Основания для таких опасений были: ни для кого не было секретом, что где-то неподалеку хранятся "спецбоеприпасы" для наших бомбардировщиков Ту-4. Но я подозреваю, что она всё же больше боялась не американцев, а наших бобруйских соседей: как бы они не принялись нам мстить за болезнь и смерть товарища Сталина от подлых рук наших соплеменников - врачей-убийц.

Ближе к ночи папа вернулся, одетый уже в обычную свою тужурку и длинные брюки, и принялся маму успокаивать - не будет ни войны, ни погрома, и скоро можно будет вернуться в Ленинград. Мама немного успокоилась, но родители продолжали жить в большом напряжении ещё месяц, пока 4 апреля не было опубликовано сообщение о незаконности «дела врачей». Хорошо помню их радость по этому поводу.

Папин кабинет в штабе находился по соседству с особым отделом, и особист к папе частенько захаживал за особо чистым «радиолокационным» спиртом. На вынос папа ему не давал (из опасения, что тот сам же и заложит), а на месте наливал от пуза, и давал закусывать привезенными из Ленинграда кильками. И внимательно слушал особистские

откровения, не внушавшие решительно никакого оптимизма. Особист как бы сочувственно намекал отцу, что в ожидаемой волне справедливого народного гнева могут пострадать и честные евреи, вроде моих родителей...

Меня всё это время родители наставляли, чтобы на улице от соседских мальчишек держался подальше, болтал поменьше; будут спрашивать, что дома говорят, - отвечать, что мама плачет, а папа на боевом дежурстве (тем более, что и то, и другое было правдой). На службе у отца народ приободрился, поскольку отменили «угрожаемое положение», и офицерам разрешили ночевать дома и уезжать в отпуск. А до этого в дивизии дальней авиации была объявлена боевая тревога, и бомбардировщики Ту-4 стояли заправленными, с подвешенными бомбами и с экипажами в кабинах.

По рассказам родителей, долгое время практически все были уверены, что Сталин умер не своей смертью. Сначала врачи-убийцы его сгубили, потом английский шпион Берия, потом Хрущев с Булганиным... Говорили об этом практически открыто, причём авиаторы по месту службы отца - без особого сожаления. Злорадствовали, что теперь-то «Ваське» (сыну Сталина) не поздоровится с его художествами. Надеялись, что опальный, но популярный в дальней авиации маршал Голованов снова вернётся ею командовать.

Ни у нас в семье, ни среди наших друзей и знакомых не было никого, кто бы сожалел о смерти Сталина. Но и радости по этому поводу не припоминаю. Бывало, что вспоминали 5 марта, - что это за день сегодня такой, - и выпивали за то, чтобы - упаси, Боже! - не воскрес. Только в Грузии, где я впоследствии много бывал, приходилось с недоумением видеть его портреты кое у кого в домах и на стёклах автомашин.

При этом стоит заметить, что никто из нашей семьи не пал жертвой сталинских репрессий. Только дедушка с папиной стороны был в начале тридцатых годов удостоен звания «лишенца», из-за чего папу до войны не принимали ни в институт, ни даже в техникум. Я сам узнал о репрессиях уже после XXII съезда, когда об этом стали сравнительно много писать и говорить. Тогда же другой дедушка (мамин отец, кадровый военный) рассказал в моём присутствии, как он чудом избежал ареста в 1938-м, уехав с Дальнего Востока на академические курсы в Ленинград буквально за пару недель до «разоблачения» Блюхера и ареста, с после-

дующим расстрелом, всех без исключения старших командиров ОКДВА.

В конце того памятного года закончилось наше бобруйское житьё: папу, как набравшегося опыта специалиста, перевели с повышением служить на Дальний Восток, а мы с мамой пока что вернулись в Ленинград – снова ждать, пока папа устроится на новом месте, а потом перебираться к нему. Но это уже тема другого рассказа, а точнее – целой книжки «Дракон с гарниром».

Кино и Щаранский

(Из книги воспоминаний "Записки пресс-секретаря Сохнута")

В середине 2016 года (если не ошибаюсь) ко мне обратилась Йона Френкель – замгендиректора 9-го телеканала.

- Почему бы нам не снять фильм про отказников, про их борьбу? И показать её через судьбу Натана Щаранского, который является символом этой борьбы.

Идея мне понравилась, и я пошел к Натану. Он отверг её с порога.

- Мне уже сто раз предлагали снять обо мне фильм. Даже из Голливуда приезжали с уже готовым сценарием. Но мы с Авиталь категорически против – не хотим превращать нашу жизнь и судьбу в очередную целлулоидную мелодраму.

Я передал ответ Йоне, но она не успокоилась.

С Натаном она была знакома давно, ещё со времён Сионистского Форума, созданного им в 1988 году. Йона работала в Форуме, и её комната находилась прямо напротив кабинета Натана, так что она с ним постоянно сталкивалась.

Когда я сказал Натану, что это идея Йоны, он её сразу вспомнил и тепло о ней отозвался. Поэтому, когда Йона попросила личной встречи с Натаном, я сразу же такую встречу организовал.

Аргументы Йоны были простыми: время уходит, люди умирают, надо снимать.

Йона оказалась двоюродной сестрой нового хозяина израильского 9-го канала Александра Левина, который назначил её директором компании документальных фильмов, созданной им при «девятке». Фильм про отказников должен был стать её дебютом. Но Щаранский снова отказался, особенно когда узнал, что ему надо собирать на этот фильм деньги.

- Как же я буду собирать средства на фильм о самом себе?! Нет!

Казалось, что тема закрыта. Но тут случилось несколько похорон подряд, в том числе Владимира Слепака.

После очередных похорон Щаранский вызвал меня и сказал:

- Организуйте встречу с Йоной. Она права – если дела пойдут и дальше такими темпами, то, действительно, скоро не будет, кого снимать.

Состоялись несколько встреч с Левиным и Йоной, а потом с режиссёром будущего фильма Аркадием Коганом и его женой Женей Шустиковой. Обговорили все подробности. И тут на очередной "азкаре" (поминальной церемонии) Иды Петровны, матери Натана, Авиталь подошла ко мне и сказала: «Давид, я не хочу этого кино».

Но было уже поздно. Похороны нескольких его друзей произвели на Натана такое впечатление, что он твёрдо решил – фильм должен был снят.

Начался сбор средств. Он затянулся. Сперва ребята подали смету на 500 тысяч долларов. Увидев её, Натан сразу сказал, что это чересчур. Я обратился к специалистам, и они, посмотрев синопсис фильма, сказали, что 300 тысяч за глаза хватит. Я пришёл с этой цифрой к Натану, и он согласился. От Йоны через неделю тоже пришёл положительный ответ; они решили ужаться и убрали всё лишнее.

Но и эту сумму Натан собирал около года. Главным фактором, мешавшим ему, было неудобство. Просить деньги на фильм, который, как ни крути, а был о нём, Натану было всё-таки неудобно, и он отметал почти все возможности, обращаясь только к самым близким и давним знакомым.

В конце концов, деньги были собраны, и работа началась. Я не сомневался, что фильм получится: Коган снял два прекрасных документальных фильма - о Высоцком и Янковском.

В январе 2018 года Йона позвонила ко мне:

- Мы хотим организовать премьерный просмотр в Кнессете. Если Леониду Парфёнову такое сделали для его фильма о русских евреях, то почему фильму про отказников не полагается такая же честь? Помогите.

Мне эта идея показалась хорошей, и я позвонил к спикеру Кнессета Юлику Эдельштейну – согласится ли он организовать такой просмотр под своей эгидой?

- Под моей не получится – я отказываю всем, - ответил Юлик, - Но сделайте так, как для фильма Парфёнова – под эгидой комиссии Кнессета по алие и абсорбции. Они не откажут. А если вдруг возникнут какие-то проблемы, то я помогу. Лучше всего чтобы было официальное обращение

вашего Джоша Шварца, который отвечает в Сохнута за связь с Кнессетом.

Я позвонил Джошу, рассказал о фильме, он согласился, переправив меня к Авиве, своей сотруднице. Я передал ей информацию о фильме, она написала письмо и отправила его на утверждение в канцелярию Натана. А через два дня мне позвонил Щаранский.

- Что это вы учудили, Давид? Зачем вы всё это организовываете?

Я начал объяснять, что это правильная идея; почему фильму Парфёнова можно, а нам нельзя?

- А я ещё не видел фильм, - резонно возразил Натан.

- Не сомневайтесь, он будет хорошим.

- Нет! Скажут, что я использую своё служебное положение, чтобы делать себе рекламу.

- Натан!! Никто вас не может заподозрить в том, что вам нужна реклама! У вас её столько, что вы в ней не нуждаетесь.

- Нет! Никакого письма не будет! И вы, вообще, зря всё это затеяли; надо было сперва со мной посоветоваться.

По тону Натана я понял, что возражения бесполезны.

Я позвонил Йоне и всё рассказал.

- Ты меня просто убил! - закричала она. - Неужели нельзя что-то сделать?

- Можно. Но не от имени Сохнута. Канал должен сам обратиться с этим предложением в комиссию по алие и абсорбции.

- Но я не знаю, к кому; у меня нет никаких личных телефонов и мейлов!

- Ну, это я тебе раздобуду.

Я позвонил к Авиве и взял у неё необходимые данные. И всё получилось отлично – в комиссии согласились.

Но когда я сообщил Натану о этом, он снова стал возражать:

- Я не приду, неудобно!

- Натан, - сказал я, - вы преувеличиваете. Это мероприятие не Сохнута. Вас туда приглашают вместе с депутатами Кнессета. Нет ничего более естественного, чем премьерный показ там фильма о борьбе за выезд еврейских активистов в СССР. А вы - символ этой борьбы.

- Но я же не видел фильм...

Так мы объяснялись минут пять. В конце концов, мы договорились о следующем: фильм покажут Натану и Авиталь первыми, сразу же после окончания работы над лентой. И

только когда они посмотрят её, то решат - идти на премьеру или нет.

И тут я завел разговор о том, что надо бы пригласить на этот показ узников Сиона и отказников.

- Ни в коем случае! – воскликнул Натан. - А если мне фильм не понравится? Вы их уже пригласите, а я не приду?

Я заверил Натана, что ни он, ни Сохнут к этому приглашению никакого отношения иметь не будут.

Тем не менее, в течение нескольких месяцев Щаранский не раз в разговорах со мной возвращался к этой теме. И каждый раз мне приходилось его успокаивать. Особо тревожило его то, что 9-й канал, - точнее Йона Френкель, - развивает бурную деятельность по организации премьерного показа в Кнессете. Она пригласила всех русскоязычных депутатов Кнессета, министров, дипломатический корпус, отправила приглашения руководителям еврейских организаций.

- Что она вытворяет?! - говорил Натан.

Но я успокаивал его:

– Вы не можете остановить или препятствовать рекламной кампании 9-го канала. Это их право, и они лучше нас знают, как делать рекламу. Главное, что вы не имеете к этому никакого отношения.

И с приглашениями отказников я тоже нашел выход – дал Йоне телефоны Абы Таратуты и Паши Абрамовича, у которых были наиболее точные и откорректированные списки; и посоветовал, чтобы она обратилась к ним сама. Если бы я к ним позвонил, это было бы практически то же самое, что и Щаранский. А так – это превращалось в инициативу 9-го канала, к которой он не имеет никакого отношения.

С большим трудом, но мне удалось успокоить Натана. Тем более, что вдруг выяснилось – Авиталь перед съёмкой условилась с Аркадием Коганом, режиссёром фильма, о том, что он обязуется перед демонстрацией фильма показать его ей и Натану, и внести все коррективы, которые они потребуют.

- Авиталь оказалась умней всех нас, - сказал я Натану, который не знал об этом соглашении.

В конце концов, фильм был снят и смонтирован. Натан и Авиталь посмотрели его первыми и внесли крохотные замечания.

Показ в Кнессете я посмотреть не смог, поскольку уехал в Грузию на какое-то большое мероприятие Сохнута. Но, как мне сказали, он прошёл с большим успехом.

Фильм несколько раз после этого показывали по 9-му каналу, его возили на разные международные фестивали. И хотя главное обещание Йоны - показать фильм по первому, государственному каналу израильского телевидения - так и осталось обещанием, что вызвало немалое неудовольствие Натана, в конечном итоге я считаю все наши усилия не напрасными. Фильм был снят, в него вошли свидетельства многих отказников (в том числе и моё). То есть был создан документ для будущих поколений. Каждый, кто станет интересоваться историей советских отказников, не сможет пройти мимо фильма "От рабства к свободе". И это - самое главное.

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ В ИЗРАИЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Роман Кацман

Столбь

Предисловие к четвертому тому переводов произведений русско-израильской литературы на польский язык "Z Rosji do Izraela", опубликованному в издательстве Силезского университета в Катовице.

Посвящается памяти жертв погрома 7 октября

*«– Шумные они у вас... – Живые».
(Елизавета Михайличенко и Юрий Несис,
«Talithakumi, или Завет меж осколками бутылки»)*

7 октября 2023 года жизнь Израиля изменилась навсегда. Самый чудовищный кошмар еврейского народа стал явью. Древний ужас варварской резни вернулся в современный мир. Вооруженные отряды исламских террористов из сектора Газы вторглись на территорию страны. Дикари убивали мужчин, женщин, детей и стариков, насиловали, похищали и измывались над живыми и мертвыми. Столь зверского и кровопролитного погрома еврейский народ не знал со времен Холокоста. Когда я пишу эти строки, еще не остыл пепел сожженных людей, сотни их тел даже не поддаются генетической идентификации. Сотни людей еще находятся в плену в Газе, тысячи еще не оплакали своих родных. Ежедневно пополняются списки жертв, цифры растут, и похороны следуют за похоронами. Обезглавленные и выпотрошенные тела евреев, трупы расстрелянных младенцев в люльках, истерзанные женщины – вот те образы, которые отныне будут преследовать израильтян и определяют формирование нового этапа в развитии нашего сознания и нашей страны. Как пишет Гали-Дана Зингер в одном из стихотворений, имея в виду другую войну, «мир уже никогда не будет прежним». «Правда», - продолжает она, - «мир никогда не был прежним/ почему же мы только те-

перь это замечаем/ почему так поздно? Хороший вопрос, который должны задать себе все, в том числе и литература.

К чести русско-израильской литературы, нужно сказать, что она лучше, чем многие другие культурные и интеллектуальные круги в Израиле видела и осознавала реальность, понимала опасность слепых философских и политических фантазий. Дина Рубина, Алекс Тарн, Елизавета Михайличенко и Юрий Несис, Анна Файн, Наум Вайман, Велвл Чернин, а до них Юлий Марголин, Эли Люксембург, Эфраим Баух, Нелли Гутина, многие другие – их голоса в течение десятилетий звучали грозным предупреждением, но оставались гласом вопиющего в пустыне. Но и русско-израильская литература изменится отныне навсегда. Изменится также и то, как она прочитывается, как читаются и новые, и написанные до войны тексты.

Этот сборник, уже четвертый по счету, составлялся и переводился до войны, и, проглядывая его страницы, мы прикасаемся к прежней жизни. Но и она не была мирной: война в Израиле не прекращалась никогда, а кроме этого, уже почти два года идет другая война, далекая, но близкая – война России против Украины. Поэтому не удивительно, что эти тексты преисполнены трагизма, изредка преодолеваемого минутами счастливого просветления.

Гали-Дана Зингер, одна из главных представителей израильского поэтического авангарда, пророчески воплощает сегодняшнее наше переживание в одном слове, вынесенном мною в заголовок – *«стоболь»*. Она схватывает постигшую мир катастрофу, то ли прошлую, то ли будущую: это мир, где правят *«одержимые бесами ангелы»*, это *«город, которого больше нет»*. Одна за другой возникают картины апокалипсиса: *«вот День суда»*, *«воистину не выйти из-под суда/ нашим небесным стыдам./ А вашим поднебесным стадам/ гурьбой да на убой»*. Но выше этого суда поэт ставит одну единственную человеческую жизнь: *«Зачем вам небесный суд?/ К чему вам отблески слез?/ Ведь с каждым и все умрут»*. К ужасу читателя, в стихотворении, оплакивающим украинскую беду и предсказывающим израильскую, вновь стучит в сердца *«серый пепел»*. В ее стихах – и недоумение перед лицом человеческой жестокости, и вина выжившего, и бессилие жизни перед смертью, и вера в то, что *«смерть изнеможет»*, и можно будет *«начать жить впервые»*.

На фоне *«братских»* и *«сестринских»* могил руки складываются в *«молитвенном жесте»*. Но в стихах Зингер ре-

лигиозные мотивы укореняются в философско-антропологическом осмыслении реальности. Привычные для русского авангарда неологизм, заумь, подрыв синтаксиса и разрушение речевой связности, в соединении с фольклорными жанровыми элементами, подводят к переосмыслению роли поэта в этой совершенно невыносимой, оруэлловской действительности. На лик молельщицы и плакальщицы со срывающимся от надрыва голосом накладывается лик рационального мыслителя. И этот мыслитель, разбивая постмодернистские оковы, устремляется к *«последней честности»*: *«Ложь уже не пытается/ прикинуться правдой (...) я – ваша ложь/ кроме меня/ у вас ничего нету/ и никогда/ ничего/ не будет/ если хотите/ вы можете/ звать меня правдой»*. Едва выдерживая *«ожидание наказания»*, *«свободу в страхе»* и *«ужас беспрецедентный»*, поэт пытается остаться на *«хрупкой поверхности/ трезвых суждений»*. Гали-Дана Зингер – одна из немногих поэтов сегодня, которым удается, не сдерживая бури чувств, донести до читателя слово разума.

Поэзия Елизаветы Михайличенко – поэта, прозаика и художника – неординарное явление в русско-израильской литературе. Ее поэзия есть образчик художественного и идейного неконформизма вне традиций авангардизма и без заигрывания с постмодернизмом. Ее талант соединяет ироничный лиризм, пленяющий своей горделивой прямоотой без тени самолюбования, предельно точную образность, глубокое проникновение в суть культурных явлений. Михайличенко – поэт-философ, ее лирический герой – это современный Сократ или Экклезиаст, бродящий по улицам Иерусалима, *«вечный нищий»*, протягивающий руки к небу, прекрасный в этой скульптурной позе, которая *«забавна, поскольку нелепа»*. Её поэзия, словно чуткий сейсмограф, фиксирует тектонические сдвиги, сотрясающие нашу страну и причиняющие нам всё новые и новые страдания. Цикл стихов, вошедший в сборник и написанный задолго до событий 7 октября, так и называется – *«Еврейские страсти»*. С первых же строк читатель оказывается на войне, где-то посередине между библейским апокалипсисом и детской уличной дракой: *«А бежать под нашим страшным небом.../ некуда, болезный (...) Что же нас под этим небом держит? Чувство одиночества и дома./ В золотом театре поднебесном мы всего лишь уличные дети»*.

Михайличенко оживляет героев еврейских мифов вовсе не для того, чтобы поразить наше воображение их страстя-

ми, а чтобы мы поняли, наконец, что им нет конца, что их страсти – это наши страсти, их странствия и войны – это наши странствия и войны. И это не красивость, не аллегория, не риторическая фигура, а самая суть происходящего. Но Яков, сам воплощенный Израиль, всё еще надеется на Божий суд: *«Камней иудейских привычен жар,/ подошвы, копыта, мазут./ Дед виноват, что прогнал Агарь?/ На это есть Божий суд»*. Он закрывает глаза, погружается в фантазмагорические, шагаловские видения, стараясь скрыться и от любви Рахель, привязывающей его к Земле обетованной, и от страха Леи, гонящего его назад в изгнание. Но бежать, как уже было сказано, некуда, эксодус позади, море впереди, и есть *«лишь боль и Город»*; *«когда исчезают с ладони ключи/ и заперты люди и города»*. И еще есть *«чувство свободы, кураж, неизвестность ответа»*, которые то ли дар Бога, то ли проклятие, то ли *«просто жизнь»*. Герой Михайличенко – *«одиночка, что ступает отважно и слепо»*, падает, но всё думает, что *«есть ещё пара метров до дна»*. Эти слова звучат сегодня как трагическое предзнаменование.

Семен (Шимон) Крайтман начал публиковать свои стихи не так давно. Он миновал фазу «молодого поэта» и появился на русско-израильской поэтической сцене как полностью сложившийся, даровитый, зрелый и чрезвычайно плодovitый автор. Его строка впитывает различные поэтические традиции, и в итоге превращается в кристально стройное по смыслу, звуку и тону, но не скованное ни рамками просодии, ни условностями модных движений художественное высказывание. Как и у Зингер и Михайличенко, его подборка в сборнике открывается стихотворением о войне – той, другой, российско-украинской войне, которая, как теперь ясно, стала и нашей войной, и вообще о войне. Библейская история о трех ангелах, явившихся Аврааму, рассказывает о божьем суде и наказании, но также и о спасении. У Крайтмана же – только дпящийся сквозь времена трагический аккорд: *«и так и пошли./ и идут./ и война началась»*. Удивительно, но даже в лирическом, признающемся в любви к жизни стихотворении, посвященном столь любимому автором морю, прохлада в нём прячется, *«как тот/ еврей во время обыска в подвале»*. Этот вечный и актуальный сегодня как никогда мотив погрома и Холокоста пробивается в самых пасторальных строчках поэта и предвещает беду. Но тщетен его призыв – и к себе, и к другим: *«из суеты.../ из*

лжи и суеты/ открой глаза/ и обрети черты/ подобия,/ намёка... ну, и ладно».

Как и другие представленные в сборнике поэты, Крайтман – поэт-мыслитель. Иногда ему удается *«удивляться миру», «наполненному мыслью и любовью»*. Его герой верит в живого Бога, бредит о воскрешении и рвется к слову, которое «не исчезло», но оно обретает смысл именно в силу его хрупкости, эфемерности перед лицом смерти. Подлинное бессмертие обретают только поэтические строки или слова пророка, как в стихотворении «Амос»: *«звучит камнепад,/ я один из камней камнепада./ не будет пощады за три преступления Дамаска,/ за три преступления Газы.../ не будет пощады/ и дальше по тексту,/ его ещё нет и в помине,/ но он мной прочитан,/ он мною прочитан и прожит»*. По мысли Крайтмана, поэт не пророк, как думали романтики, но он знает о том, что «проживает» пророчество. Это знание – знание об истине, открывающейся в слове – было оклеветано и отброшено за ненужность эпохой постмодерна. Вместе с ним была отброшена и объективная реальность. Поэт же знает и миф, и реальность, и, в отличие от большинства наших современников, различает их. Только различая их, можно полагать, что жизнь есть «проживание» мифа в реальности. Библейские слова о преступлениях Газы звучат особенно грозно сегодня, когда история повторяется вновь, и когда идущая за окном война вновь подтверждает неизбежность беспощадного наказания за преступления против человечности.

Давид Маркиш, один из старейших и известнейших русско-израильских прозаиков, пишет на самые разные темы. В последние годы он много работает над темой связи библейских сюжетов с современностью. *«Молодой кровью дышат буквы слов»* Экклезиаста, сказанные в Иерусалиме, по словам писателя, три тысячи лет назад. Молодая кровь – это не только образ возрождения и обновления поколений, но и образ жертв бесконечно обновляющихся войн. Первый же его рассказ из тех, что вошли в сборник, который мы открываем, «Дежавю» (датирован февралем 2023) – о древней, как мир, войне. Он вторит той мысли, что мы только что видели в стихах Крайтмана: героем овладевает «родственная озабоченность библейской стариной, начинавшаяся сразу за воротами кибуца». Герой Маркиша, тщетно стремящийся «разглядеть справедливость в жизни», «проживает» (если использовать слово Крайтмана) древнюю и повторяющуюся историю о евреях, вновь и

вновь становящихся объектом ресентимента и насилия – историю о похищении и изнасиловании дочери Иакова Дины и о том наказании, которое за это обрушили на Шхем ее братья.

В рассказе «Райский Джек», где автор, не боясь нареканий моральных релятивистов, вплетает свой пристрастный голос в повествование погибшей в теракте собаки, сказано всё, что нужно знать о войне в Израиле: *«Война не прекращалась никогда. (...) Соседство с войной, даже такое тесное, как у нас на овощной ферме, на Юге, не приближало к сердцевине безумия – чтобы почуять и понять, надо было увидеть смертоубийство своими глазами, а не чужими: кровь, кольца кишок. (...) Что же это – ошибка? Или несправедливость? (...) Зачем смертник пришёл в кафе убивать безоружных, ни в чём не повинных и ни о чём не догадывающихся людей?»*. Сегодня мы все оказались там, на расстрелянной «овощной ферме, на Юге», на границе с Газой, в «серцевине безумия»; мы всё увидели, всё поняли. Какой «стоболью» отзывается этот рассказ, написанный в августе 2018 года, сегодня, после того как тысячи таких терактов произошли в один субботний, праздничный день. Как удивительно он перекликается с теми облетевшими весь мир кадрами, где террорист, приближаясь к незащитному дому «на ферме», убивает сперва собаку. Но собаки попадают в рай, где и ожидают своих хозяев. Миф – это воспоминание о будущем. Таковы полные надежды рассказы «Счастливчик Таль» и «Удар счастья» о людях, мечтающих о чуде и обретающих счастье в первый миг после боя или за миг до смерти. Так *«в сердцевине безумия»* обретается не только знание об исторической реальности, но и знание о свободе человеческой индивидуальности, которая в ней реализуется и ее преодолевает.

Ровно об этом же знании, пусть и от противоположного, повествует большинство рассказов Леонида Левинсона. Его письмо принадлежит другому поколению, другой стилистике и другому мировоззрению – не рациональному, а мистическому. Вместо сбалансированной, прорисованной четкими реалистическими линиями и снабженной твердым, уверенным ритмом прозы, как у Маркиша, мы встречаем здесь прерывистое дыхание полного неопределенности и неуверенности магико-реалистического повествования. Говоря словами рассказа «Удивительный мир», *«всё, что происходит, — прозрачные вещи, какая-то невероятная зыбкость»*. То и дело мелькают символические, часто гротеск-

ные образы, всё наполнено мистическими намёками и ощущением непознаваемого. Здесь довлеют эмоции, и герои щедро делятся ими, выкрикивают морю патриотические лозунги, встают на колени и плачут посреди города, услышав невинные слова ребенка, в то время как *«всё вокруг дохнет»*, бросаются с кулаками на людей, чтобы защитить слабых, или дать выход накопившейся ненависти, или просто испытать сильные чувства. Моральные критерии постепенно стираются: *«мы, семиты и антисемиты, уходим в роскошное марево, которое ждёт всех»*. Жизнь движима не разумом, а – *«просто так – игра судьбы»*.

И над всем царит знание о повторяемости истории и, следовательно, предчувствие беды. В рассказе «Полёт», в котором действие происходит «на территориях», то есть вне территории, в зоне хаоса войны с арабами, говорится: *«Когда-нибудь пыль покроет наши города, и те, кто будут жить, будут жить на метр выше, но всё будет по-прежнему»*. И это «по-прежнему» включает и чудеса, и катастрофы. Этот рассказ – притча о чудесном охраннике, символическом ангеле, хранителе Израиля, который умеет летать. Он прочёл горы русской литературы, он владеет восточной магией, он такой «продвинутый» и прогрессивный – полное воплощение нашей благообразной интеллигенции. Но от неразделенной любви он, словно пророк Илия, возносится на небо в огне, и в конце рассказа повисает вопрос, поражающий сегодня своей ужасающей злободневностью и не имеющий ответа, которым я хочу закончить это краткое предисловие: *«Кто теперь будет фабрику охранять?»*.

Приключения «Нового Хронографа» (В Израиль перебрался известный российский книгоиздатель)

Бывают слова, которые в сочетании означают не совсем то, что по отдельности. Например, «дворянин» и «иерусалимский дворянин». Или «демократия» и «российская демократия». Или «новый» и «новый репатриант». Вот и словосочетание «издательский бизнес»: какое слово в нём главное – первое или второе? До сих пор я неоспоримо полагал, что второе. Бизнес есть бизнес, в какой бы сфере человеческих интересов он ни базировался. Но мне удалось встретиться с человеком, который умудрился возвести издательскую деятельность в род высокого искусства. Он выпустил на русском языке более тысячи разнообразных книг суммарным тиражом свыше 600 тысяч экземпляров. И в подавляющем большинстве своём эти книги активно востребованы как специалистами, так и широкой публикой. Теперь ему 81 год, он вместе с семьёй покинул российскую демократию, стал новым репатриантом, осваивает новые значения привычных слов - и за первые пять месяцев пребывания на исторической родине выпустил ещё четыре книги. В семидесятые годы XX века общественного деятеля такого уровня встречал бы в аэропорту «Бен-Гурион» министр абсорбции лично, но теперь алия принесла Израилю множество более политически значимых персон, поэтому репатриация этой семьи прошла без помпы. Позвольте представить: главный редактор и генеральный директор московского издательства «Новый Хронограф» Леонид Сергеевич Янович.

Перечислять продукцию этого издательства – всё равно что описывать сокровища Интернета. Есть сайт (<http://novhron.info>), есть страничка «Нового Хронографа» в «Фейсбуке»; желающие могут посмотреть там.

Скромная съемная квартира в Тель-Авиве. Очаровательная супруга Лидия нарезает лимонный пирог. Самому Леониду нелегко двигаться, но глаза блестят молодо и дерзко. Я вручаю ему свежий номер «Артикля». Он обещает внимательно прочитать. Когда-нибудь, на досуге.

Прежде чем договариваться о встрече, я тщательно переворошил Интернет. О книгах «Нового Хронографа» -

масса информации на множестве сайтов, посвящённых истории и литературе, и на книготорговых площадках. О самом же издателе информация скупа и необильна. Но кое-что всё-таки есть. Что ж, тем лучше, Будем выпытывать профессиональные секреты.

- Вашего имени почему-то нет в «Википедии», но в Интернете вы довольно известны. Например, на сайте: <https://baza.vgd.ru/post/1/13912/p42739.htm> можно прочитать: «Янович Леонид Сергеевич, 22.07.1942, Белоруссия, г. Несвиж. Генеральный директор НИЦ "Сибирский хронограф". Жена (с 1972, Новосибирск) Хаславская Лидия Михайловна, 1952. Дети: Сергей, Евгений, Андрей, Михаил, Пётр, Анастасия, Ульяна». Как человек из Белоруссии оказался в Новосибирском Академгородке? Как вам удалось перебраться в Москву?

- В Новосибирском Академгородке я оказался по распределению в 1965 году, после окончания технического вуза. Тогдашний Академгородок представлял собой нечто вроде сталинской шарашки и республики учёных одновременно. Но «шарашка» перевесила республику, и понаехавшие было в Сибирь москвичи и ленинградцы устремились назад, в культурную жизнь столиц.

В 1969 году, за «поведение, недостойное советского гражданина», меня исключили из комсомола, а потом и уволили с работы. Чтобы избежать обвинения в туеядстве и сохранить за собой комнату в аспирантском общежитии, я с помощью друзей устроился в археологические экспедиции и надолго исчезал из Академгородка. Сезон 1970 года я провёл в археологической экспедиции в зоне затопления Зейской ГЭС, снимая планы раскопов и делая необходимые зарисовки. Зимой в дневное время я готовил планы к отчёту, а по вечерам в общежитии проводил время за чтением всего, что попадало под руку. Так однажды я открыл для себя философа Александра Львовича Янова, прочитав его статью «Предпосылки литературы». Подслеповатая машинописная копия этой статьи долго валялась у меня в комнате с другим бумажным хламом. Однако, начав читать, я буквально проглотил её залпом. Автор анализировал социальную функцию «самого мощного и яркого орудия интеллекта – русской литературы XVIII-XIX века». Предмет был для меня далёким, но написано было так, что сразу становилось ясно: человеку есть что сказать. После прочтения я немедленно захотел узнать об авторе: кто он, где живёт, что им ещё написано, и где это можно прочесть? К моему

удивлению, тогда сделать это оказалось непросто, хотя к кому только я ни обращался.

Таков был результат погрома Академгородка, učinённого властью. Задушив всё, что было в Академгородке независимого и талантливого, власть обрекла его на участь заурядного населённого пункта, каких было много вокруг Новосибирска. Академгородок покидали лучшие исследователи и профессора, не пожелавшие задыхаться в атмосфере тотальной слежки и отупляющей бюрократии. Почти одновременно с этим исходом в стране началась еврейская эмиграция. Стремительно пустели в университете кафедры естественнонаучных факультетов, в академических институтах – отделы, сектора и лаборатории. Редел круг моих друзей и знакомых. В разговорах то и дело доносилось: «Выпустили того, этого...». Выпускают, как известно, из клеток. Те, кого выпустили, устраивали проводы, прощались с остававшимися друзьями, обещали писать, - и исчезали на годы. Пустело вокруг. Какая-то жизнь ещё теплилась на кухнях «отказников», но, наконец, выпускали и их, оскорбив и ограбив до нитки. Выдающийся историк и мыслитель Александр Янов, за свою докторскую диссертацию в 1974-м изгнанный из СССР, задолго до случившихся событий предсказал крах советской империи, а затем и поражение российской демократии, и торжество фашистской диктатуры в конце 1990-х – «нулевых» годах.

В 1985 году, после сумрачного андроповского времени, из форточки вдруг потянуло очередной оттепелью. Повевший воздух свободы пьянил крепче всякого алкоголя. И для меня «жизнь вернулась так же беспричинно, как когда-то странно прервалась». Но росла семья, и жить с каждым годом становилось всё труднее. Чего я только не испытал! Даже занялся пчеловодством и создал кооператив. Но, благодаря рекомендации друзей, знавших о моём увлечении историей, я получил заказ на поиски архивных материалов для диссертации о просветительской деятельности Алтайской духовной миссии. Работая в архивах Тобольска и Барнаула, я впервые задумался о собственных публикациях и связанной с ними издательской деятельности. Так возникла идея книжной серии «Русская философская классика для юношества». В качестве первого тома серии я подготовил сборник «У водоразделов мысли», состоявший из натурфилософских и автобиографических сочинений Павла Флоренского, и моей вступительной статьи. Не имея опыта издательской работы, я предложил сборник Новоси-

бирскому областному книжному издательству. Предложение было принято, и книга вышла в 1990-м тиражом 50 тысяч экземпляров. Однако сделанные редакторами без моего согласия сокращения положили конец нашему сотрудничеству.

Другим задуманным проектом было издание краеведческого журнала «Сибирский тракт». Подготовив проект журнала, и сопроводив его письмом с просьбой о финансовой поддержке, я отвез его в приёмную губернатора области, в прошлом первого секретаря обкома КПСС. Но случившиеся вскоре события заставили меня забыть и о книжной серии, и о журнале. Впрочем, через полгода краеведческий журнал стал выходить в свет под названием «Земля Сибири». Выходил он недолго; и я бы о нём не вспомнил, если бы не такой случай. Через год, во время одной из встреч с Главным государственным архивистом России Рудольфом Германовичем Пихоя, мы чуть было не столкнулись перед входом в его кабинет с главредом этого журнала. Пихоя, зная историю моего проекта, решил нас познакомить. Но тот, услышав моё имя, неожиданно и резко свернул к лестничному пролёту, явно не желая со мной знакомиться. Как говорится, Бог ему судья.

Моя работа в архивах получила продолжение, когда меня пригласили выступить с докладом о жизни и деятельности священника Василия Вербицкого, алтайского миссионера, этнографа, лингвиста и тюрколога, на конференции, посвящённой столетию со дня его кончины. Конференция проходила в Доме учёных Сибирского отделения Академии Наук. После выступления я уже собрался покинуть Дом учёных, но меня в коридоре остановил академик Николай Николаевич Покровский, известный историк-медиевист и археограф. Мы с ним познакомились в 1968 году у Абрама Ильича Фета, доктора физико-математических наук, известного в Академгородке своим критическим отношением к советской науке, лично к товарищу Брежневу и всей его братии. Но с тех пор с Покровским виделись мы редко и только приветствовали друг друга. Поздоровавшись, он спросил, чем я занимаюсь. Я поделился своей идеей журнала «Сибирский тракт», в надежде, что это может его заинтересовать. Покровский в то время стал, что называется, фигурой знаковой, причём в масштабах, можно сказать, всей Сибири. Но журнал его не заинтересовал. Он предложил мне создать издательство и пригласил к себе, чтобы обсудить это.

Поначалу, признаюсь, это предложение меня обескуражило. Случись это кто-то другой - я бы отказался. Но это был Покровский!

Наша встреча проходила на кухне: Николай Николаевич несколько лет назад овдовел и жил один. Разговор был недолгим. Его предложение состояло в том, чтобы создать издательство, специализирующееся на публикации документальных и повествовательных источников по истории России, чтобы показать: «А как оно было на самом деле». Формирование редакционного портфеля он брал на себя, остальное ложилось на меня. В заключение встречи он предложил назвать будущее издательство – «Сибирский хронограф».

Покровский дал мне письмо к председателю правления Российского фонда культуры академику Дмитрию Лихачёву, который поддержал нас. Благодаря его хлопотам, созвали заседание правления. Я сделал короткий доклад о будущем издательстве, и мне показалось, что присутствующие ко мне отнеслись крайне неодобрительно. Но тут выступил первый заместитель председателя, бывший второй секретарь Пензенского обкома КПСС, профессиональный партийный босс. По-видимому, он привык говорить, когда внимают только ему. Он встал и, не слушая никого, зачитал постановление о том, что «Сибирскому хронографу» выделяется грант в триста тысяч рублей. Я полетел домой буквально как на крыльях. Нам выделили грант; было с чем начать. Не дожидаясь денег, мы зарегистрировали издательство и приступили к работе.

Но начали мы не с издания книг, а с печати бланков, акций и сертификатов. Я случайно оказался на собрании по акционированию предприятия. И заметил, что при обмене ваучеров на акции выдаются какие-то бумажки вместо напечатанных в типографии бланков ценных бумаг с элементами государственной символики. Всё, чтобы наладить производство – люди и техника, - в Академгородке имелось в избытке. Мы заключили договор на аренду так называемого полиграфучастка - малой типографии; такие типографии имелись при многих академических институтах для публикации научных изданий. И приступили к сбору и выполнению заказов от акционируемых предприятий.

Печатание бланков ценных бумаг оказалось делом весьма прибыльным, что позволило нам обзавестись офисом, автомобилем и необходимой для редакции техникой. Рентабельность печати однокрасочной печатной продукции

зашкаливала за 300%. Вскоре мы приступили к работе и над первыми, поступившими от Покровского, выпусками книг серии «История Сибири. Первоисточники». Но в августе 1991 года наши планы и даже само существование издательства оказались под угрозой исчезновения. В первую очередь из-за выступления ГКЧП, повлекшего распад СССР и исчезновение Фонда культуры, так и не выполнившего решение о выделении издательству гранта. Это, в свою очередь, повлияло на настроения ведущих сотрудников издательства, которые в ультимативной форме потребовали прекратить работы по выпуску некоммерческой литературы. Привыкнув хорошо зарабатывать на печатании бланков и ценных бумаг, они пришли к мысли, что наше издательство может быть хорошей «крышей» для занятий бизнесом. Мои попытки убедить их в том, что всё это ненадолго, ни к чему не привели. И нам пришлось расстаться, после чего многое в издательстве пришлось восстанавливать заново.

- Издательская деятельность связана с финансовыми рисками. Вы вкладываете деньги в изготовление книг, и если их реализовать не удастся – терпите убыток, а если удастся – получаете прибыль. Израильские русскоязычные издательства минимизируют этот риск, издавая книги исключительно за счёт автора. Удавалось ли вам находить платёжеспособных авторов? Удавалось ли полностью реализовать тиражи?

За годы работы в Академгородке издательство «Сибирский хронограф» выпустило более 400 наименований книг. Большая часть списка была выполнена по договорам с Росархивом и ведущими архивами страны – ГА РФ, РГВИА, РГАДА, а также по заказам московских академических институтов и отдельных исследователей. Многие издания были осуществлены за счёт грантов «Роспечати», департамента рекламы и СМИ правительства Москвы, фонда Сороса и научных фондов РГНФ и РФФИ, а также посольств США, Великобритании, Франции, которые выделяли гранты как на переводы, так и на издания, подготовленные их исследователями. Обращение за финансовой поддержкой в эти учреждения и организации было обычной практикой издательств, выпускающих некоммерческую и научную литературу. В продажу эти книги отпускались значительно ниже себестоимости. Прибыли у нас фактически не было. Но небольшой процент книг выходил за счёт авторов. В таком случае тиражи выпущенных книг передавались авторам, и дальнейшее распространение оказывалось их заботой. К

нам неоднократно обращались с просьбой издать за авторский счёт ту или другую книгу, но мы не всегда на это соглашались. Реализация готовых тиражей книг в среднем происходила так: 30% тиража уходило в течение первого года, остальные 70% - за три-пять лет.

Неожиданными для издательства стали заказы, поступившие от славистических центров ряда университетов в США. С течением времени нам удалось наладить сотрудничество с центрами славистики из Канады, Великобритании, Германии и Австралии.

Особенно продуктивным в 1990-е и в «нулевые» годы стало сотрудничество с группой исследователей, объединившихся вокруг доктора философии Александра Самойловича Ахиезера, автора монументального философско-исторического труда «Россия: критика исторического опыта». Этот труд выходил в нашем издательстве дважды – в 1996-м и в 2013-м. Многие сотрудники Ахиезера на долгие годы стали нашими авторами. Их труды на протяжении многих лет выходили в серии «Российское общество. Современные исследования». Не менее продуктивным в 90-е годы было и сотрудничество с исследователями Института славяноведения РАН. Своего сайта у «Сибирского хронографа» не было, и потому значительная часть книг, выпущенных за годы работы в Сибири, на сайте издательства «Новый Хронограф» не отражена...

- Он начинал ещё до перестройки, - включается в беседу Лидия Михайловна. – Когда мы познакомились, только у Лёни были книги, которых нигде в других местах нельзя было достать. Этим он просто покорил меня. В частности, конечно, этим. Самиздат, тамиздат, редкие книжки - всё проходило через него. Помню, только одну книжку, которую я хотела, он тогда мне не дал. Какую? «Под сенью девушек в цвету» Марселя Пруста. Но я тогда на него даже не рассердилась... Понимаете ли, для успешности издателю нужны две линии, два чувства: любовь к книге, во-первых, и во-вторых – уровень образования, знание дела.

- **Добавьте и обязательное третье условие – поддержку от близких людей. Но вот ещё одна цитата из Интернета¹, касающаяся вас. Писатель в интервью жалуется на скудность литературного рынка в России. Интервьюер**

¹ Цитирую по сайту газеты «Победа», Феодосия;
https://gorod24.online/feodosiya/news/192910-lev_shtuden_vysshaya_sila_nichego_vmesto_nas_delat_ne_budet.html.

возражает: «– Но ведь московский «Новый Хронограф» существует и выпускает ваши книги? – Леонид Сергеевич Янович – великолепный издатель, он чувствует, что печатать, прочитывает за день колоссальное количество рукописных страниц. Но его издательство живёт только случайными заказами. К примеру, какой-то деятель хочет опубликовать свои воспоминания и гарантирует оплату. За счёт этого «Хронограф» издаёт хорошую литературу». Действительно ли ваше издательство жило только случайными заказами?

- В своём интервью газете "Победа" писатель и мой дорогой друг Лев Леонидович Штуден ошибается. Мы сотрудничали с Росархивом, с другими архивами и с академическими институтами, с которыми регулярно согласовывали свои издательские планы. Например, с Институтом российской истории и с Институтом социологии Академии Наук мы сотрудничали на постоянной основе. Так что и выстраивали мы свои издательские планы в соответствии с их планами. Но изменялась внутренняя политика государства - изменялось и отношение к нашей работе.

В конце 1990-х, по предложению руководства Росархива, я переехал в Москву, но составленный мною проект создания издательства, учрежденного Росархивом, по причине изменений в законодательстве, не состоялся. Стать чиновником в Росархиве я отказался, и в 2001-м создал издательство «Новый Хронограф». Учредителями нового издательства выступили Теодор Шанин, ректор Московской высшей школы социальных и экономических наук, и Александр Яковлев, президент фонда «Демократия», бывший член горбачевского политбюро, «архитектор перестройки».

Переезд в Москву в известной мере послужил на пользу издательству – именно в Москве на время нам открылась богатейшая архивная база. Подружившись с главой федеральной архивной службы, я подтолкнул рассекречивание некоторых категорий документов. Приоткрылись архивы Политбюро; по этим материалам мы выпустили несколько книг. Тиражи сравнительно небольшие – по тысяче экземпляров. В Москве я продолжил начатую ещё в Академгородке книжную серию «Российское общество: современные исследования», дополнив её документальной серией «История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900-1963» и серией «СВАГ (Советская военная администрация в Германии. 1944-1948 гг.)». К сожалению, всё это, при быстро меняющейся социально-

политической обстановке, как возникало, так и исчезало. Более длительный срок был отпущен книжным сериям «Социальное пространство» и «От первого лица: история России в воспоминаниях, дневниках, письмах».

Конечно, из Москвы книги расходятся по всей стране, и распространять их гораздо легче, чем из Новосибирска. Но и жулики в Москве гораздо активнее, гораздо жёстче новосибирских. В 2005 году наше издательство очень сильно обманули, мы пережили банкротство – и всё же вернулись к работе. Подробности об этом рассказывать не буду. Со временем всё больше наших книг оказывались неугодными для представителей высшей российской власти. В условиях закрытия доступа исследователям к архивным фондам и прекращения сотрудничества с архивными учреждениями, а также из-за ликвидации научных фондов, финансировавших работу исследователей и издателей, публикующих их труды, дальнейшая работа издательства в Москве потеряла смысл.

- Каким вам показался Израиль? Изменилось ли после переезда ваше личное самоощущение? Интересуетесь ли вы так называемой русско-израильской литературой, то есть русскоязычным сегментом рынка израильских изданий?

- Чувствую в Израиле я себя прекрасно. Здесь много солнца, тепло и светло. В июле 2023 года мне исполнился 81 год. Встречал я его уже не в Москве, а в Тель-Авиве, куда мы с женой и старшим сыном Сергеем репатрировались в начале июня. В Израиле в этот день была уже вся моя семья, - четыре сына, две дочери и десять внуков.

Для меня Израиль – это прежде всего мои друзья-евреи, делившие со мной запасы своих знаний, своими увлечениями, спасавшие меня от сумрачности окружавшей нас жизни. Через их судьбы я пережил и века рассеяния, и Холокост, через них - и события 7 октября 2023 года. Когда в консульстве меня спросили, кто я по национальности, я ответил «русский», хотя, если быть точным, я и русским-то не являюсь. И вот теперь, когда я задаю себе этот вопрос, единственное, в чём я убеждён: что по духовному строю и строю своих мыслей, я – еврей.

Знаю, что Израиль - многонациональная страна, но это только увеличивает моё уважение к ней. Саму страну и её достопримечательности я знаю, конечно, маловато - по причине возраста и малоподвижности. Но я довольно много читал и об истории евреев, и о становлении Государства Израиль. Впрочем, мне кажется, что Израиль - это тема не

о культуре, а скорее о метафизике, то есть в размышлениях о вечном.

О русско-израильской литературе я пока знаю немного. В русских книжных магазинах Тель-Авива не бывал, для меня они труднодоступны. С деятельностью израильского Союза русскоязычных писателей ещё не знаком, как и с проблемами русскоязычного литературного пространства за границами России. Вы хотите сказать, что теперь это стало и моими проблемами тоже?

- А это уж решать вам. Издательство «Новый Хронограф» было ярким элементом в пейзаже современной российской культуры. Ваш переезд в Израиль - безусловно, большая экзистенциальная радость для Израиля и невосполнимая потеря для России. Ведь духовное богатство – не только во фразах на бумажных страницах или на экране компьютера, но и в душах людей, которые эти фразы публикуют. Как говорится: нашего полку прибыло!

БОНУС ТРЕК

Ася Анистратенко

Хищник

сытый хищник спит на моих ногах
в доме почти темно
надо бы встать размяться свет наконец включить
выбрать на вечер кино
продолжить жизнь посмотреть в окно
посмотреть что показывают часы
а меня интересует только одно
как у спящего хищника дергаются усы

всякий дурак знает может встать
размяться и свет включить
не всякий дурак справится хищника приручить
поэтому я сижу в восхищении
и чувствую как всё затекло
а хищник занят тепла поглощением
и мне от него тепло

АВТОРЫ НОМЕРА

Анна Михалевская – писатель-фантаст, эссеист, рецензент, живёт в Одессе.

Нелли Воскобойник – физик, автор коротких рассказов и эссе, живёт в Холоне.

Рита Грузман – предприниматель, живёт в Иерусалиме.

Тамара Нестеренко – литератор, редактор телевидения, живёт в Днепре.

Велвл Чернин – поэт, этнограф, переводчик, преподаватель, живёт в Кфар-Эльдад.

Ефим Шуман – писатель, журналист, живёт в Кельне.

Михаил Гаузнер – инженер, прозаик, живёт в Одессе.

Аль Затуранский – врач, прозаик, живёт в Кирьят-Бялик.

Марк Котлярский – литератор, публицист, редактор, живёт в Холоне.

Нурлан Токсанов – инженер-физик, прозаик, живёт в Астане.

Мехти Али – биолог, этнограф, педагог, литератор, живёт в Баку.

Яков Шехтер – писатель, живёт в Холоне.

Михаил Юдсон – писатель, жил в Тель-Авиве.

Эфраим Кишон – писатель, драматург, журналист, классик современной израильской юмористики, жил в Будапеште, Тель-Авиве, Аппенцелле.

Александр Крюков – дипломат, переводчик, профессор МГУ, живёт в Москве.

Яков Шабтай – прозаик, драматург, поэт, жил в Тель-Авиве.

Наум Вайман – поэт, переводчик, литературовед, живёт в Холоне.

Катя Капович – поэт, прозаик, редактор, живёт в Бостоне.

Дина Березовская – филолог, живёт в Беэр-Шеве.

Дина Меерсон – поэт, блогер, живёт в Беэр-Шеве.

Бахыт Кенжеев – поэт, живёт в Нью-Йорке.

Игорь Иртеньев – поэт, живёт в Кармиэле.

Михаил Сипер – кибуцник, поэт, живёт в кибуце Кфар-Масарик.

Леонид Линник – врач-психиатр, живёт в Нагарии.

Владимир Гамеров – врач-терапевт, живёт в Беэр-Шеве.
Максим Д. Шраер – прозаик, поэт, профессор литературоведения, живёт в Бостоне.
Семён Гринберг – поэт, живёт в Иерусалиме.
Настя Запоева – поэт, в прошлом крановщица, живёт в гор. Ирвайн, Калифорния.
Олег Фельдман – поэт, живёт в Израиле.
Евгений Богорад – поэт, лингвист, живёт в Хайфе.
Борис Суслович – поэт, программист, живёт в Холоне.
Игорь Губерман – поэт, прозаик, автор знаменитых «гариков», живёт в Иерусалиме.
Нисан Мишгаль – журналист и общественный деятель, живёт в Тель-Авиве.
Михаил Черейский – научный работник, переводчик, эксперт Всемирной организации здравоохранения, живёт в Реховоте.
Давид Шехтер – публицист, журналист, общественный деятель, живёт в Ришон ле-Ционе.
Роман Кацман – профессор кафедры еврейской литературы Бар-Иланского университета, живёт в Гиват-Шмуэле.
Осип Ксанин – литератор, редактор, живёт в Тель-Авиве.
Ася Анистратенко – поэт, автор-исполнитель песен, переводчик, живёт в Иерусалиме.

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Яков Шехтер, Михаил Юдсон

Заместитель главного редактора

Афанасий Мамедов

Референт

Александр Карабчиевский

Редколлегия: Катя Капович, Анна Мисюк, Ирина Маулер, Ирина Морозовская, Давид Маркиш, Михаэль Барам, Денис Соболев, Роман Кацман, Давид Шехтер

Корректор: Кармит Кособурд

Сайт журнала: <http://www.sunround.com/article/>

Фейсбук

:<https://www.facebook.com/TelAvivskijSetevojZurnalArtikl>

Электронный адрес редакции: articreda@gmail.com

Почтовую корреспонденцию в «Артикль» можно отправлять по адресу: **Irina Mauler, Journal "Article", Beer Yaakov, Arava 76, 703000.**

Телефон: 052-94666044(в Израиле)
(972)-529466044 (для заграницы).

מרכז למורשת יהודית בית המועצה

Центр наследия
евреев СССР

**ГОТОВЫ ЛИ ВЫ ПОМОЧЬ НОВЫМ
РЕПАТРИАНТАМ ИЗ УКРАИНЫ?**

**АССОЦИАЦИЯ "МААЛОТ" ИЩЕТ ВОЛОНТЕРОВ
ДЛЯ СВОЕГО ПРОЕКТА "ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ",
ПРИЗВАННОГО ОБЛЕГЧИТЬ РЕПАТРИАНТАМ ИХ
ПЕРВЫЕ ШАГИ В СТРАНЕ И ПОМОЧЬ СПРАВИТЬСЯ
С ПОСЛЕДСТВИЯМИ ПЕРЕЖИТОГО ИМИ УЖАСА.**

**ЕСЛИ ВЫ ГОТОВЫ ПРОТЯНУТЬ РУКУ ПОМОЩИ
НАШИМ БРАТЬЯМ И СЕСТРАМ – ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ:**

lev2lev@maalot.org

«Маалот» строит Музей наследия евреев из СССР и продолжает помогать репатриантам

«Маалот» - ассоциация (амута), созданная для реализации в Израиле проекта Музея евреев из бывшего СССР и создания на его основе Центра наследия евреев бывшего СССР. Согласно первому проекту 2018 года планировалось, что Музей будет построен в Иерусалиме, но в 2023 году о выделении земельного участка под него объявил мэр города Лод Яир Ревиво.

Ассоциация «Маалот» объединила видных представителей русскоязычной общины Израиля с целью создания в Израиле Центра наследия евреев СССР. Проект получил поддержку Натана Щаранского, министров Юлия Эдельштейна и Зеэва Элькина, Еврейского Университета в Иерусалиме и Музея еврейского народа в Тель-Авиве.

Создатели амуты: журналист и писатель Давид Шехтер, директор отделения славистики Еврейского университета в Иерусалиме Вольф Москович, ученый и специалист по разработке и внедрению математических моделей Марк Козенко, президент Ассоциации творческой интеллигенции Израиля писатель Давид Маркиш, журналист Виктория Долинская, основатель известного джазового трио Ганелин-Тарасов-Чекасин (Ganelin Trio) Вячеслав Ганелин, актриса и одна из основательниц театра «Гешер» Наташа Манор, врач-ветеринар Михаил Шапиро.

Совет экспертов ассоциации «Маалот»: бывший посол Израиля в России Дорит Голендер-Друкер, активист еврейского движения, узник Сиона Эфраим (Александр) Холмянский, диссидент, отказник, узник Сиона, главный редактор издательства "Даат" Иосиф Бегун, отказник, историк и писатель Михаэль Бейзер.

В Попечительский совет амуты «Маалот» входят Яков Соскин, Аркадий Майофис, Евгений Каган, Юрий Зельвенский, Евгений Белов, Евгений Бейлин. Руководитель амуты «Маалот» - общественный деятель, журналист и писатель Давид Шехтер.

